КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

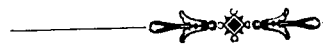
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

ІЮНЬ.



КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 мая 1900 года.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ В. Я. ГРЕЧУЛЕВИЧА.

(*По поводу тридцатилѣтія со дня его смерти*).

---

1 іюня настоящаго года исполняется 30 лѣтъ со дня смерти протоіерея Василія Яковлевича Гречулевича, замѣчательнаго духовнаго дѣятеля подольской епархіи, много и благотворно потрудившагося на поприщахъ общественномъ и литературномъ. Съ грустью приходится замѣтить, что въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ не появилось ни сколько-нибудь полной біографіи его, ни даже просто какихъ-нибудь новыхъ данныхъ о немъ, и тѣмъ болѣе—не дано до сихъ поръ надлежащей оцѣнки его дѣятельности. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти нашихъ читателей хоть нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности этого почти забытаго, замѣчательнаго человѣка, надѣясь на то, не послужитъ-ли настоящая замѣтка поводомъ для появленія въ печати новыхъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ.

В. Я. Гречулевичъ родился 1791 г. въ с. Игнатовкѣ, Гайсинскаго у. Дѣтскіе годы жизни его въ родительскомъ домѣ почти для насъ неизвѣстны. Родители его были люди небогатые, но это была образцовая священническая семья, религіозная, высоконравственная, проникнутая сознаніемъ религіозно-нравственныхъ народныхъ интересовъ; здѣсь-то, въ колыбели своего дѣтства, В. Я. и получилъ задатки тѣхъ чувствъ и убѣж-

деній, которыя питали его въ теченіе всей послѣдующей его жизни. Десяти лѣтъ В. Я. опредѣленъ былъ въ Шаргородское уѣздное училище, основанное преосвящ. Іоанникіемъ вмѣсто закрытой при Шаргородскомъ монастырѣ базиліанской школы, и, по окончаніи этого училища въ 1810 г., поступилъ въ подольскую духовную семинарію, которую и окончилъ въ 1814 г. Какъ лучшій изъ воспитанниковъ В. Я. назначенъ былъ тогда-же учителемъ латинскаго, славянскаго и русскаго языковъ, географіи, ариѳметики и рисованія въ Шаргородскомъ отдѣленіи семинаріи, а въ 1817 г., когда семинарія была реформирована и основано было вновь уѣздное училище въ м. Шаргородѣ, онъ опредѣленъ былъ учителемъ Шаргородскаго училища. 1820 г. В. Я. оставляетъ духовно-учебную службу и принимаетъ санъ священника. Съ этого времени начинается новый періодъ самой разнообразной и плодотворной его дѣятельности.

Какъ разъ въ это время скончался преосвящ. Антоній, и такъ какъ подольская каѳедра осталась незамѣщенною, то В. Я. долженъ былъ отправиться для рукоположенія въ г. Острогъ, гдѣ въ то время помѣщалась каѳедра волынскаго епархіальнаго архіерея; преосвященнымъ волынскимъ Стефаномъ онъ рукоположенъ былъ во священника въ с. Аннополь, Брацлавскаго уѣзда, гдѣ и священствовалъ до самой смерти; ставленную грамоту о. В. Я. получилъ уже отъ вступившаго въ управленіе подольскою епархіею архіепископа Ксенофонта.

Съ первыхъ шаговъ священства В. Я. обращаетъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства своимъ практическимъ умомъ и административными способностями. Онъ опредѣленъ былъ сначала присутствующимъ Брацлавскаго духовнаго правленія, а затѣмъ скоро и первоприсутствующимъ, освобожденъ былъ при этомъ отъ подвѣдомственности мѣстному благочинному и непосредственно подчиненъ Консисторіи.

1823 г.,—всего на третій годъ своего священства,—онъ назначенъ былъ благочиннымъ и состоялъ въ этой должности до конца своей жизни. Уважая дарованія В. Я., относясь къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, епархіальная

власть возлагала на него очень важныя порученія, требовавшія полнаго довѣрія со стороны поручавшихъ и большого административнаго такта со стороны исполнителя. Такъ, В. Я. былъ главнымъ дѣятелемъ въ раскрытіи слѣдствіемъ дѣла, надѣлавшаго въ свое время много шуму въ Подоліи,—о ереси капитана Савицкаго, ненормальнаго мистика, называвшаго себя Христомъ, Утѣшителемъ, духомъ святымъ, воплощеннымъ на землѣ, и обѣщавшаго своимъ послѣдователямъ устроить на землѣ царство; благодаря участію въ разслѣдованіи этого дѣла мягкой, гуманной личности В. Я., рѣшеніе Сената по этому дѣлу не было слишкомъ строго, что вполнѣ соотвѣтствовало настоящему положенію дѣла. Особенно полезною была дѣятельность Василія Яковлевича во время извѣстнаго польскаго возстанія, когда онъ назначаемъ былъ то слѣдователемъ, то депутатомъ въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ, относившихся къ этому возстанію, особенно въ дѣлахъ, касавшихся различныхъ столкновеній польскихъ помѣщиковъ съ духовенствомъ. Въ этомъ случаѣ В. Я. очень умѣло распутывалъ всѣ такія дѣла и, склоняя къ снисхожденію однихъ и къ уступкамъ другихъ, мирилъ такимъ образомъ между собою враждующихъ и прекращалъ такъ почти всѣ дѣла. Епархіальная власть высоко цѣнила заслуги В. Я. и осыпала его наградами. Въ 1827 г. онъ получилъ набедренникъ, 1830 г. Высочайше награжденъ скуфьею; 1832 г. произведенъ въ санъ протоіерея; 1838 г. пожалованъ камилавкою, 1843 г. наперснымъ крестомъ, 1849 г.—орденомъ св. Анны 3-й степени, 1855 г.—орденомъ Анны 2-й степени, 1861 г. получилъ корону на тотъ-же орденъ, 1868 г. награжденъ палицею и, наконецъ, 1869 г.—орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Такимъ образомъ, о. Гречулевичъ получилъ всѣ награды, какія только доступны для епархіальнаго бѣлаго духовенства,—отъ набедренника до ордена св. Владиміра 3-й степени. Вообще, административную дѣятельность В. Я. епархіальная власть признавала настолько полезною, что онъ оставался въ должности благочиннаго даже и тогда, когда за старостію лѣтъ его на священническое мѣсто въ с. Аннополь назначенъ былъ одинъ изъ сыновей его.

Но не одною своею административною дѣятельностью остался памятнымъ для Подоліи Василій Яковлевичъ. Неся на себѣ много обязанностей по духовно-административной службѣ, отнимавшихъ у него много силъ и времени, о. Гречулевичъ во все время своего долголѣтняго священства образцово исполнялъ и свои чисто-пастырскія обязанности.

С. Аннополь и до настоящаго времени сохранило христіански-гуманное направленіе, какое заложено было покойнымъ, и даже сосѣдніе крестьяне и теперь вспоминаютъ его добрымъ словомъ—черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти. Эти добрыя воспоминанія, живущія въ народѣ, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ его полезной пастырской дѣятельности и являются лучшимъ вѣнкомъ на его могилу. Но послѣ Василія Яковлевича осталась и болѣе реальная память: въ видѣ литературныхъ трудовъ его. Рѣдкій праздничный или воскресный день проходилъ безъ того, чтобы В. Я. не сказалъ устнаго или письменнаго слова. Обыкновенно поученія свои излагалъ онъ на малорусскомъ языкѣ и „это,—по словамъ некролога покойнаго,—возбуждало въ его прихожанахъ большую внимательность къ слушанію церковной проповѣди“ [1]). Къ сожалѣнію, намъ извѣстны тѣ лишь проповѣди покойнаго, которыя были напечатаны еще при его жизни; всѣ же рукописи о. Василія, оставшіяся послѣ его смерти, взяты были сыномъ его, преосвящ. Виталіемъ, еп. Могилевскимъ, намѣревавшимся, какъ кажется, издать ихъ. Но смерть преосвящ. Виталія, случившаяся въ 1884 г., не дала осуществиться этому благому намѣренію, и мы даже не знаемъ, гдѣ находятся въ настоящее время эти цѣнныя рукописи.

Первыми явились въ печати въ 1849 г. „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ“. Этотъ первый опытъ литературной проповѣди на малорусскомъ языкѣ обратилъ на себя вниманіе, и „Проповѣди“ быстро расходились; епархіальное начальство рекомендовало выписку ихъ подвѣдомственному духовенству. Въ 1857 г. вышло второе изданіе проповѣдей—въ исправленномъ видѣ, а 1860 г.—начали выходить отдѣльные оттиски проповѣ-

[1]) „Подольскія Епарх. Вѣд.“, 1870 г.

дей по нѣскольку въ каждомъ. Всѣхъ проповѣдей въ сборникѣ—59: на праздники Господніе—12, на воскресные дни—20, на праздники Богородичные—7, на праздники святыхъ—10 и на случайныя темы—10. Кромѣ того въ 1856 г. напечатаны въ Петербургѣ новыя проповѣди о. Гречулевича: „Бесѣды катехизическія на символъ вѣры и молитву Господню". Его-же „Бесѣды катехизическія на 9 блаженствъ евангельскихъ" выдержали два изданія,—послѣднее 1859 г. Въ 1858 г. напечатаны были „Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ", а въ 1859 г.—маленькая брошюра „О должностяхъ родителей и дѣтей".

Какъ видно уже по этимъ заглавіямъ, содержаніе проповѣдей о. Василія Г—ча весьма разнообразно; онѣ обнимаютъ весь катихизисъ и 60 другихъ главнѣйшихъ проповѣднических темъ. Уже одно разнообразіе содержанія и количество проповѣдей вызываютъ глубокое уваженіе къ трудолюбію автора. Знакомство съ внутренними достоинствами этихъ произведеній оставляетъ самое лучшее впечатлѣніе. Нужно было глубоко знать народъ, его духъ и характеръ, нужно было прекрасно владѣть его языкомъ, чтобъ съ такою экспрессіей, кратко, просто и ясно высказать въ понятной для всѣхъ формѣ самую суть въ затронутыхъ вопросахъ православно-христіанской догматики и морали. Излагая трудныя для популярнаго изложенія, высокія религіозныя истины, авторъ часто пользуется чисто-народными выраженіями, которыя искони созданы были самимъ народомъ и живутъ среди него параллельно съ книжными терминами; но больше религіозная терминологія состоитъ здѣсь изъ выраженій славянскихъ, которыя близко срослись съ малорусскимъ языкомъ и вошли въ него, какъ органическая часть его. Въ общемъ языкъ проповѣдей о. Василія Гречулевича—чистый малорусскій съ нѣкоторыми иногда специфическими особенностями Подольскаго говора.

Въ своей литературной дѣятельности о. Василій Гречулевичъ руководился однимъ искреннимъ желаніемъ возможно успѣшнѣе и полнѣе содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Для осуществленія этой высокой

цѣли о. Василій Г—чъ считалъ необходимымъ качествомъ проповѣди—ея народность. „Аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое?—говоритъ онъ словами ап. Павла.—Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ, и глаголющій мнѣ иноязычникъ (1 Кор. XIV. 9. 11)". И далѣе въ предисловіи къ своимъ „Проповѣдямъ" о. Гр—чъ подробнѣе развиваетъ общую мысль о возможности уразумѣнія и о вліяніи проповѣди лишь подъ условіемъ понятнаго выраженія ея на родномъ языкѣ. „Истина неоспоримая,—говоритъ онъ,—что для успѣха проповѣди необходимо, со стороны нашей, говорить народу на языкѣ, для него совершенно понятномъ, близкомъ сердцу, родномъ. И сія-то истина, если гдѣ, то особенно въ Малороссіи, давно-бы уже должна быть приведена въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, доселѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ почти не видно опытовъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Наши служители слова Божія, получая образованіе въ семинаріяхъ и академіяхъ и привыкая въ нихъ къ литературному русскому языку, не могутъ или не хотятъ въ послѣдствіи времени отвыкнуть отъ усвоеннаго ими способа выраженія; и вотъ иные изъ нихъ проповѣдуютъ народу слово Божіе на языкѣ, если не вовсе для него непонятномъ, то по крайней мѣрѣ весьма мало вразумительномъ, какъ-бы пренебрегая роднымъ языкомъ пасомыхъ,—языкомъ, на которомъ (по исчисленію извѣстнаго народописателя Шафарика) говорятъ тридцать милліоновъ православныхъ. Оттого-то такіе проповѣдники, почти всегда бывая для своихъ слушателей нѣкоторымъ образомъ „иноязычниками" (1 Кор. XIV. 11), не приносятъ надлежащей пользы своимъ проповѣдываніемъ". Указывая затѣмъ причины безуспѣшности проповѣди, о. Г—чъ говоритъ: „считаю не излишнимъ сдѣлать замѣчаніе, что, если иногда сельскіе проповѣдники слова Божія слабо дѣйствуютъ на умы и сердца прихожанъ, то это происходитъ не столько отъ недостатка дара убѣжденія, сколько отъ воззрѣнія говорящаго на слушающихъ. Вообще, наши священники имѣютъ о народѣ, среди котораго живутъ, слишкомъ общія, такъ сказать,

книжныя понятія. Самодѣятельная жизнь его, въ значеніи этнографическомъ, составляетъ для нихъ предметъ, посторонній ихъ слушанію. Между тѣмъ, живая рѣчь народа, идущая отъ сердца къ сердцу, ведетъ свое происхожденіе отъ всего, что когда-либо было испытано народомъ въ его прошедшемъ, и образуется по мѣрѣ развитія особеннаго, свойственнаго только извѣстному племени, характера: нравы, обычаи, склонности и самыя заблужденія народа суть прямые выводы изъ его многовѣкового существованія; а все это напечатлѣно въ складѣ его ума, въ его понятіяхъ, чувствахъ и въ способѣ выраженія чувствъ и понятій. Чтобъ говорить убѣдительно съ человѣкомъ, надобно болѣе или менѣе знать человѣка: чтобъ говорить убѣдительно съ народомъ, надобно войти въ духъ его жизни. Попади на ту струну, которая чувствительнѣе прочихъ въ душѣ извѣстнаго племени,—и ты овладѣешь его вниманіемъ. А это дается только тому, кто сроднился со своими слушателями, принявъ близко къ сердцу все, чѣмъ они живутъ, чему радуются и отъ чего страдаютъ. Врачъ не прежде возможетъ уврачевать недугъ болящаго, какъ узнавъ всѣ обстоятельства, которыя произвели этотъ недугъ: какъ-же можно врачевать недуги душевные, не вѣдая, при какихъ обстоятельствахъ они развивались? Для яда нужно противоядіе: а какъ его составить, не изслѣдовавъ свойствъ самаго яда? Все это я клоню къ тому, что, если какой-либо дѣятель на поприщѣ духа человѣческаго, то тѣмъ паче проповѣдникъ слова Божія долженъ содержать въ умѣ нравственный образъ тѣхъ, на кого направлена его дѣятельность". Указывая въ частности на свою собственную пастырскую дѣятельность, о. Г—чъ замѣчаетъ: „поставленный Господомъ священнодѣйствовать благовѣствованіе Божіе (Рим. IV. 16) въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ православной Подольской епархіи, гдѣ малороссійскій языкъ у народа во всеобщемъ употребленіи, я всегда живо сознавалъ приведенную выше истину и, при помощи Божіей, въ теченіе тридцати-шести-лѣтняго моего служенія Церкви Христовой, и въ званіи приходскаго священнослужителя, и въ санѣ первоприсутствующаго

Духовнаго Правленія (Брацлавскаго), а до нынѣ окружнаго Благочиннаго,—вполнѣ убѣдился въ великой пользѣ для нашихъ прихожанъ проповѣданія слова Божія на общепонятномъ для нихъ языкѣ малороссійскомъ. Это возбудило во мнѣ искреннѣйшее желаніе распространить, сколько можно далѣе, испытанную пользу, и я рѣшился изъ многихъ поученій, говоренныхъ мною разновременно, хотя нѣкоторыя привести въ извѣстность посредствомъ печати... Говорю это, какъ человѣкъ, стремящійся къ указываемой имъ цѣли. Вижу цѣль, жажду ея достигнуть, и, не надѣясь на собственныя силы, указываю на нее другимъ. Можетъ быть, другіе, ободренные примѣромъ моего усилія—если не успѣха,—сдѣлаютъ больше моего. Тогда возблагодарю Господа и за самое помышленіе о той пользѣ, которую желалъ я принести моимъ ближнимъ".

Такъ думалъ этотъ почтенный труженикъ и самъ въ дѣйствительности осуществлялъ то, въ истинности чего глубоко убѣжденъ былъ. Его проповѣди служатъ самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ искреннихъ стремленій его всѣми силами содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Въ дѣятельности своей неутомимый труженикъ всегда встрѣчалъ дѣйствительную поддержку и даже поощреніе со стороны архипастырей подольскихъ; имъ посвящалъ онъ свои проповѣдническіе труды, они-же содѣйствовали распространенію трудовъ его въ епархіи, рекомендуя выписку проповѣдей его духовенству или-же просто разсылая ихъ по приходамъ епархіи.

Полезная дѣятельность о. Василія Яковлевича была весьма продолжительна. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду, не доживъ всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 50-лѣтія своего служенія въ священномъ санѣ. Брацлавское духовенство, любившее и уважавшее покойнаго, собиралось торжественно отпраздновать пятидесятилѣтіе его священства. Но 1 іюня 1870 г. исполняя свои служебныя обязанности, о. В. Я. скончался въ с. Демковкѣ отъ старческаго удара. Общее сочувствіе къ покойному самымъ трогательнымъ образомъ выразилось при его погребеніи. По всему пути отъ с. Демковки до Аннополя, на разстояніи пят-

надцати верстъ, смертные останки его сопровождаемы были многочисленнымъ духовенствомъ и массами народа изъ окрестныхъ селъ; широко извѣстенъ былъ въ окрестности о. Гречулевичъ, и вездѣ извѣстіе о его смерти вызывало глубокую, неподдѣльную скорбь. Погребеніе совершилось 3-го іюня; тлѣнные останки покойнаго положены въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Аннополѣ.

А. Лотоцкій.

Вторая кіевская гимназія [1]

Попечительство Н. И. Пирогова.

1858—1861.

> Попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ: онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. *Пироговъ.*

Знаменитая статья нашего славнаго хирурга „Вопросы жизни" выдвинула его на педагогическое поприще, и если онъ своими либеральными взглядами на воспитаніе юношества смутилъ нашихъ рутинныхъ охранителей и вынужденъ былъ прежде времени оставить свой постъ, то это только показываетъ, что наше общество еще не дозрѣло тогда для воспріятія идей геніальнаго мыслителя, опередившаго своихъ современниковъ, и что никакія усилія общественнаго дѣятеля, подобнаго Пирогову, не въ состояніи пробить дубовую кору невѣжества и непотизма: одинъ—въ полѣ не воинъ...

Прибытіе Н. И—ча въ Кіевъ ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ кіевскаго учебнаго округа не ознаменовано. По случаю его пріѣзда не было ни особенныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ, ни мундирныхъ представленій новому начальнику. На другой день послѣ пріѣзда онъ представился Генералъ-Губер-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

натору и болѣе никого не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Спустя мѣсяцъ, правитель канцеляріи Губеръ напомнилъ ему, что слѣдовало-бы побывать у митрополита Исидора и, зная хорошо, что для подобныхъ визитовъ Н. И. тяжеленокъ на подъемъ, прибавилъ:

— Сегодня, в. П—во, высокоторжественный день; владыка служитъ въ Софійскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни къ нему обыкновенно заходятъ почетнѣйшія лица съ поздравленіемъ, то и Вамъ будетъ кстати зайти къ нему.

Мотнувъ, въ знакъ согласія, головой, Н. И. велѣлъ подать мундиръ, наскоро облачился и на пѣтушкѣ отправился въ Софійскій соборъ.

По окончаніи молебствія, входитъ Попечитель къ Митрополиту, и едва показался въ дверяхъ пріемной, какъ кн. Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, взялъ его подъ руку и подведя къ Преосвященному, отрекомендовалъ: „извѣстный Пироговъ“!

— А—а, вотъ и кстати,—промолвилъ владыка:—у меня и просьба къ Вамъ есть.

— Позвольте узнать, въ чемъ она заключается?

— У Васъ имѣется вакансія цензора, а у меня есть въ виду достойнѣйшій кандидатъ на эту должность—нѣкто Кулжинскій изъ Нѣжина.

Ни слова не отвѣтивъ на рекомендацію митрополита, Пироговъ посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ на висящіе по стѣнамъ портреты архіереевъ, сдѣлалъ два шага назадъ, тихонько вышелъ изъ залы, сѣлъ на дрожки и вернулся домой.

Для того чтобы объяснить такое, нѣсколько странное, поведеніе Попечителя, нужно знать, кто такой былъ рекомендуемый кандидатъ. И. Г. Кулжинскій, воспитанникъ Черниговской Семинаріи, пройдя учительскія должности въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, дослужился до директорства въ Немировской гимназіи, затѣмъ, какъ мы уже знаемъ [1]), помѣ-

[1]) См. «Кіевская Старина» за 1885 г. Немировская гимназія.

нявшись мѣстами съ инспекторомъ лицея Зимовскимъ, ушелъ отъ Экеблада въ Тифлисъ и, вышедши по болѣзни въ отставку на всегда поселился въ Нѣжинѣ и занялся на досугѣ писаніемъ разныхъ статеекъ, во вкусѣ редактора „Маякъ“, обскуранта Бурачка и К°. Въ то время черезъ Нѣжинъ проходилъ московскій почтовый трактъ, по которому постоянно проѣзжали разныя именитыя особы—генералы, губернаторы, архіереи. Домишко Ивана Григорьевича находился вблизи почтовой станціи, и ему всегда давали знать о пріѣздѣ каждаго важнаго сановника; онъ тотчасъ облачался въ мундиръ, нацѣплялъ свою аннушку на шею и спѣшилъ представиться. Скучающая отъ утомительной ѣзды на почтовыхъ особа была не прочь поболтать съ униженно-почтительнымъ и неглупымъ старикомъ, пока подадутъ лощадей—и вотъ завязывалось „знакомство на большой дорогѣ“, которое при случаѣ было очень и очень полезно. Познакомившись такимъ-же манеромъ съ митрополитомъ Исидоромъ, Кулжинскій и попалъ подъ его протекцію. Но Пироговъ зналъ Кулжинскаго отлично по сотрудничеству его въ „Маякѣ“ и на просьбу владыки сдѣлать такого гуся цензоромъ не могъ найтись что̀ сказать и безмолвно удалился. Конечно, такъ рѣзко могъ поступить съ его высокопреосвященствомъ только „извѣстный Пироговъ“.

Еще большимъ оригиналомъ выказалъ себя Н. И—чъ во время пріѣзда въ Кіевъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ковалевскаго. Недѣли за двѣ до его прибытія, директоръ 1-й гимназіи Деллень и правитель канцеляріи Губеръ совѣтовали Попечителю выѣхать на встрѣчу Министру, если не на границу Округа, то хоть въ Нѣжинъ.

— Это зачѣмъ? отвѣтилъ имъ Пироговъ: въ Нѣжинѣ есть директоръ Лицея и гимназіи—онъ и встрѣтитъ его.

Не смущаясь неудачей, непрошенные совѣтники напомнили Н. И—чу о необходимости приготовить для Министра приличное помѣщеніе на время его пребыванія въ Кіевѣ.

— Это зачѣмъ? возразилъ опять Попечитель: въ городѣ есть весьма хорошая гостинница—тамъ онъ и остановится.

Не смотря, однако-жъ, на такой категорическій отказъ, Делленъ, помимо его распоряженія, приготовилъ для Министра квартиру въ зданіи 1-й гимназіи.

Наконецъ утромъ одного дня изъ Нѣжина получена эстафета, что Министръ прибудетъ въ Кіевъ вечеромъ. Пироговъ прочелъ эстафету и нисколько не стѣсняясь, въ 12 часовъ, послѣ доклада, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ ежедневно, отправился верхомъ на дачу, за пять верстъ отъ города по житомірскому шоссе, и вернулся оттуда только на другой день утромъ. Но съ представленіемъ къ Министру не спѣшилъ, а тотъ, не дождавшись его, первымъ рѣшился нанести ему визитъ. Входитъ Министръ въ переднюю—тамъ, по обыкновенію, никого не было; въ залу—тоже никого нѣтъ; дверь въ кабинетъ полуотворена—онъ туда—и застаетъ хозяина за бритьемъ. Увидавъ Министра въ зеркалѣ, Н. И. кивнулъ ему головой и, не оборачиваясь, продолжаетъ свое бритье. Министръ, дождавшись конца операціи, любезно поздоровался съ хозяиномъ, который, надѣвши вицмундиръ, повелъ его по гимназіямъ на экзамены по группамъ.

Опять таки не слѣдуетъ забывать, что такъ поступить съ Министромъ могъ только „извѣстный Пироговъ".

Намъ, людямъ, Николаевскихъ временъ, воспитаннымъ въ правилахъ строжайшаго чинопочитанія и мундирныхъ представленій начальству, показалась непривычной необыкновенная простота обращенія Н. И—ча съ подчиненными. Кто-бы ни пришелъ къ нему—директоръ-ли гимназіи, профессоръ, учитель или студентъ, онъ былъ неизмѣнно одинаковъ. Въ пріемную къ нему входили безъ доклада: войдешь, бывало, въ переднюю—никого нѣтъ, въ кабинетъ дверь всегда полуоткрыта—тамъ за письменнымъ столомъ сидитъ попечитель и пишетъ. Не дожидаясь приглашенія, войдешь въ кабинетъ, садишься у стола и ждешь минуту-другую, не прерывая нити излагаемыхъ имъ на бумагу мыслей. Окончивъ періодъ, Н. И. кладетъ перо, откидывается на спинку кресла, и посмотрѣвъ на пришедшаго, спроситъ: „ну, что скажете?

Скажешь, зачѣмъ пришелъ, услышишь нѣсколько словъ, не требующихъ разъясненій и, видя, что онъ берется за перо, встаешь и уходишь. При этомъ Н. И. не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, какъ одѣтъ посѣтитель, въ мундирѣ-ли онъ, или въ простомъ сюртукѣ—для него безразлично. Самъ онъ посѣщалъ гимназіи всегда въ своемъ неизмѣнномъ драповомъ пальто, такъ что едва-ли кому-нибудь изъ учителей пришлось видѣть его хоть разъ, не говорю—въ мундирѣ, но даже въ вицмундирѣ.

Пироговъ терпѣть не могъ никакой торжественности, мишурнаго блеска, выставки. Наши, такъ называемые, торжественные акты, гдѣ обыкновенно публикѣ показывался товаръ лицомъ, при попечительствѣ Пирогова перестали существовать. Всякому, кто удостаивался получить пригласительный билетъ на актъ, памятны эти театральныя представленія, эта выставка произведеній отечественной педагогіи, но не всякій изъ посѣтителей, я думаю, зналъ, чего стоили актерамъ этой комедіи репетиціи, т. е. приготовленія къ акту. Выбирались пьесы, выбирались и ученики, назначались сочиненія для прочтенія предъ публикой, иногда за цѣлый мѣсяцъ до акта, въ самую, что называется, страдную пору—во время годичныхъ экзаменовъ. И вотъ назначается генеральная репетиція. Г. директоръ садится за столъ въ торжественномъ залѣ, представляя изъ себя почтеннѣйшую публику. Вводятъ актеровъ, остриженныхъ подъ гребенку и затянутыхъ въ мундиры, съ твердыми, какъ лубъ, воротниками, упирающимися въ подбородокъ. Сперва учатъ, какъ мальчикъ долженъ выходить на середину зала, какъ долженъ кланяться, дѣлать ножкой—это самое главное. Если такого предварительнаго испытанія мальчикъ не выдерживалъ, его не допускали до произнесенія затверженныхъ стиховъ и прогоняли изъ залы съ насмѣшками, хотя-бы онъ былъ первѣйшій декламаторъ. Всѣ эти ненужности при Пироговѣ сдѣлались преданіемъ; мундиры наши были спрятаны и попорчены молью.

Такое пренебреженіе къ мундирной внѣшности и парадной выставкѣ возбуждало сильное негодованіе охранителей старыхъ

порядковъ, и они поставили ему въ счетъ будущихъ инсинуацій, дискредитировавшихъ въ глазахъ правительства реформаторскую дѣятельность Н. И—ча.

Задумавъ произвесть въ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа реформу, первый годъ своего попечительства Пироговъ посвятилъ ознакомленію съ существовавшими въ нихъ порядками, какъ въ отношеніи преподаванія предметовъ, такъ и въ отношеніи дисциплины. Особеннымъ вниманіемъ Попечителя при посѣщеніи гимназій пользовался латинскій языкъ и законъ Божій. Придавая изученію древнихъ языковъ весьма важное значеніе, какъ предмету, наравнѣ съ математикой, развивающему способности учащагося, онъ старался улучшить пріемы преподаванія его въ гимназіяхъ. У нашего классика былъ такой пріемъ: вызвавъ ученика на средину класса, онъ занимался исключительно имъ однимъ, оставляя безъ вниманія весь классъ, при чемъ, наводя его на уразумѣніе смысла переводимаго отрывка, онъ не всегда вѣрно могъ оцѣнить степень его знанія, давая ему возможность скрыть свое невѣжество. Н. И—чъ старался отучить преподавателей отъ такихъ застарѣлыхъ привычекъ, настаивая на томъ, чтобы вниманіе *всего* класса не прерывалось ни на минуту въ продолженіе урока, чтобы учитель поддерживалъ это вниманіе, задавая имъ какъ можно чаще бѣглые вопросы и заставляя ихъ повторять дѣлаемыя объясненія правилъ. Самъ попечитель, для примѣра преподавателю, дѣлалъ это очень ловко. Разъ, помнится мнѣ, онъ засталъ на латинскомъ урокѣ ученика подлѣ каѳедры, переводившаго отрывокъ изъ Цицерона De officiis. Н. И. по обыкновенію сѣлъ на первой скамьѣ и сталъ слушать. Учитель, стоя подлѣ ученика, постоянно поправлялъ его и наводилъ; попечитель нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчаніе не мѣшать отвѣчающему, предоставивъ ему самому добиваться смысла, но учитель не унимался. Все это не могло остаться безъ вниманія на служебную карьеру почтеннаго классика. Какъ только исполнилось 30 лѣтъ его службы, Пироговъ отказалъ ему въ просимомъ пятилѣтіи.

— Довольно съ васъ, сказалъ онъ ему: ваши лѣта требуютъ отдыха. Нужно дать мѣсто молодымъ.

Законъ Божій, въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса, поставленъ въ положеніе исключительное: въ то время, когда всѣ другіе предметы служатъ къ обогащенію знаніями и къ развитію умственныхъ способностей учащихся, законъ Божій преимущественно долженъ вліять на нравственную сторону, дѣйствуя на сердце, направляя волю къ добру. Между тѣмъ Пироговъ, объѣхавъ половину округа и побывавъ на урокахъ законоучителей, вынесъ самое невыгодное мнѣніе о ихъ преподаваніи: у нихъ законъ Божій, даже болѣе чѣмъ нѣкоторые другіе предметы сдѣлался достояніемъ одной памяти, одного механическаго заучиванья текстовъ, часто безъ пониманія ихъ смысла. Н. И. конечно не скрывалъ своего недовольства и иногда высказывалъ его публично. Отцы вломились въ амбицію и изъ-подъ руки стали взводить на Пирогова обвиненіе въ индифферентизмѣ къ религіи вообще, что-де весьма вредно вліяетъ на учащихся, что онъ, порицая законоучителей за небрежное отношеніе къ ихъ обязанностямъ, унижаетъ достоинство самого закона Божія. Предсмертная исповѣдь нашего великаго хирурга да послужитъ имъ уликой въ такомъ недобросовѣстномъ обвиненіи.

Что касается преподаванія закона Божія во 2-й гимназіи, то у насъ, по выходѣ въ отставку о. Ѳедора, [1]) былъ выдающійся законоучитель, покойный Петръ Г врилович Лебединцевъ, впослѣдствіи каѳедральный протоіерей Софійскаго собора, который, повидимому, удовлетворилъ требованіямъ Пирогова. Помнится, Н. И. былъ у него на урокѣ въ IV классѣ. Прекративъ спрашиваніе заданнаго, о. Петръ началъ объяснять новый урокъ. Это была настоящая лекція, продолжавшаяся почти до звонка. Окончивъ чтеніе, онъ потребовалъ отъ одного ученика повторить свои объясненія. Понятно, что тотъ не могъ этого сдѣлать.

— Не можете? Я отъ васъ этого и не требую. Если только вы сказанное мной усвоили сердцемъ, то для меня этого довольно.

---

[1]) Мысловскаго.

Задумавъ реформу существовавшихъ въ гимназіи правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ воспитанниковъ, Н. И. при посѣщеніи гимназіи просматривалъ съ большимъ вниманіемъ штрафной журналъ за нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ немъ довольно несообразностей относительно несоотвѣтствія наказаній съ проступками. Затѣмъ потребовалъ вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Способъ опредѣлять разныя степени знанія посредствомъ пятибальныхъ отмѣтокъ, существующій и нынѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, не удовлетворялъ требованіямъ Пирогова: онъ считалъ его нераціональнымъ и даже вреднымъ.

Высказанный имъ при этомъ взглядъ подробнѣе формулированъ въ статьѣ „Школа и Жизнь".

„При отвѣтахъ испытуемаго, говорится тамъ, слѣдуетъ опредѣлять не *maximum*, а извѣстное *minimum* свѣдѣній. Maximum свѣдѣній—безпредѣльно и безконечно. Какъ ни разнообразьте вы ваши отмѣтки, какъ ни распредѣляйте число балловъ, вы никогда не обозначите всѣхъ степеней свѣдѣній. Вы никогда ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе и спросите: имѣетъ-ли такой-то достаточно знаній, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно: *да* или *нѣтъ*. И только эти два слова должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленіе вопроса о minimum свѣдѣній для перевода ученика въ высшій классъ".

На основаніи такого правила, принявъ кромѣ того во вниманіе потерю времени на продолжительность испытаній, годичные экзамены при Пироговѣ производились одновременно по всѣмъ предметамъ и въ каждомъ классѣ оканчивались въ одинъ день, значитъ, продолжались въ семи классахъ вмѣсто пяти недѣль всего 7 дней.

Дѣлалось это такимъ образомъ.

Ученики даннаго класса, по количеству преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, дѣлились на группы. Въ залѣ ставилось

столько столовъ, сколько было группъ, а за каждымъ столомъ возсѣдали преподаватель и ассистентъ. Когда инспекторъ оканчивалъ подобное размѣщеніе, по данному имъ знаку всѣ преподаватели одновременно начинали экзаменовать. Въ залѣ начиналось вавилонское смѣшеніе языковъ. Группы кругообразно переходили отъ одного стола къ другому, и впродолженіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ испытаніе по всѣмъ предметамъ оканчивалось. Разумѣется, что при оцѣнкѣ познаній ученика экзаменаторы руководились главнымъ образомъ годичными отмѣтками, которыхъ полагалось только двѣ: 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно—*да* или *нѣтъ*. Отличнѣйшіе по успѣхамъ ученики, по усмотрѣнію комитета, освобождались отъ экзамена. Директору и инспектору при экзаменахъ предоставлялся контроль; они подходили то къ одному, то къ другому столу, слѣдя за порядкомъ испытаній.

Извѣстно, что большинство нашихъ воспитанниковъ, не только среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеній, учится ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а наши педагоги еще болѣе способствовали гоньбѣ учениковъ за пятерками. Такъ напр., учитель математики Байеръ, восхищенный бойкимъ отвѣтомъ воспитанника, вынетъ изъ кармана свой „списочекъ“ и велитъ ему „по этой самой причинѣ“ собственноручно поставить отмѣтку 5 съ двумя крестами. Отмѣна пятибальной системы главнымъ образомъ должна была способствовать къ искорененію этого зла.

Но еще большій вредъ приносило и приноситъ умственному развитію учащихся механическое заучиваніе задаваемыхъ уроковъ, зубреніе учебниковъ, обогащающее одну лишь память ко вреду другихъ способностей. Противъ этого вѣками вкоренившагося способа ученія Пироговъ не переставалъ проповѣдывать какъ между преподавателями, такъ и между учениками, настаивая на необходимости *самостоятельнаго* труда. Съ этою цѣлію и были заведены *литературныя бесѣды*. Упражненія въ литературныхъ занятіяхъ по всѣмъ преподаваемымъ въ гимназіи наукамъ должно было служить цѣлію этихъ бесѣдъ. Всякое

проявленіе самостоятельнаго труда участника въ литературныхъ бесѣдахъ должно быть дорого для руководителей бесѣды, возбуждая въ нихъ надежду, что университетъ получитъ ученика, уже хорошо ознакомившагося съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ университетскимъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія. При этомъ наставникамъ было предложено указать учащимся на такіе предметы, которые-бы имъ были по силамъ.

На эти бесѣды разъ въ недѣлю собирались ученики VI и VII кл. обѣихъ гимназій. Ученикъ 1-й гимназіи приносилъ сочиненіе, а ученикъ 2-й гимназіи къ слѣдующему собранію писалъ на это сочиненіе критику, и тутъ между ними происходилъ диспутъ, который тутъ-же и записывался скорописцами. На критику иногда писалась антикритика и т. д.

Бесѣды происходили въ залѣ 1-й гимназіи, въ присутствіи гимназическаго начальства и преподавателей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Вмѣшиваться въ диспутъ двухъ соперниковъ никому не дозволялось. Только въ крайнемъ случаѣ, когда споръ заходилъ слишкомъ далеко и диспутанты не знали сами, какъ имъ выпутаться изъ сѣтей, въ которыхъ они сами себя запутали—ихъ останавливалъ Н. И. и наводилъ на настоящую дорогу.

На первыя бесѣды, сколько я помню, были представлены сочиненія: воспитанниками 1-й гимназіи Овсѣенкомъ, Забугинымъ и Лашкевичемъ, 2-й гимназіи—Дикимъ, Цвѣтковскимъ и Бутовичемъ. Сочиненія этихъ учениковъ, согласно правиламъ, были написаны по совѣщаніи съ преподавателями, но авторы слѣдовавшихъ за ними сочиненій перестали согласоваться съ установленными попечителемъ правилами. Выборъ темъ сталъ своеволенъ и безразличенъ: такъ, воспитанникъ 2-й гимназіи Н—нъ дерзнулъ преподнести почтенному собранію теорію Духинскаго, доказывая, что русскіе—не славяне, а туранцы, истинные-же славяне поляки, которымъ и подобаетъ господствовать надъ всѣми прочими славянскими народностями, для чего

необходимо возвратить Польшѣ ея прежнее могущество, расширивъ ее до границъ 1772 года. Замѣчательно, что подъ давленіемъ начинавшагося тогда польскаго террора, ни въ 1-ой, ни во 2-ой гимназіи не нашлось ни одного критика на это сочиненіе: въ то время начались уже революціонныя манифестаціи въ Варшавѣ, а вслѣдъ за Варшавой повторились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края безпрепятственно.

Ученикъ 2-й гимназіи Шульцъ прочелъ сочиненіе о куреніи табака, причемъ, не стѣсняясь, порицалъ тутъ-же сидѣвшее начальство, которое не стыдилось взыскивать за такіе пустяки.

Въ силу ложно понятаго значенія самостоятельнаго труда, воспитанники высшихъ классовъ, пренебрегая сухими учебниками, „съ ученымъ видомъ знатока“ стали штудировать серьезныя сочиненія, не вполнѣ доступныя ихъ пониманію, такъ напр. по словесности—Шерра, по исторіи—Бокля и т. п., и если учитель математики спроситъ урокъ у кого-нибудь изъ этихъ самостоятельныхъ ученыхъ, то ему отвѣтятъ: „я спеціально занимаюсь словесностью или исторіей“.

Не смотря, однако-жъ, на такія, вовсе нежелательныя явленія, нельзя сказать, чтобы литературныя бесѣды совершено не достигали своей цѣли. По словамъ самого учредителя ихъ, „многіе изъ участвовавшихъ въ бесѣдахъ доказали явное научное стремленіе и любовь къ занятіямъ и дарованіе“. Н. И. не терялъ надежды улучшить это въ высокой степени полезное учрежденіе, которое послужитъ средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности учащихся. Но этотъ самостоятельный трудъ никому сразу не дается; въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайной постепенностью.

Для лицъ, желающихъ получить должность учителя по избранному предмету, установлены были, такъ называемые, *конкурсы*, состоявшіе въ слѣдующемъ:

Въ одной изъ гимназій конкуренту назначался пробный урокъ. Для того чтобы не прерывать хода преподованія, урокъ

этотъ обыкновенно служилъ продолженіемъ того, на чемъ остановился преподаватель. Конкурсному уроку предшествовалъ краткій colloquium, долженствовавшій обнаружить въ будущемъ учителѣ степень его знакомства съ избраннымъ имъ предметомъ. Затѣмъ пробный урокъ происходилъ въ присутствіи попечителя, или чаще всего его помощника—І. Г. Михневича, директора и въ рѣдкихъ случаяхъ профессора педагогіи. На этомъ урокѣ конкурентъ обязанъ былъ выказать умѣнье обращаться съ классомъ и обнаруживать болѣе или менѣе искусные пріемы въ преподаваніи. Покончивъ всю эту процедуру, члены комитета совѣщались между собой и составляли протоколъ о замѣченныхъ ими достоинствахъ и недостаткахъ конкурента, рѣшавшій его участь.

По закрытіи въ 1858 г. института казеннокоштныхъ студентовъ, доставлявшаго гимназіямъ Кіевскаго учебнаго округа потребный контингентъ преподавателей, учреждены были, по мысли Пирогова, *Педагогическіе курсы*, которые, однако-жъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣнили прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ кандидатовъ-педагоговъ бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а руководителей-профессоровъ и учителей по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, получавшихъ солидное вознагражденіе за чисто фиктивные труды, человѣкъ 15—20; да и тѣ немногіе кандидаты, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя, уходя въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на нихъ денегъ. Такое-же фіаско потерпѣли педагогическіе курсы и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ дневникъ проф. Никитенка.

Концу 50-хъ годовъ нашего столѣтія суждено было, по иниціативѣ Пирогова, разрѣшить великіе „вопросы жизни“ возрожденнаго послѣ долгаго сна общества. Сколько было въ эти годы высказано въ нашей литературѣ благородныхъ убѣжденій! Какая широта взглядовъ на народное образованіе! Какая обширная программа для дѣятельности нашихъ педагоговъ! Всякій спѣшитъ придумать что-нибудь новое, заявить о своей про-

грессивныхъ стремленіяхъ, побранить рутину. Это памятное для насъ время по преимуществу можетъ быть названо эпохой проектовъ, мнѣній, начинаній, улучшеній [1]). И всю эту новую теорію воспитанія выпало на долю нашимъ педагогамъ прилагать къ дѣлу. Авторы разныхъ прожектовъ большею частію заботились о томъ, чтобы у нихъ красиво и гладко выходило на бумагѣ, не думая о томъ, насколько примѣнимы къ условіямъ русской жизни ихъ воззрѣнія. Какъ ни глубокомысленны были ихъ теоретическія соображенія, но они не могли иначе войти въ жизнь, какъ путемъ долговременнаго опыта; кромѣ того, для этого требовались энергическіе, чуждые утопій и увлеченій практики, которые съумѣли-бы осуществить задуманныя реформы, не насилуя дѣйствительности, а приноравливаясь къ потребностямъ общества, чтобы задуманное было такъ-же хорошо на дѣлѣ, какъ оно у нихъ выходитъ на бумагѣ, а не казалось-бы только такимъ.

Преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа до попечительства Пирогова, при всемъ ихъ желаніи участвовать въ обсужденіи разныхъ педагогическихъ вопросовъ, за отсутствіемъ ученаго органа, не было возможности высказаться. Циркуляръ по Управленію Округомъ служилъ лишь оффиціальнымъ органомъ попечительской канцеляріи и заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о производствахъ въ чины, о перемѣщеніяхъ, назначеніяхъ и наградахъ служащихъ; при Пироговѣ-же этотъ циркуляръ сдѣлался журналомъ педагогическимъ. Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ его стали помѣщаться мнѣнія учителей гимназіи о преподаваніи предметовъ гимназическаго курса. Мѣра въ высокой степени полезная; ибо, какъ говорятъ французы, du choc des opinions éclaire la verité.

Редакція педагогическаго отдѣла была возложена на помощника попечителя І. Г. Михневича.

---

[1]) По своеобразному мнѣнію уч. Богатинова (Р. Архивъ 99 г.) это была пора, когда все подвинулось къ чему-то, оторвалось отъ стараго порядка, понеслось безтолково, кувыркаясь, плюя на прошлое. Въ землѣ Русской начинался хаосъ...

Къ сожалѣнію, между нашими педагогами нашлись господа, которые посредствомъ этихъ мнѣній задумали сдѣлать себѣ карьеру—проложить путь къ повышенію по службѣ. Пользуясь довѣрчивостью попечителя, который не всегда могъ провѣрить на дѣлѣ излагаемый ими способъ преподаванія, объ успѣшности коего они разглагольствовали на бумагѣ, эти проныры стали лгать безсовѣстнымъ образомъ. Таковы, напр., мнѣнія о преподаваніи русскаго языка Мануйловича—лѣнивѣйшаго изъ преподавателей Новгородъ-Сѣверской гимназіи—и учителя Каменецъ-Подольской—Рѣдчица, [1]) пожалованнаго за мнѣніе въ инспекторы. Хорошъ былъ въ этомъ отношеніи и Бѣлоцерковскій словесникъ. Нужно было знать этихъ людей, какими они были на дѣлѣ, чтобы отнестись съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ ихъ пышнымъ фразамъ, а между тѣмъ ихъ „мнѣнія“ стали образцомъ для руководства многихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которымъ попечитель при случаѣ не переставалъ рекомендовать ихъ.

Учитель Русскаго и Славянскаго языка 2-й гимназіи Омельяненко, едва вступилъ въ должность послѣ отставки Березницкаго, не искушенный опытомъ, не овладѣвъ вполнѣ своимъ предметомъ, также помѣстилъ въ Циркулярѣ мнѣніе о преподаваніи да не одного русскаго языка, но и словесности, которой ему не довелось преподавать вовсе. Не соглашаясь съ его мнѣніемъ, я не могъ оставить его безъ возраженія, самъ преподавая русскій языкъ и словесность впродолженіе 13 лѣтъ.

Важнѣйшею реформой Н. И. Пирогова, навлекшею на него наиболѣе нареканій со стороны охранителей старыхъ порядковъ, было, безъ сомнѣнія, введеніе „*Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ*“. Руководящимъ мотивомъ этого ново-

---

[1]) Этотъ педагогъ, не совѣстясь, между прочимъ написалъ, что ученики до того увлекаются его преподаваніемъ, что «когда досадный звонокъ» возвѣститъ объ окончаніи урока, то они горько плачутъ.

введенія была завѣтная мысль Н. И—ча уничтожить произволъ и самодурство начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. Приглядѣвшись къ существовавшимъ взысканіямъ, онъ нашелъ, что не только въ разныхъ дирекціяхъ существуютъ различныя наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ, но одно и то-же наказаніе употребляется съ разною цѣлію. Объединеніе такихъ дѣйствій было необходимо.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее отсутствіе твердыхъ началъ въ системѣ нашего воспитанія, въ педагогической практикѣ дореформеннаго періода не переставалъ существовать извѣстный кодексъ правилъ и инструкцій для руководства педагоговъ. Всѣ эти инструкціи главнымъ образомъ направлены были къ тому, чтобы индивидуальныя свойства учащихся подвести подъ одинъ общій уровень, чтобы это безконечное разнообразіе темпераментовъ, наклонностей, особенностей ума и воли обобщить, нивелировать, привесть, такъ сказать, къ одному знаменателю. Такое *гуртовое* воспитаніе, конечно, весьма облегчало тяжелый трудъ педагоговъ-воспитателей при ихъ, по большей части, формальномъ отношеніи къ дѣлу, избавляя ихъ отъ обязанности *индивидуализировать* дѣтей, безъ чего наше общественное воспитаніе лишено было жизненности, цѣлесообразности и обращалось въ какую-то однообразную, уродливую схоластическую команду, какъ будто мы имѣли дѣло не съ разумными существами, а съ машинами. Невозможность вникать въ натуру каждаго воспитанника въ многолюдныхъ гимназіяхъ нарушило и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитанникамъ, которыя составляютъ отличительную черту домашняго воспитанія—родительскаго. Патріархальныя отношенія, особенно въ нашихъ Юго-Западныхъ гимназіяхъ, не мыслимы, да и вообще они сдѣлались миѳомъ. Въ нашихъ заведеніяхъ господствуетъ другое начало—*административное*; изъ этого начала Н. И—чъ старался извлечь все, что есть въ немъ хорошаго, а хорошее въ этомъ началѣ онъ находилъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать къ развитію въ дѣтяхъ чувства *законности*. Главнымъ-же средствомъ

къ развитію этого чувства онъ считалъ составленіе точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ для всѣхъ дирекцій правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ.

Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи... Многочисленный сводъ законовъ, долженствовавшій ограждать личность каждаго гр жданина отъ насилій и произвола, лежалъ въ бездѣйствіи, какъ въ раззолоченныхъ шкафахъ разныхъ департаментовъ, такъ и въ грязныхъ вмѣстилищахъ уѣздныхъ судовъ и полицій, хотя нашъ многострадальный народъ, терпя беззаконіе, не переставалъ питать уваженіе къ закону, повторяя свое изреченіе: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты".

Только съ вознесствіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ зараженной рабствомъ атмосферѣ почуялось новое дыханіе жизни; народъ сталъ ждать облегченія своей участи, и никогда это ожиданіе не было такъ увѣренно, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, съ которыми знаменательно совпали немногіе годы попечительства Пирогова, избавившаго дѣтей отъ произвола воспитателей введеніемъ въ гимназіяхъ кодекса правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, до введенія коихъ наша учащаяся молодежь находилась въ крѣпостномъ состояніи у своихъ воспитателей: повсюду были страшныя истязанія дѣтей—въ училищахъ духовныхъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и низшихъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства...

Упраздненіе розги въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ аналогично съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія: какъ состояніе душевладѣльцевъ въ лицѣ своихъ представителей—Муравьевыхъ, Закревскихъ и Панинныхъ пророчило бунты, рѣзню и революцію, такъ и наши доморощенные педагоги съ унитоженіемъ розги предсказывали совершенную деморализацію воспитанниковъ, утверждая, что только розгой и держится дисциплина въ заведеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе жестоко ошиблись въ своихъ пророчествахъ.

Задумавъ благодѣтельную реформу во внутреннемъ строѣ гимназій Кіевскаго учебнаго Округа, Н. И—чъ предварительно

затребовалъ отъ директоровъ статистическія свѣдѣнія о числѣ тѣлесныхъ наказаній за 1858 годъ. Что-бы это значило?—недоумѣвали директора и безсовѣстно стали лгать, уменьшивъ количество высѣченныхъ воспитанниковъ до минимума. Только болѣе храбрые и недогадливые дали свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностію. Жаль, что попечитель потребовалъ свѣдѣнія за годъ своего управленія Округомъ, когда, подъ вліяніемъ гуманныхъ взглядовъ его, наказанія розгами значительно уменьшились; если-бы онъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ до своего прибытія, то увидалъ-бы не то: одни субботки Николая Михайловича Гренкова доставили-бы ужасающую цифру избіенныхъ младенцевъ, которая превзошла-бы сообщенную волынскимъ директоромъ Китченкомъ (280 человѣкъ) за 1858-й годъ.

Запасшись матеріалами, Пироговъ составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами комитета были: помощникъ его, Михневичъ, два директора, два инспектора кіевскихъ гимназій, инспектора казенныхъ училищъ, профессоры университета: исторіи—Шульгинъ и педагогики—Гогоцкій, и два учителя. Засѣданія комитета длились болѣе трехъ недѣль. Съ перваго же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги. Оппонировали ему больше всѣхъ оба директора: Гренковъ и Делленъ (профессоръ!); послѣдній написалъ цѣлую апологію розгѣ, состоявшую изъ 40 пунктовъ, въ доказательство ея необходимости въ гимназіяхъ, ссылаясь между прочимъ на примѣръ Англіи. На это Н. И. возразилъ ему: „тамъ, гдѣ чувство законности глубоко вкоренилось и проникло всѣ слои общества, тамъ самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны; а тамъ (какъ у насъ), гдѣ нужно сначала распространить это чувство, розга не годится. Но у насъ еще нельзя вывести розгу вовсе изъ употребленія: пока дѣтей сѣкутъ дома, трудно придумать что-нибудь другое для наказанія. А если при существующихъ узаконеніяхъ, вывести ее комитетъ не въ правѣ, то слѣдуетъ употреблять этого рода наказаніе съ крайнею осторожностію“.

Когда наконецъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ, порѣшили допустить розгу только по опредѣленію педагогическаго совѣта большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, то ярый защитникъ тѣлесныхъ наказаній Николай Михайловичъ Гренковъ, скорчивъ пресмѣшную мину, обратился къ предсѣдателю съ просьбой;

— В. П—во! позвольте директору безъ опредѣленія педагогическаго совѣта, иногда хоть маленькихъ посѣчь немножко!

Извѣстный журнальный критикъ Добролюбовъ, съ такимъ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе знаменитой статьи Пирогова „Вопросы жизни", предалъ Н. И—ча гласному осужденію за сохраненіе розги въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа; но едва ли онъ былъ правъ, потому что и то, что успѣлъ сдѣлать предсѣдатель Комитета для облегченія участи дѣтей, при существовавшихъ тогда жестокихъ истязаніяхъ и въ семьѣ, и въ школѣ, было великимъ для нихъ благодѣяніемъ; при томъ же вопросъ о томъ, быть или не быть розгѣ въ училищахъ, рѣшенъ условно не имъ самимъ, а по большинству голосовъ, коллегіально. Ограничивъ произволъ директоровъ педагогическимъ совѣтомъ, онъ уже тѣмъ самимъ сдѣлалъ розгу наказніемъ исключительнымъ.

Предписавъ дирекціямъ ввести въ употребленіе составленныя комитетомъ „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ", Пироговъ предложилъ воспитателямъ слѣдить за примѣненіемъ ихъ на дѣлѣ и докладывать ему о неудобствахъ и недостаткахъ.

„Прошу всѣхъ и каждаго воспитателя, по введеніи въ дѣйствіе „Правилъ", сообщать мнѣ замѣченные недостатки и указать придуманныя каждымъ изъ нихъ исправленія".

Значитъ, Пироговъ не считалъ введенныхъ въ гимназіяхъ „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ" совершенствомъ, такъ какъ на опытѣ могли обнаружиться проступки, непредусмотрѣнные комитетомъ, упадокъ же дисциплины въ заведеніяхъ не основательно приписывать введенію этихъ правилъ, какъ думаетъ ненавистникъ нововведеній Богатиновъ.[1]) Самъ же онъ сознается,

[1]) См. Русскій Архивъ 1899 годъ № 8-й.

что дисциплина (относительно 1-й гимназіи) упала отъ другихъ причинъ.

„Директоръ Делленъ, прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ (такіе люди всегда бываютъ плохими администраторами) былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти; а инспекторъ Дабижа, также прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижаться до мелочей школьной обыденности и заниматься самоотверженно. Но онъ скоро получилъ другое назначеніе. На мѣсто его Пироговъ выписалъ изъ Чернигова Андріяшева: получивъ его правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, онъ узрѣлъ въ немъ призваннаго педагога, но при немъ дисциплина окончательно упала. Нельзя было узнать первой, образцовой по порядку, гимназіи".

Какъ-бы въ подтвержденіе того, что сказано здѣсь о несостоятельности инспекціи въ 1-й гимназіи, воспитанники пансіона, помѣщавшагося надъ попечительской квартирой (гдѣ теперь канцелярія), учинили крупный дебошъ, взволновавшій попечителя и ускорившій перемѣщеніе Дабижи въ Одесскій округъ.

Въ одно изъ засѣданій комитета, когда всѣ члены были уже въ сборѣ, входитъ предсѣдатель и спрашиваетъ: „Дабижа здѣсь?" Нѣтъ, еще не пришелъ, былъ отвѣтъ. Не садясь за столъ, Н. И. мрачный и взволнованный, какимъ никто его изъ насъ до того не видалъ, сталъ ходить насупившись по залѣ, а мы всѣ стояли у стола. Входитъ Дабижа.

— Что у васъ тамъ въ пансіонѣ случилось?—обратился къ нему попечитель.

— Ничего особеннаго, в. п—во.

— Какъ ничего?

— По крайней мѣрѣ въ поданномъ мнѣ дежурнымъ воспитателемъ рапортѣ ничего не было доложено.

— Вамъ нужны рапорты? Вы сами не можете зайти въ пансіонъ? Вамъ нужны доклады? Вы обязаны знать первымъ, что дѣлается въ пансіонѣ!

Согласно вышесказанному распоряженію попечителя, по введеніи правилъ, мною замѣчены и доложены слѣдующія неудобства:

1) Наказаніе за незнаніе урока розгами, по Пироговскому кодексу, замѣнилось арестомъ съ обязательной работой; но въ практическомъ примѣненіи этого правила наказаніе падало не на лѣнтяя ученика, а на инспектора, который долженъ былъ сидѣть подъ арестомъ вмѣстѣ съ учениками, пока они не вызубрятъ свой урокъ. Вслѣдствіе моего заявленія о непримѣнимости этого правила въ заведеніи съ 700 воспитанниковъ, гдѣ ежедневно по разнымъ предметамъ оставлялись подъ арестомъ около 30 человѣкъ, Попечитель самолично захотѣлъ провѣрить справедливость его заявленія. Пришелъ онъ въ гимназію около 2-хъ часовъ и, отпустивъ меня обѣдать, просидѣлъ съ арестованными до 7 часовъ вечера. Убѣдившись такимъ образомъ на дѣлѣ о неудобствахъ § Правилъ объ арестѣ съ обязательной работой, разрѣшилъ, по моему представленію, пригласить трехъ студентовъ, которые за обѣдъ въ общей квартирѣ и по 10 руб. въ мѣсяцъ обязались сидѣть съ учениками до вечера и выслушивать ихъ уроки.

2) *Судъ товарищей* способствовалъ къ развитію общественнаго мнѣнія между воспитанниками. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести цѣлаго класса. Но судъ выборныхъ не всегда былъ удаченъ и безпристрастенъ. Было два случая: въ первомъ, ученики VII класса выгоняли изъ комнаты для занятій общей квартиры ученика V-го класса за то, что онъ не шелъ спать и сидѣлъ безъ позволенія инспектора до 10 часовъ, тогда какъ этимъ правомъ пользовались только семиклассники, при чемъ одинъ ученикъ VII класса ударилъ ученика V класса и назвалъ его товарищей дураками. Оскорбленный, на другой день далъ пощечину оскорбившему его. Судъ выборныхъ былъ помѣщенъ мною въ особой комнатѣ. Такъ какъ въ разбирательство дѣла инспекторъ вмѣшиваться не долженъ, то, заперши выборныхъ на ключъ, я ушелъ на квартиру. Черезъ два часа я

навѣстилъ ихъ, но дебаты судившихся не привели ни къ какому рѣшенію, и я опять ушелъ. Было уже 7½ часовъ, когда судьи, не видя конца спорамъ, томимые голодомъ, приступили ко мнѣ съ просьбой рѣшить дѣло по моему усмотрѣнію.

Во второмъ случаѣ, ученикъ VI класса побилъ ученика V класса еврея, за то, что тотъ обругалъ его. Выборные присудили побитому арестъ за то, что онъ обругалъ христіанина. И тутъ дѣло рѣшено неосновательно.

Въ Бѣлоцерковской гимназіи *самосудъ* окончился самоубійствомъ ученика VII класса, высѣченнаго товарищами за какой-то позорящій заведеніе проступокъ. Печальный этотъ случай послужилъ обвинительнымъ пунктомъ для сверженія Пирогова съ попечительства.

3) *Оскорбленіе прислуги дѣйствіемъ.* Это зло съ особеннымъ упорствомъ держалось въ закрытомъ заведеніи, куда поступали дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ, поссесоровъ и экономовъ большихъ имѣній, смотрѣвшихъ на крѣпостныхъ, какъ на рабочій скотъ. Воспитанные въ такой средѣ мальчики позволяли себѣ обращеніе съ прислугой крайне грубое и неуважительное, между тѣмъ какъ между лакействомъ находились отставные николаевскіе солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ Богу-Государю. Правила за этотъ проступокъ гласили: „для возстановленія униженнаго человѣческаго достоинства обиженнаго ученикъ обязанъ просить у него прощенія публично, и кромѣ того за обиду—вознагражденія матеріальнаго въ видѣ штрафа, выдачей мѣсячнаго жалованья. Отучить воспитанниковъ отъ этого безобразія стоило мнѣ не мало хлопотъ и, кажется, я началъ достигать цѣли; но рукопашная расправа г. директора въ присутствіи учениковъ съ однимъ изъ служителей испортила все дѣло. Докладывать же попечителю о проступкѣ самого начальника заведенія инспектору не полагается.

4) Со времени введенія „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ розга довольно продолжительное время существовала въ гимназіи только de jure; но, къ сожалѣнію, пришлось употребить ее въ дѣло de facto. Уже по увольненіи Гренкова, г. г°

преподаватели стали заявлять мнѣ, исполнявшему обязанности директора, объ упадкѣ классной дисциплины, а надзиратели о своевольствѣ мальчугановъ во время перемѣнъ, при чемъ надзиратель Садковскій доложилъ, что когда онъ пригрозилъ, по старой привычкѣ, ученику 2-го класса розгой, то шалунъ сказалъ ему, что „скорѣе васъ высѣкутъ, чѣмъ меня". Что дѣлать? Въ силу такого-то пункта „Правилъ" подобный проступокъ требовалъ быстраго, мгновеннаго наказанія, которое тогда только и достигнетъ своей цѣли, когда будетъ совершено немедленно за учиненнымъ проступкомъ, а между тѣмъ собрать совѣтъ въ полномъ составѣ можно было только на другой день; вслѣдствіе чего я порѣшилъ ограничиться наличными членами, и мы составили протоколъ и единогласно постановили наказать виновнаго пятью ударами розогъ, и вотъ, какъ только ученики, послѣ перемѣны, усѣлись на мѣста, Садковскій вызываетъ оскорбившаго его ученика, и я чрезъ весь корридоръ веду его чрезвычайно медленно до сторожки, а онъ все время слезно вопіетъ и просится; плачъ его навелъ паническій страхъ на всѣ низшіе классы. Я фактически доказалъ, что розги въ гимназіи существуютъ, что важные проступки не останутся безнаказанными. Классная дисциплина возстановлена, и преподаватели перестали жаловаться.

Это былъ единственный случай употребленія тѣлеснаго наказанія во все продолженіе моего исправленія директорской должности.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава V.

Болѣзни растительныхъ органовъ.

Болѣзни органовъ дыханія и кровеобщенія. Насморкъ, катарръ слизистой оболочки гортани, стыскы, кашель, кашлюкъ, колька, чехотка. Боль сердца. Болѣзни органовъ пищеваренія: губъ, зубовъ; плиснивка, воспаленіе зѣва, катарръ желудка, завина, соящница, ризачка, поносъ, запоръ, уразъ, грыжи, глисты, воспаленіе печени, жовтяныци. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ. Запоръ мочи, сифилисъ, кровотеченіе, уразъ матки.

Насморкъ.

Въ народѣ признаютъ насморкъ (coryza, по-малорусски нежиль или нежить) простудной болѣзнью, особенно когда промокли или промерзли ноги; бываетъ также, если напиться воды послѣ овцы или кошки. [1]) Больныхъ насморкомъ лѣчатъ: ножными горячими ваннами, средствомъ медицинскимъ [2]), парятъ надъ камнемъ, поливаемымъ отваромъ вишневыхъ листьевъ, или житной мукой, брошенной въ огонь. Имъ смазываютъ: носъ, грудь, подъ мышками, подъ колѣнями, подошвы теплымъ бараньимъ саломъ, лоемъ, затѣмъ кладутъ на печь въ согнутомъ положеніи. Даютъ также нюхать: табакъ, материнку (origanum vulgare), сапогъ [3]) поясъ и прижженный кошачій хвостъ. [4])

---

[1]) То-же у Манжуры. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 154.

[2]) Кунце. Comp. прак. мед., 111.

[3]) Манжура. Сбор. Хар. И.-Фил. Общ. II, 158.

[4]) Ib. и Чубинскій. Тр. Эксп. I, в. I, 118.

Катарръ слизистой оболочки гортани (laringitis).

Распухшее нёбо приподымаютъ, т. е. отдавливаютъ вверхъ взрослому—большимъ, дитяти—мезинными пальцами. Ребенку при этомъ дуютъ на темя или сосутъ какъ темя, такъ и переносье. Къ больному горлу прикладываютъ: синюю сахарную бумагу или онучу, смазанныя бараньимъ саломъ, баранье сало съ мыломъ или оливой и камфорой, мыло съ овечьей шерстью, овечью шерсть, опрысканную камфорнымъ спиртомъ, теплыя высивки, золу гречаной соломы, крѣпкій соляной растворъ (ропу). Больные парятся надъ варенымъ картофелемъ или отваромъ вишневыхъ однолѣтковъ. Пьютъ: горячее молоко съ лоемъ и перцемъ, съ перцемъ и винными ягодами или бѣлымъ имбиремъ; пьютъ также: настой соломы, пирія (bromus inermis L.), ромашки (matricaria chamomilla. L.), калиноваго цвѣта (viburnum opulus L), липоваго цвѣта, средства общераспространеннаго. [1]) Потогонныя же средства вообще въ данной болѣзни совѣтуются и въ медицинскихъ сочиненіяхъ, напр.: Эйхгорстъ. Руководство къ частной патологіи. I, 255.

Стыскы.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно въ народѣ затрудненное дыханіе, сопровождающее воспаленіе бронховъ и легкаго, но стыскы похожи также и на болѣзнь, описанную Эйхгорстомъ подъ именемъ судороги голосовой щели (spasmus glottidis). [2]) „Не дае дыхнуть, зъ себе потаскае и напре духъ. Стыскы бувають зъ витру, зъ простуды, якъ дать дытыни холодну сыську, стритени,—якъ жинка зъ дытыною зустринется изъ такою-жъ дытыною". Бываютъ и у взрослыхъ. Больного парятъ надъ ольховыми однолѣтками или дѣлаютъ ножную ванну изъ двухъ ф. соли съ высивками; больное дитя купаютъ въ браткахъ (viola tricolor. L.), грудь растираютъ или прикла-

[1]) О. Л. Цавловичъ. «Очеркъ растительности» въ Харьк. Сбор. 1890 г., вып. IV., 52.

[2]) Руков. 1., 297, 298.

дываютъ къ ней: льняной клокъ, намоченный въ уксусѣ или ладанѣ, овечій калъ на синей бумагѣ, воробьиный калъ, „трыдевять горобынцивъ“, смѣшанный съ женскимъ молокомъ, бѣлый очипокъ съ мочей мальчика. Теплымъ бараньимъ саломъ смазываютъ темя, переносье и грудь. Внутрь даютъ: чайную ложку растопленнаго бараньяго сала или указанныхъ „горобынцивъ“, которыми смазываютъ также подъ носомъ больного, затѣмъ, крѣпко укутавъ, кладутъ на печь. Отъ стисковъ шепчутъ такъ:

„Стыскы витряни, прозирни, супротывни и стритени! Я васъ шепчу й вышиптую, одсылаю на охта, [1]) на болота, на черета. Тамъ вамъ буваты, а нарожденого, молытвяного раба Божого Ивана не сушыты“. (С. Хитцы, отъ Маріи Ганненковой).

„Стыскы витряни, прозирни! вы подумани, вы погадани! тутъ вамъ не стоять, паростивъ не роспускать, а жылъ не тягты, а серця не вьялыты. Пидить соби на огни, на велыки степа, тамъ вамъ буде пыння, гуляння, хороше буде вамъ провидання“. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Матиръ Божа, си стыскы одходыты. Стыскы, стыстыща! и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, и прылюбовани, и стритени, и зйидени, и хлопьячи, и дивчачи. Не я-жъ васъ вызываю и не я выклыкаю, самъ Господь вызывавъ и выклыкавъ, Матиръ Божа и въ помочи стояла и си стыскы дбирала и зализному дидови дарувала. И зализный дидъ и зализна баба! посватаймось и побратаймось. Въ тебе дочка, а въ мене сынъ— и возьмить си стыскы и пожерите и понесите на очерета, на болота та на густи лиса, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть! тамъ соби гуляйте и сухе дерево ламайте. Одъ ій грудей, одъ ій головонькы и одъ ій ручокъ, и одъ ій нижокъ и одъ роженои одъ молытвяної рабы Божои Мелашкы“. (Д. Солоница).

---

[1]) Луга.

Кашель.

Отъ кашля (catarrhus bronchialis) употребляютъ въ народной медицинѣ тѣ-же средства, что и отъ ларингита, съ присоединеніемъ слѣдующихъ: грудь стираютъ перцовой и камфорной водкой; къ ней прикладываютъ: припарку изъ соленыхъ высивокъ съ пескомъ, отваръ конопли (матирки) съ глиной и перьями, горячій вихоть, т. е. пучекъ соломы, тряпку, которыми вытираютъ горшки; больные парятся надъ разожженнымъ новымъ горшкомъ съ бураковымъ квасомъ; пьютъ: наваръ ячменя, вишневыхъ однолѣтковъ, сушеныхъ цвѣтовъ: будяковъ (carduus nutans. L), буквицы (betonica officinalis. L.) дзинзивера (malva mauritiana. L.)

Кашлюкъ.

Отъ кашлюка (коклюша, tussis convulsiva) большею частью не лѣчатъ. Дитя носятъ гулять на разсвѣтѣ на поля зеленой ржи, кормятъ леденцемъ, печенымъ яблокомъ съ ладаномъ, заставляютъ пить растопленный козій жиръ, имъ же, да еще пометомъ рогатаго скота, мажутъ грудь

Колька.

Болѣзнь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ кольки, колюшки, заключается въ частомъ покалываніи въ груди и бокахъ при дыханіи („не дае дыхать“), особенно въ послѣднихъ, соединенномъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, и поэтому скорѣй всего должна быть отнесена къ воспаленію подреберной плевы, pleuritis, болѣзни, весьма распространенной [1]), хотя, конечно, боль и колотье въ боку можетъ быть и отъ другихъ причинъ: сильнаго кашля, межреберной невральгіи, мышечнаго ревматизма, воспаленія реберъ.[2]) Колька приключается отъ простуды, тяжкихъ

---

[1]) Кунце. Comp. пр. мед. 128, Эйхгорстъ. Руков. I, 365.

[2]) Ib. 313, 401.

трудовъ, „зъ витру, зъ очей". Отъ колыки пьютъ отваръ листьевъ и цвѣтовъ: крыжовника, агруса (rhamnus grossularia. L), синихъ будячковъ, колюшокъ (echium vulgare. L.), „шо цвитуть голубенько, кучеряви", трилистника (orobus niger. L.). На больное мѣсто кладутъ припарки изъ песку, высѣвокъ, соли и кваса, пшенныхъ мякинъ, гречаной золы. Прикладываютъ также: горячій ржаной коржъ, спеченный на хваткахъ въ пламени, иногда съ перцемъ; овечью шерсть, смоченную квасомъ, порохъ съ ладаномъ на синей сахарной бумагѣ, листья табака, намазанные дегтемъ, и лой. [1]) Больное мѣсто, перекрестивъ, „сколюють", т. е. придавливаютъ и тыкаютъ въ него: кольями (чопами), которыми сверлился лёдъ для креста подъ Крещенье на рѣкѣ, [2]) ухватомъ, поставленнымъ въ глухой конецъ дверей, а потомъ раскаленнымъ на пламени, и ножомъ, но во всѣхъ случаяхъ навкрестъ. Шепчутъ такъ:

„Колюшко, колюшыще! витряная, водяная, огняная! Чого ты вселылася, чого вкоренылася? Тутъ тоби не стояты, кость жовту не колоты, кровъ червону не шпыгаты, серця не забываты народженій, молытвяній раби Божій Варци". [3]) (М. Снѣтинъ).

„Колюшка провирна! де ты взялась? Одъ витру,—то пиды на витеръ! Чы ты взялась одъ людей?—то пиды ты на буйни витра. Колюшка подумана й погадана, тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, а жылъ тоби не выялыты. Не я помагаю, а Матиръ Божа помагае". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Колюшка, колюшыще! водяна, витряна, спытена, зйидена, вызвана, вымовена, названа, наслана, провирна! я тебе вышептую, я тебе й вызываю, и я тебе выклыкаю, на быстри рики одсылаю". (С. Литвяки, отъ А. Кириченковой).

---

[1]) Отъ pleuropneumonia умираетъ, повидимому, героиня прелестной повѣсти Квитки «Маруся»; интересно поэтому прослѣдить, какія народныя средства тогда примѣнялись. Отецъ давалъ пить іорданскую воду и мазалъ больной бокъ тою же водой, подкуривалъ ладаномъ. Ей бросали кровь съ руки и ставили пьявки. Г. Основьяненко. Малор. повѣсти. Харьк. 1887 г., I, 93—96.

[2]) См. мои Рожд. Святки въ Луб. у. Полтава 1893 г., 24).

[3]) Вар. въ Кіев. Стар. 1885, XII, 741.

„Колюха, колюха! Тамъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты твоя вродыла, де тебе остановыла". (С. Литвяки, отъ Ф. Гуземиной).

„Господы, благословы! Господы, поможы небеснымы сыламы нарожденому, молытвяному, хрещеному Семену рабу сюю кольку прыостановляты, сюю кольку прысмыряты, сюю кольку уныщтожаты не разъ, не два, не тры, не чотыри, не пять, не шисть, не симъ, не восимъ, не девьять". (С. Мгарь, отъ Емченковой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю колючку зарубаты и одъ бокивъ выклыкаты. И не я ій вызываю, и не я выклыкаю—самъ Господь вызывавъ, выклыкавъ, Матирь Божа въ помочи стояла, си колючкы збирала, на перекресну дорогу одсылала. На перекресній дорози царь Давыдъ стоявъ и си колючкы одбиравъ и своимъ сынамъ даруваъ. И въ Давыда царя девять сынивъ по девять жинокъ держалы и сю колючку одбиралы одъ ёго бокивъ, одъ ёго грудей, одъ ёго очей, одъ ёго головоньки, одъ ёго голосу, одъ ёго й волосу, одъ ёго ручокъ, одъ ёго нижокъ, одъ рожденного, молытвяного, хрещеного раба Божого Ивана". (Д. Солонцы, отъ Н. Дивизіонной).

Удушье.

Удушье или эмфизема легкихъ признается народомъ, несогласно съ медициной [1]), врожденнымъ недостаткомъ. „Чоловикъ родыться удушливымъ: легки стануть дирчави, пороблятся маленьки пузырки и попровалюются, зроблятся нечысти, и стане тому чоловикови важко; жинци неможна прясты зъ такымы дырявымы легкымы". Могутъ быть, впрочемъ, по другимъ показаніямъ еще отъ трудовъ и простуды. Удушье неизлѣчимо [2]), немного облегчаетъ принимаемый внутрь: сокъ рѣдьки (raphanus

---

[1]) Природной эмфиземы нѣтъ. Эмфизематознымъ легкое дѣлается послѣ того, какъ дышало.

[2]) Эмфизема неизлѣчима. (Эйхгорстъ. Руков. I, 447).

sativus L.), хрѣна (cochcaria Armoracia. L.), корень дерезы (caragana frutescens) и деревій.

Чехотка.

Картина „чахотки", а по Чубинскому [1])—сухотъ, какъ и въ польскомъ языкѣ, такая: „одъ серця до легкихъ жыламы пиде боль. Кровъ збунтуется. Въ отрунку на печинци зроблятся нарывы, печинка тліе. Легки розбрякнуть, чоловикови важко становытся и начне кашлять и кашля, покы легки зогніють, и тоди помира чоловикъ". Она дѣлается отъ тяжкой печали, досады, заботъ—„журьбы". Напр.: если погорѣть или лишиться дѣтей. Отъ чехотки пьютъ: отваръ кульбабы, цикоріи, указанной отъ грудныхъ страданій у Никитина [2]), козинцевъ, моха съ крышъ, козье молоко, водку, настоянную на тараканахъ, отъ нея „чахотка замре", старое поджаренное („пряжене") сало съ чаемъ или съ теплой водой, дѣтскую мочу и какъ, крайнее средство—острую водку не болѣе наперстка, закусивъ зеленымъ лукомъ: „тымъ забье". Грудь больного мажутъ козьимъ саломъ, а дѣтямъ дѣлаютъ купель съ прибавленіемъ паслёна (solanum nigrum L.), коровьяка и щавеля.

Боль сердца.

Безсиліе народной медицины въ болѣзняхъ органовъ кровеобращенія очевидно изъ самаго устройства этихъ органовъ. Они служатъ преимущественно механическимъ цѣлямъ, поддерживая кровеобращеніе нагнетательными приспособленіями и каналами, поэтому распознавать болѣзни органовъ кровеобращенія можетъ лишь владѣющій физическими методами изслѣдованія [3]). Народу извѣстно только, что сердце можетъ разболѣться отъ печали, урокивъ. „Якъ зъ кымъ полаешся, дуже ростревожышъ самъ себе; зробытся побіеніе, стане быться и болить.

---

[1]) Тр. Эксп. т. I, в. I, 128.

[2]) О весеннемъ лѣченіи болѣзней. СПБ. 1833 г., 47.

[3]) Эйхгорстъ. Руковод. къ частной патологіи. I, стр. 1.

Треба ёго вничтожыть". Къ области сердца приставляютъ до 25 пьявокъ, пьютъ освященную воду, также воду, которой вымыто сердце колокола на часовнѣ, и известковые камушки, также растолченные въ водѣ—„земляне серце, таке, якъ крашанка, або каминець, або любайстеръ. Прыносять зъ Дону".

Болѣзни губъ.

Къ треснувшимъ губамъ прикладываютъ паутину и пленку изъ очерета (phragmites vulgaris. Frin.). Ихъ смазываютъ лоемъ съ пережженными квасцами; смазываютъ и полощутъ синимъ камнемъ (cuprum sulfuricum). Ранки въ уголкахъ рта (заиды) примачиваютъ водой съ оконъ и закладываютъ сѣркой изъ ушей, намазанной на рубецъ рубашки. Пестрякъ (ракъ [1]) изображается въ такихъ чертахъ; „нарядыться на губи, або що, таке, якъ квасолына, репне, кровъ зъ ёго пиде, потимъ пидъ вылыцямы зробыться таке, якъ куряче яйце, такъ и качается. Якъ выложыться, то чоловикъ зійде кровью и помре". „Бувае отъ якымъ случаемъ: чоловикъ пойихавъ на Воздвыженя за очеретомъ. Пиднявъ два кули—ничого, узявъ ище два, ажъ жаба плыгнула позъ губу та сц... Тому чоловикови уже й вырызувалы,—и ясна выдно,—такъ ничого: гные та й гные". (М. Снѣтинъ, отъ Н. Ивахненка). Ракъ вырѣзываютъ бритвой, смазываютъ купороснымъ масломъ и синимъ камнемъ. Послѣднимъ полощатъ оборвавшія десна (ясна)— stomatitis ulcerosa и stomatitis catarrhalis.

Зубная боль.

Зубы болятъ отъ заводящихся въ нихъ маленькихъ червячковъ, „такыхъ, якъ костряця, головочкы чорненьки". Къ больнымъ зубамъ прикладываютъ: синій камень, квасцы (галунъ, alumen), керосинъ, ладанъ, скипидаръ, лакъ, камфору и кам-

---

[1]) Подъ этимъ именемъ разумѣется и др. болѣзни (Фельдш., № 18, 478—1898 г.).

форную водку, нашатырный спиртъ, водку, зажигаютъ крѣпкую водку въ ложкѣ и выливаютъ на зубъ, соль (ропу) съ перцемъ, сахаръ съ перцемъ, холодную воду, мятныя капли, гвоздички (tagetes patula. L.), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), настоянный на водѣ или водкѣ, табакъ (nicotiana rustica L.), сокъ табака, перегорѣлаго въ трубкѣ—„чвиръ", жженное конопляное сѣмя, отваръ дубины (quercus pedunculata. Ehrh.), орѣшины, (лищины, coryllus Avellana. L.) и вишни (prunus cerasus. L.). Ими, а также вѣтками плодовыхъ деревъ и дубовой корой полощутъ больные зубы. Къ щекѣ прикладываютъ припарки изъ васильковъ, мяты (mentha piperita. L.), ромашки (matcicaria chamomilla. L.), Ивана да Маріи (viola tricolor. L.) теплыхъ пшеничныхъ высивокъ, горячаго коржа. Натираютъ щеку, возлѣ больного зуба хрѣномъ, а въ ухо на противоположной сторонѣ вкладываютъ зубокъ чеснока до раздраженія уха. Стоятъ надъ миской, въ которую насыпаны на жаръ конопляное сѣмя, чаще сѣмя блекоты (hyosciamus niger. L.). Вѣрятъ, что отъ такого подкуриванья высыпаются маленькіе черноголовые червячки, „якъ высивочкы". О такомъ лѣченіи блекотой упоминаютъ: Манжура [1]), Роговичъ [2]) и брошюра: Ліки своенар., 46. Сопровождающій иногда зубную боль флюсъ не имѣетъ на малорусскомъ языкѣ особаго названія. Слово „плюсь", принятое въ брошюрѣ: Ліки своенародни, въ народѣ не встрѣчается. Въ Лубенскомъ у. флюсъ называютъ нарвой, бешыхой и лѣчатъ прикладываніемъ къ щекѣ: листа капусты (brassica capitata Dc.), лопуха (arctium lappa L.), однолѣтковъ бузины (sambucus nigra L.), бузины съ крейдой, теплыхъ припарокъ. Щеку растираютъ камфорой съ перцемъ, а самый нарывъ выдавливаютъ.

Въ предупрежденіе зубной боли вообще нужно, ставъ спиной къ нарождающемуся мѣсяцу и держась за зубы, трижды прочесть „Отче нашъ", ни разу не говоря аминь. Въ слѣдую-

---

[1]) Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 158.

[2]) Словарь въ Записк. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. I, 125.

щихъ заговорахъ и печатныхъ варіантахъ [1]) встрѣчаются мотивы: у больного не должны болѣть зубы, какъ не болятъ они у мертвеца, а если и заболѣютъ, то тогда лишь, когда соединятся несоединимые предметы. Заговоры обращены къ мѣсяцу.

„Молодыкъ рождается, на сей свитъ является, мертвыхъ людей пытается: не болятъ у ихъ зубы? Нехай и у мене не болять: молытвяной, рожденой Приськи. (С. Исачки).

„Мисяцю молодый, чы бувавъ ты у мертвыхъ?—Бувавъ.—Чы болять у ихъ зубы?—Не болять, не щемлять, на одній пори стоять. (Д. Войниха).

Молодыкъ, молодыкъ, де ты бувъ?—На тимъ свити.—Шо ты бачывъ?—Мертвыхъ людей.—Шо воны роблять?—Лежать.—У ихъ зубы не болять?—Не болять.—Шобъ и въ тебе не болилы, нарожденый, молитвяный Семене". (М. Снѣтина).

„Пытается молодый старого: мисяцю, мисяцю володарю, чы болять зубы въ нежывого?—Рожденого, молытвяного Ивана заболять, якъ у нежывого заболять. Судъ судомъ, во-вики виковъ. Аминь". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Ты въ мори купався, а мени хрестъ показався. Пытается старый молодого: чы болять зубы въ нежывого?—Ни болять, ни щемлять,—щобъ у Васыля рожденого, молытвеного не щемилы, не болилы". (С. Калайдинцы).

„Молодыкъ молодый, на тоби хрестъ золотый, ты у рици полоснявсь и на неби показавсь. Чы бувъ ты на тимъ свити, чы бачывъ ты мертвыхъ людей, чы пытавъ ты ихъ: чы болять у ихъ зубы? У ихъ зубы не болять, не щемлять, а й у мене нароженого, молытвяного Васыля.

„Мисяць на неби, а дубъ у земли, а щука у води. Якъ вы вси зійдетесь до-купы, то тоди нехай у меня зубы заболять".

„Мисяць на неби, каминь на земли, а рыба въ мори. Колы воны будутъ пыть та гулять, тоди будуть у Васыля и зубы рвать".

---

[1]) У Чубинскаго. Тр. экси. т. I, в. 1, 124—126; Сбор. Харьк. И. Фил. Общ., IV, 151, 278, 285 и Кіев. Стар. 1894 г., XII, 494.

„Молодыкъ на неби, а дубъ на земли, а каминь у води. Колы ти тры браты до одного полумыска будуть йисты вставаты, то тоди въ Оксени рожденои, молытвянои, хрещенои будуть зубы болиты".

„Мисяцю Ерусалыме! васъ тры браты: вовкъ у поли, жовтый каминь у мори. Якъ зійдетеся та будете пыть та гулять, тоди будете мою кисть—зубы ламать". (С. Хорошки).

„Мисяць молодый, на тоби хрестъ золотый, тоби на сповня, мени на здоровья. Мисяць на неби, чумакъ у дорози. Якъ будуть пыть та гулять, тоди въ раба Божого Васыля будуть зубы болить. Ни зубы, ни жылы, ни 77 суставивъ". (С. Хорошки).

„Молодыкъ молодый, на тоби хрестъ золотый. Чы бувъ ты въ старого?—Бувъ.—Чы пытавъ ты ёго?—Пытавъ.—Чы болять зубы?—Ни, не болять ни въ старого, ни въ малого, ни въ мертвого, ни въ нежывого. На сынёму мори дубъ, на дубови тры браття нимыхъ. Якъ ти браття будуть розмовлять, то тоди у нароженого, молытвяного раба Божого зубы заболять".

„Мисяць на неби, а ведмидь у поли, а щука въ мори. Колы си тры браты до купы зійдутся, хлиба-соли зйидять, то тоди въ нарожденого, молытвяного, хрещеного раба Божого Семена зубы заболять. У мертвого зубы не болять и не щемлять, такъ въ нарожденого, молытвяного Хрыстова раба Семена зубы не болять и не щемлять. Великомученыкъ Антонію [1]), святый зубамъ врачъ и исцилытелю, избавъ, Господы, раба Божого одъ зубнои болисти". (С. Мгарь).

„Господы мылостывый! святый мисяць на неби! Поможы мени, Маты Божа, си зубы зашептаты и съ пидъ ихъ червы выклыкаты [2]). Червы червышныкы! и не я ихъ выклыкаю, и не я

---

[1]) Св. Антоній, какъ выше замѣчено, считается цѣлителемъ зубной боли. (Чуб. Тр. эксп. I, в. 1, 172; Даль о Повѣр. рус. нар., 105).

[2]) О червѣ упоминаетъ древній заговоръ. На вопросъ: чего Петръ печаленъ? Слѣдуетъ отвѣтъ: quia vetus vermen, qui vocatur gusta devorat dentes meos. (Буслаевъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., VII).

помичъ посылаю—святый мисяць на неби и Матиръ Божа на земли си зубы замовляла, и прозирни, и витряни, и хлопьячи, и дивчачи и на Дунай на море зсылала. И на Дунаи на мори и адъ и адыще изъ червонымы головкамы и зъ золотымы зубамы и си червы пойидаты, и си зубы замовляты. И, мисяцю молодый, испытайся старого: чы болять у мертвого зубы? Ни болять, ни щемлять, якъ у рожденого и хрещеного раба Божого Ивана.

Плыснивка.

Мѣстное названіе молочницы (soor)—плыснивка созвучно слову „плѣсень", отъ переноса которой на слизистую оболочку рта происходитъ и самая болѣзнь [1]), состоящая въ разращеніи грибковъ oidium albicans на слизистой оболочкѣ рта, идентичныхъ съ грибками плѣсени, находящихся на поверхности алькогольныхъ веществъ [2]). О плыснивкѣ у дѣтей упоминалось мною въ Нар. обр. и пѣсн. Луб. у., стр. 31, но болѣзнь эта встрѣчается и у взрослыхъ, если выпить воды, неся которую въ ведрахъ женщина мочилась. Бываетъ также, если брать гребешокъ въ ротъ, отъ холода ранней весной и отъ незрѣлыхъ фруктовъ. Отъ плыснивки языкъ натираютъ краснымъ поясомъ, женской косой, какое средство указано и у Манжуры [3]), мажутъ пережженнымъ гвоздичнымъ перцемъ съ медомъ, синимъ камнемъ, сокомъ свѣжаго конскаго навоза. Больного заставляютъ лизать челюсти въ печи, поятъ изъ свинного корыта или мажутъ помоями ротъ, приговаривая: „свыня одъ корыта, а плыснивка съ рота", или „свыни до-дому, плыснивка до-долу". Въ Екатеринославской губ., кромѣ кормленія изъ корыта еще даютъ ребенку сосать свинью [4]). Шепчутъ отъ плыснивки такъ.

„Господы, благословы! Господы, поможы нарожденному, молытвянному рабу Божому сю плыснявку шептаты, сю плысняв-

---

1) Кунце. Comp., 251.

2) Эйхгорстъ. Руков. I, 627, 631.

3) Сбор. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 157.

4) Д. Л—зинъ въ Днѣпр. Молвѣ 1899 г. V, 150.

ку эганяты. Свыни до корыта, череда до-дому, плыснявка зъ дому. Якъ дымъ зъ дымаря, такъ плыснявка зъ языка народженному, молытвяному, младеньцю Ивасю". (С. Мгарь).

„Плыснивка, линывка! въ роти тоби не буваты, языка тоби не ламаты, у помыи сходыты и свынямъ ii выносыты, а свыни сповывають и плысниивку одбирають. Я свое слово составляю и плысниивку зъ рота выганяю". (С. Литвяки, отъ Ф. Гуэминой).

Воспаленіе зѣва.

Человѣкъ, задавившій двумя пальцами зинське щеня (слѣпыша, слѣпня, spalax tiplus. Pall), можетъ излѣчить давленіемъ „якъ одскочять залозы", что случается при флегмозномъ воспаленіи зѣва (angina tonsillaris et faucium), о какомъ давленіи упоминаетъ Арендаренко [1]) и г. Можаровскій [2]). Давятъ также трижды двумя пальцами внутри рта больного, подержавъ предварительно пальцы на огнѣ; трутъ вспухшія желѣзы снаружи горячимъ хлѣбомъ, который бросаютъ потомъ на дворъ или на столбъ воротъ и плетень, чтобъ его съѣла собака или сорока; прикладываютъ къ больному мѣсту: сало изъ щекъ свиньи, припарки изъ немытой шерсти и тряпки, которой трутъ ложки.

Катарръ желудка.

При катарральномъ состояніи желудка больные пьютъ водку, настоянную на одномъ изъ слѣдующихъ растеній: звѣробоѣ (hypericum perforatum. L.), указанномъ у Л. О. Павловича [3]) и въ журналѣ Фельдшеръ за 1898 г., № 18, 484, золототысячникѣ (erytraea centaurium. Pers.), лепехѣ (acorus calamus. L.), окладникѣ (Lathyrus silvestris), „що цвите голубенько", уманѣ (verbascum nigrum. L.), чепчыкѣ, также настоянную на бѣломъ имбирѣ или калганѣ водку съ примѣсью гречаной золы. Пьютъ еще: отваръ корней жостира (rhamus catharica) и плодовъ су-

[1]) Зап. I. 68.

[2]) Фельдш. 1898 г. № 18, 480.

[3]) Очеркъ раст. въ Харьк. Сб. 1890 г., в. IV, 53.

шеныхъ дикихъ грушъ. Къ желудку прикладываютъ: лукъ или пшено съ солью, овечій или куриный грѣтый пометъ съ нѣсколькими каплями дегтю, пупокъ засыпаютъ перцемъ и закладываютъ тряпкой. Принимаютъ горячую ванну изъ одной воды или съ примѣсью овечьяго и куринаго кала.

Печія.

Печія, згага, зага, по Чубинскому—жага, изжога есть жженіе подъ ложечкой, вызванное кислымъ содержаніемъ желудка (pyrosis). „Якъ згага пече“,—то перекусываютъ на-двое соломинку, найденную на дорогѣ, пьютъ воду, которой обмытъ вынутый изъ печи хлѣбъ, пьютъ и ѣдятъ мѣлъ, которымъ писаны кресты на святвечеръ, счищаютъ приставшій къ ножу хлѣбъ и съѣдаютъ, ѣдятъ еще сырое конопляное сѣмя. Если отъ излишка пищи, между прочимъ подсолнечнаго сѣмени, случится надка (тошнота), то съѣдаютъ кусочекъ хлѣба и запиваютъ водой или квасомъ.

Завина.

Завина, по Чубинскому завыныця—спазмы желудка [1]), постовая болѣзнь отъ дурного питанія [2]). Судороги желудка (gastralgia, cardialgia), боль въ желудкѣ, часто невыносимая—частое явленіе среди сельскаго населенія, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія крахмалистыхъ веществъ [3]). Отъ завины пьютъ „холодну мяту“ (mentha piperita. L.), мѣлъ, которымъ писались кресты на святвечеръ, освященный галунъ, принимаютъ внутрь 5 капель скипадару и 10 дёгтю. Послѣднимъ мажутъ возлѣ пупка однимъ или въ соединеніи съ лукомъ и табакомъ.

Сояшницы.

Симптомы болѣзни такіе: „у жывоти гуркотыть, болыть коло пупа, проносъ, рве. Сухи довго бувають, пидуть пидъ

---

[1]) Ивановъ. Кіев. Стар. 1885, XII, 743.

[2]) Ліки своен., 36.

[3]) Эйхгорстъ. Руков. I. 752.

боки и въ спину парусы, жывитъ опухне, завинны—дуже хвата до серця и проносъ. Бувають водяни, витряни, зъ очей, одъ кыслого молока. „По мнѣнію, г. Коваленка сояшницы—желудочно-кишечный катарръ. Отъ нихъ пьютъ: бузинную кору, деревій, показанный отъ желудочныхъ страданій у г. Ящуржинскаго [1]), мяту, корни Петрова-батога (дикой цикоріи), показаннаго отъ сояшницъ у Волкова [2]) и отъ желудочныхъ страданій вообще: у Арендаренка [3]), Богдановича [4]), Никитина [5]), цвѣты подсолнечника, полынь, воду съ солью, въ которой расколочено пшено, древесную и гречневую золу (пазилки) съ солью, деготь, порошокъ изъ хлѣба и крови пѣтуха, зарѣзаннаго наканунѣ новаго года. Сояшницы въ Лубенскомъ у., какъ и вездѣ въ Малороссіи [6]), заваривають такъ, что на животъ больному ставять миску холодной воды, куда опускають: ножъ, 1-2 ложки и веретено. Вещи эти перебрасывають 9 разъ навкрестъ въ мискѣ, затѣмъ опрокидывають въ миску кувшинъ съ зажженнымъ клокомъ матирки, потомъ дають выпить 3 ложки этой воды больному. Иногда больному сояшницей предлагають трижды перекувыркнуться черезъ голову на подушкѣ. Заговоры такіе,

„Сояшныци водяни, витряни, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, своимы молытвамы замовляю". (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Сояшныци, сояшныци витряни, водяни, подумани, погадани, чоловичи, жоночи, дивочи, парубочи! пидить соби, де витеръ не віе, де сонечко не гріе. Нарожденій, молытвяній Маріи помогаю я и вы поможить вси святіи помошныкы". (Д. Солоница, отъ Н. Дивизіонной).

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., VIII, 526.

[2]) Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 173.

[3]) Зап. I, 37.

[4]) Свѣд. 54.

[5]) О вес. лѣч. бол., 21.

[6]) Чубинскій. Тр. I, в. 1, 114, Ивановъ въ Кіев. Стар. 1885 г. XII, 743, Можаровскій въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 479.

„Сояшныци водяни, витряни, прозирни, наслани, подумани, погадани, запытени, зайидени. Тутъ вамъ не стоять, жовтои косты не ламать, серця не вьялыть, червонои крови на ссать. Идить соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ вамъ буде гуляння". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Сояшныци витрови, водяни, учынени, встричени, прозирни, несказани, тутъ вамъ не стояты и не боляты, червонои кровы не пыты, серця не вьялыты. Не я вышиптую,—Маты Божа вышиптуе одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоеи головы, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твого ровняного лыця нароженои, молытвянои, хрещенои Орышкы". (С. Хорошки, отъ Сысиной).

„Господы мылостывый! Поможы мени, маты Божа, си сояшныци заварыты. Сояшныкы, сояшныци! и витряни, и прозирни, водяни, и спытени, и зайидени, и завинни, и колючи, и болючи, и прыговорени, и прылюбовани, и дрыслыви, и сухорляви; и то мы въ неи не бувалы, и серденька не буялы, и билого тила не палылы, червонои крови не пылы, и жовтои кости не ломылы одъ рожденои, молытвянои, хрещенои рабы Божои Уляны". (Д. Солоница).

Поносъ.

Отъ проноса (иначе дрысля, дрышля, бѣгунка въ лѣтописи Величка, diarrhoea) если и лѣчатся, то слѣдующими только средствами: пьютъ кромѣ извѣстныхъ уже Петровыхъ-батогивъ и кучерявой мяты, еще настой на водѣ: лавроваго листа и пережженныхъ житныхъ сухарей, между прочимъ и изъ „горячаго" обѣда, сухихъ грушъ, копченой растопленной рыбьей головы, стертой старой подошвы. Пьютъ еще сургучъ въ водкѣ или водѣ.

Ризачка.

Отъ кровавого поноса (dysenteria) пьютъ тѣ-же самыя вещества, что и отъ поноса и еще кромѣ того ризакъ (straloides aloida), указанный въ Зап. Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. 1., 138;

у Коваленка [1]) и у Ящуржинскаго [2]), также: трюхлую яблоню и грушу, стертые сургучъ, кирпичъ, отваръ въ водѣ ржаваго желѣза и воду, въ которой острилось брусомъ какое-нибудь орудіе. Взбалтываютъ въ водкѣ: по $^1/_2$ ложки соли, перцу и древесной золы и выпиваютъ. Ѣдятъ коржи съ макомъ, пережженный хлѣбъ, рожки. Кладутъ къ животу припарку изъ ржаного хлѣба.

Запоръ.

Отъ запора (obstructio alvi) пьютъ: молоко, взболтанное до пѣны съ водой, мыльную воду, мыльную пѣну съ сахаромъ, чарку конопляной олеи, олею съ огуречнымъ разсоломъ, смятое сырое конопляное сѣмя, толченую пережженную картофельную муку съ водой, настой жостира (rhamnus catharica) и крушины (rhamnus franguli), указанные у Богдановича [3]) и въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 486. Еще пьютъ вино съ мускатнымъ орѣхомъ (муштуковою галкою). Дѣтямъ вставляютъ сзади заостренный кусочекъ мыла, смазанный олеей.

Уразъ.

Нельзя точно опредѣлить, какую именно болѣзнь подразумѣваетъ народъ подъ именемъ уража или порухи матки у мужчинъ. Народъ характеризуетъ эту болѣзнь такъ: уразъ или матка, особый мужскій органъ, помѣщающійся, какъ изложено во 2-й главѣ, въ здоровомъ состояніи, вблизи пупка, нѣсколько вправо отъ него, поврежденный срывается съ мѣста „збунтуется, пидходыть пидъ груды, такый якъ дитсьна голова, у бикъ, у пахвы, всюды ходыть. Тоди кажуть: матка пидійшла, матка ире, чоловикъ жовне, ноты ёму пухнуть. „На основаніи этихъ признаковъ г. Коваленко [4]) видитъ въ ураѣ gastritis, г. Можаровскій [5])—какое

---

[1]) Этн. Мат., собр. Гринченкомъ, II, 318.

[2]) Кіевская Стар, 1889, VIII, 526.

[3]) Свѣд. 54.

[4]) Этногр. мат. Гринч. II, 320

[5]) 1898 г., № 18, 478.

либо желудочное страданіе, другіе—грыжу или блуждающую почку. Однимъ словомъ достовѣрно одно, что уразъ матки происходитъ въ брюшной полости. Отъ ураза принимаютъ внутрь всѣ вышеперечисленныя средства отъ желудочныхъ страданій и кромѣ того пьютъ еще въ теченіе шести дней по три раза на день отваръ: пшеницы, овса, проса и гречихи съ семибратнею кровью, также бѣлый буркунъ (mellilotus officinalis. Lam.), указанный въ Записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., на стр. 166, отъ переполоха въ животѣ, и настойку на калганѣ, мускатномъ орѣхѣ и братней крови, которая особенно спасительна „пользуе, якъ рукамы перебере.“ Къ животу въ уразѣ матки прикладываютъ всѣ тѣ-же припарки, что и въ другихъ желудочныхъ страданіяхъ: деготъ къ пупку, чеснокъ съ куринымъ каломъ и т. д. Растираютъ животъ смѣсью оливы, водки и скипидара въ равныхъ доляхъ. „Олыва тило растворя, горилка скрипля, а шпыгынарь туды заходыть“ — толкуютъ бабы. Баба, спаривъ больного на камнѣ, кладетъ его и начинаетъ „наставлять матку“, т. е. перебирать животъ, откатывать, одавливать внизъ или вверхъ, причемъ шепчетъ: „якъ маты тебе народыла и на своимъ мисти постановыла и шнурочкомъ пидперевала“ или такъ: [1])

„Уразъ, уразыще, Божій чоловичеl тутъ тоби не стояты и паростивъ не пускаты, по-за кульшамы не зайидаты, у попереку не ломыты, щырого серця не нудыты, за плечыма не знобыты и въ голову не быты, и билого тиля не ялыты. Я шепчу, я й вышиптую изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ рукъ, изъ ногъ, изъ твоеи головы, съ плечей, съ карыхъ очей, изъ твого хребта изъ твого поперека, изъ твого жывота. И я тебе вышиптую, я тебе зъ крыживъ и череселъ выбираю, тебе на мистечко, на золотому крыслечку проты пупа тебе остановляю. Тутъ тебе Господь зародывъ, тутъ тебе Господь узаконывъ; тутъ тоби, вразыку, йисты й пыты, роскошно на свити жыты, нарож-

[1]) Заговоры отъ ураза отмѣчаются отъ другихъ заговоровъ тѣмъ, что здѣсь просятъ взбунтовавшійся органъ стать на мѣсто, въ другихъ стремятся удалить болѣзнь изъ организма.

деного, молытвяного, хрещеного, прычащеного раба Божого Степана не сушыты.

„Уразъ, вразочку, пупивъ братику! Тутъ тоби не стояты, въ головоньку не быты, по жылахъ не ходыты, серденька не тошныты. Сгорныся, скотыся, на золотимъ кресли коло пупа посадыся". (С. Исачки, отъ Е. Головковой).

„Уразъ, уразыще! тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не стояты! Де ты народывся, де ты нахрестывся, тамъ соби установыся, тамъ соби й ократыся. Ты на мори родывся, на Ордани ричци хрестывся, нарожденому молытвяному хрещеному рабу Божому Юхыму".

„Уразу, уразу! ты ёго й князю. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои кровы не пыты и серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты вродыла, я тебе остановыла. Тамъ соби оселыся й остановыся. Матиръ Божа остановляе, чоловику здоровья посылае".

„Уразу, уразыку, ты мій братику! де ты родывся, тамъ ты окоренывся. Вразу, вразыку! ты не парубокъ, а я не дивка. Стань соби на мисти, на мистыщи, на парубоцькому крыслыщи. Тамъ тоби селыться, тамъ кореныться, тамъ тоби золотыться, тамъ тоби стояты и парусы свои пускаты. Нарожденного молытвяного Павла". (М. Снѣтинъ).

„Уразу, уразыку, мій братику! ты рожденный, ты молытвяный, ты хрещеный! Тутъ тоби не стоять, паростивъ не роспускать, жовтои кости не ламать, пидъ груды не пидступать. Не я тебе вызываю, а Матиръ Бога тебе вызыва, и святи угодныкы станьте мени въ велыкій помощи. Покы я тебе не знала, то я тебе не вызывала, я тебе не выклыкала. А теперъ я тебе вызываю и выклыкаю: та брось молытвяного, рожденого Семена, стань соби на мистахъ". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

Гыла.

Всѣ три рода грыжи: паховая, бедренная и пупочная одинаково называются въ Лубенскомъ уѣздѣ словомъ гыла. Она бываетъ отъ тяжкихъ работъ у взрослыхъ, отъ недосмотра, всего

чаще отъ паденія у дѣтей. Смѣстившіеся внутренности вправляютъ, приподымая вверхъ, затѣмъ къ животу кладутъ припарку изъ высивокъ или кала жеребца и жеребенка. Внутрь принимаютъ деревій и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ „непочатую“ воду, въ которой намокали старыя мѣдныя деньги, 1—2 раза въ сутки.

Выпаденіе прямой кишки и задняго прохода.

Въ случаяхъ prolapsus recti и prolapsus ani, „якъ задъ, або задыня у дытыны выходять“—ихъ стараются вправить правой ножкой самого же ребенка, или забить ложкой, оставшейся послѣ покойнаго семьянина. Больного садятъ на тряпки, которыми затыкался верхъ, политыя горячей водой, или на „жлукто“, въ которомъ золятъ сорочки, также на паръ, подвязывая больного вѣнкомъ изъ лука. Дѣтей купаютъ еще въ калачикахъ (malva rotundifolia. L), сорванныхъ на Ивана Купала и тогда же засунутыхъ на верхъ.

Глисты.

„Воно таке, якъ червякъ. Бувають таки, якъ почынокъ. [1]) Йе и така глыста, якъ аршынъ. Якъ чоловикъ заводытся, и вона заведется. Якъ вона выйде, то й чоловикъ умре. Глысты пьютъ кровъ коло серця. Якъ пидійдуть, можна умерты,—пидуть ротомъ и задавлять“. Они размножаются отъ молодого картофеля, зелени, сладостей и дурной воды. Отъ глистовъ пьютъ: „четвергове, чытворне насиння“, т. е. цинтварь (flores cupae), одинъ или съ калиной и медомъ, сѣмена любистка (levisticum officinale), цминъ, молоко изъ овса или конопляного сѣмени. Принимать эти напитки нужно на исходѣ мѣсяца и трижды провесть у себя межъ ногами на порогѣ.

Водяная.

Отъ брюшной водяной, болѣзни по народнымъ понятіямъ неизлѣчимой, помогаютъ: сухая пара и ножныя ванны въ соленой водѣ съ высивками.

---

[1]) Аскарида.

Воспаленіе печени.

Воспаленіе печени, бывающее отъ печали, досады, побоевъ, признается народомъ весьма опасной болѣзнью. „Якъ печинка одбыта, запортыться, загніється, то вмира чоловикъ". Нужно ѣсть натощакъ печеные бураки, пить: керосинъ или сокъ черной рѣдьки и мазать больное мѣсто ими-же.

Жовтяныци. [1])

Желтуха (icterus) случается, если вступить въ соръ, въ воду, вылитую до восхода солнца, въ менструаціи; также если кто явится на родины въ нечистой, окровавленной рубашкѣ. Отъ желтухи купаютъ дѣтей въ теплой ваннѣ съ примѣсью: буркуна (mellilotus officinalis. Lam), гвоздикъ (tagetes erecta. L.), горыцвита (adonis vernalis. L.), калины, конопли, матирки, товстухи (gentiana cruciata. L.), моркови, какое средство указано: у Чубинскаго [2]) и Ящуржинскаго, [3]) вощинъ и мелкаго серебра. Пить настой изъ вѣнчальнаго кольца. Къ печени прикладывать въ мѣшечкѣ холодную землю. Весьма распространенъ способъ передачи желтухи живому существу, для чего ловятъ живую водяную мышь и, вынувъ ей глаза, вѣшаютъ на шею больному на 9 дней. Прикладываютъ къ печени живую цѣлую или посѣченную рыбу, "вона потягне жовтяныци". У валлоновъ также прикладываютъ къ области печени живого лина или карпа, покуда послѣдніе не сгніютъ. Рыба должна взять болѣзнь и отъ нея —умереть. [4]) По Чубинскому, на шею больного вѣшаютъ лина, пока послѣдній не сдохнетъ. [5]) По Далю больной долженъ держать въ рукѣ живую щуку, пока та не уснетъ. [6])

---

[1]) О лѣченіи отъ нея же дѣтей въ монахъ «Народ. обрядахъ и пѣсняхъ Луб. у., 32.

[2]) Тр. экси. 1, в. 1, 103.

[3]) Кіев. Стар. 1889 г. VIII, 525.

[4]) E. Monseur. Le fl. wal., 26.

[5]) Тр. 1., в. 1., 113.

[6]) О повѣр. 84.

Запоръ мочи.

Отъ этой болѣзни пьютъ: толченый „кришталь“ [1]) (хрусталь, стекло), воду пополамъ съ молокомъ, взболтаннымъ до пѣны, отваръ сокирокъ (delphinium consolida. L.), ромашки (matricaria chamomella), укропнаго сѣмени (anetum graveolens. L.) и петрушки (petroselinum Sativum L.), показанной мочегоннымъ средствомъ и въ Свѣд. о Полт. Губ. Богдановича, на стр. 54.

Сифилисъ.

«Пранци» бываютъ: 1, наслѣдственными—„такый родъ паршывый, такый заводъ“, 2, простудными—„простудыся чоловикъ, запортыться кривъ, одкрываются раны“; такое же убѣжденіе встрѣчается и въ другихъ частяхъ Малороссіи; [2]) 3, заразными.

„Колысь пранцюватыхъ мало було. Жинка найшла сорочку и надила. Напалы пранци и семья заразылась“. Отъ него принимаютъ во внутрь 1—2 мѣсяца decoctum Zittmanni съ кореньями Sarsaparillae [3])—дѣлаютъ ванну съ разсоломъ и ольхой. Раны присыпаютъ волчьей костью и мажутъ „цинобрю зъ манкуріемъ“, теперь и давно практикуемымъ въ Малороссіи средствомъ [4])

---

[1]) То же средство—хрусталь, конопляное молоко и петрушку пьютъ отъ половой неспособности. Пьютъ также сырыя яйца. Поздній выходъ ядра изъ брюшной полости признается природнымъ неизлѣчимымъ недостаткомъ, и такого человѣка называютъ гылунъ, но допускаютъ возможность такого явленія «одъ недогляду: дытына утягла ядро, скленчатила», или если родители сожгли клинья, приготовленные для раскалыванія дровъ. Лѣчатъ купелью, въ которую бросаютъ тридевять клиньевъ изъ обрядовыхъ деревецъ клена, поставленныхъ на Тройцу и сдѣланныхъ тёзкой больного, обкладывая послѣ того больного смѣсью воды и земли изъ четырехъ клиньевъ перекрестка.

[2]) Фельдшеръ 1898 г. № 18, 481).

[3]) Манжура. Сбор. И.-Ф. Общ. II. 157, Шаповаловъ. Фельдшеръ 1898, г. № 18 181.

[4]) А. Баловъ Фельд. 1898 г. № 18, 466, Кіевск. Стар. 1895 г. X, Док. 4-

Чрезмѣрное отдѣленіе менструальныхъ кровей [1]).

По мѣстнымъ народнымъ наблюденіямъ, чрезмѣрныя менструаціи бываютъ послѣ продолжительной остановки кровей, поднятія тяжестей, непосильныхъ трудовъ и также отъ слѣдующихъ причинъ: когда въ однѣхъ и тѣхъ-же ночвахъ моютъ окровавленныя рубашки двухъ женщинъ, то у одной можетъ совсѣмъ не быть менструаціи, а у другой будутъ вдвое большія; если женщина вступитъ въ воду, въ которой обмывали родильницу послѣ родовъ, или въ которой мыли окровавленную сорочку, или на мѣсто, гдѣ мочилась родильница. Отъ излишнихъ менструацій пьютъ отваръ деревія съ дерезой и кладутъ къ животу холодные компресы. Наблюдаютъ, чтобы воду послѣ отжатія рубашки вылить подъ „глухой“ дубъ, т. е. не роняющій зимой листьевъ, гдѣ онъ есть. Женщина, отжавъ рубашку въ негодномъ горшкѣ или казанкѣ, идетъ съ нимъ на рѣчку и, набравъ въ него воды, дважды выливаетъ обратно, а третій разъ льетъ 9 ложекъ на рубашку, приговаривая: „мое при мени, чуже хай иде за водою“. Горшокъ забрасываетъ въ воду, а рубашку, отзоливъ, носитъ, или идетъ къ рѣкѣ въ грязной рубашкѣ и, набирая воду мужской ложкой, дважды льетъ на рѣчку со словами. „оце чуже и це чуже“, третій-же разъ, сказавъ: „а це мое“ — себѣ на пелену (подолъ).

Уразъ матки.

Подъ такимъ именемъ извѣстно въ Малороссіи смѣщеніе матки, бывающее послѣ родовъ и тяжкихъ усилій. „Вразъ выходыть нанызъ, понакручуе гулькы“. Отъ ураза принимаютъ внутрь: водку, настоянную на папоротникѣ (polypodium vulgare L), аерѣ, калганѣ, померанцѣ, „субори“ (сабурѣ); также бѣлый буркунъ съ квасцами, „соломьякъ“ (нашатырь), скипидаръ, мятныя, маточныя капли, раковыя шейки. Дѣлаютъ теплыя ванны съ при-

[1]) О женскихъ болѣзняхъ, осложняющихъ беременность и роды изложено въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у. Отд. 2. Родины.

мѣсью гречаной соломы, сѣна, на которомъ ставилась кутья къ Рождеству, травъ, посыпавшихся на Зеленыхъ праздникахъ, и аера. Парятъ больную на камнѣ со смолой. Уразъ успокаиваютъ, опоясывая больную рушникомъ, въ которомъ святили пасху. Дѣлаютъ также куклу „изъ курякивъ, часныку и доброго дѣхтю, пересмажатъ“ и запускаютъ въ vagina. Шепчутъ такъ:

„Иду я золотымъ мостомъ изъ золотою патерыцею: патерыцею пидпыраюся, маткы пытаюся: де ты народылася, де ты охрестылася, де ты й святылась—на те мисце садыся, на те мисце крипостыся. Меласци нарожденій, молытвяній, хрещеній.

„Матка, матыще! стань соби на мисци, на мистыщи, на дивоцькому крыслыщи. Тутъ тоби не стояты, въ жылы не шпыгаты, свое дило сполняты. Тутъ тоби не селыться, тутъ тоби не кореныться, а тутъ тоби золотыться и на своёму мисти окореныться“. (М. Снѣтинъ, отъ К. Приходькиной).

„Уразу, уразу, ты хрещеный и молытвянный. Ты зъ маткою родывся, ты зъ маткою хрестывся. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, червонои крови не ссаты. Се не я вызываю, а се Матиръ Божа выклыкае. Господы Мылостывый, святіи угодныкы Петро и Павло, Андрею и Мыколаю!“ (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы, поможы мени! Маты Божа, Мыколай угодныкъ Божый, велыкый чудотворче, поможы мени нароженій, молитвяній, хрещеній Парасци вышиптувать уразъ. Я тебе й вышиптую, я тебе й выклыкаю и зъ твого жывота, одъ билого лыця, одъ щырого серця. Уразе, уразочку! Надинь биленьку сорочку та покотыся маковымъ зернычкомъ. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты, лыця не тошныты, серця не вьялыты. А йды соби на свое мисто, на золоте кресло, де тебе Господь узаконывъ, на мисти постановывъ. Тамъ тоби пытинье, тамъ тоби йидинье, тамъ тоби легке одпочывання. Ишла баба мостомъ, пидпыралася золотымъ ципкомъ. И встричае самъ Спасытель и Маты Божа.—Куды ты, бабо, идешъ? Иду нарожденній, молытвяній, хрещеній Парасци шептать, одъ уразу помагать“. (С. Литвяки, отъ Ганны Куриченковой.).

„Ишла я мостамы, пидпыралась золотымы костамы, зострила мене Божая Маты: куды ты, народжена, молытвяна, хрещена Софіе? Пиду народженои, молытвяноі Варкы одъ уразу шептаты, Господа Бога прохаты. Уразъ, уразыще! Поруха, порушыще! Якъ тебе Господь завьязувавъ, сядь соби на мисти, на золотому кресли. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ ногъ, одъ твоеи головы, одъ твого ровного [1]) лыця, народженноі, молытвяноі, хрещеноі рабы Божоі Варкы". (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

„Поможы мени, Маты Божа, сю матку прыпыныты и сёго уразу остановыты и золотныка, Божого чоловика, уякорыты. И не я жъ ихъ вызываю и не я помичъ посылаю. Покы не стала я знаты, одъ Бога помочи прохаты; и вси небесни апостоли станьте мени у помочи. Поможы мени, Маты Божа, сёго уразу остановыты. Ишла Матиръ Божа золотымъ мостомъ и золотымъ ципочкомъ на Осіянську гору пидпыраючысь и до рабы Божоі Маріи поспишаючы и сёго враза прыпыняючы. И ты уразъ, уразыще! И ты ёму братъ и сестрыця, изъ матычнымкомъ, изъ Божымъ чоловикомъ не зустричайсь и на свое мисто зостановляйсь. Ты, матошныче, ты й Божый чоловиче! Ты стурбована, ты спрацёвана, ты насердна, ты й колюча, ты й болюча, ты сопротывна и стритена, и позавыдувана. Аминь. И судъ судомъ, и викъ викомъ. Ты, золотныче, Божій чоловиче, оставайся на своёму мисци, на золотому кресли". (Д. Солоныця).

В. Милорадовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) румянаго.

СТАРЕ И НОВЕ.

(*Оповидання*).

Штепный бувъ чоловикъ Якивъ Демыдовычъ Чаплій: ходывъ похнюпывшысь, носывъ довги, значно вже сыви, кучеряви бороду и вуса, волосся стрыгъ нызько, зодягавъ влитку черкасыновый пинжакъ, взимку—доброго чорного сукна свытку, а на вулыцю—ягнячый покрываный байбаракъ.. Бувъ Чаплій дубенськый мищанынъ-кравець, ц то не зъ абы-якыхъ, а зъ найкращыхъ, заведено родымый зъ батька-зъ дида дубенськый цеховый. То й не дыво, що мавъ винъ добри заробиткы, порядну майстерню, наймавъ трёхъ пидмайстеривъ, ще й державъ у науци хлопця, якого прывчавъ потроху до майстерства, загадуючы гриты самовары, бигаты по крамныцяхъ, на базаръ, туды-сюды, звычайно, куды ёму треба. Велося Чапліеви не погано: свій грунтъ, своя хата, на першій мистыни биля крамныць та базарю; у господи не було нестаткивъ, по-всякъ часъ моталася жыва копійчына, мався вильный часъ и одпочыты и посыдиты зъ товарыствомъ у шынку, якый бувъ чы не поручъ Чапліевого дворыща, а робота набигала сама, якъ рыба у ятиръ: чы зайшовъ хто до крамныци набраты краму, загадае поклыкаты кравця,—нихто далеко не бигтыме: ось тутъ Якивъ Демыдовычъ; прыбижать, поклычуть,—винъ и не хапается, а иноди ще для хворсу спытае: „А хто тамъ? зажде!“—або почне бидкатыся у голосъ, щобъ усякому було чутно: „Ну и жыття! ни на хвылыну не дадуть спокою,—одно: сипаютъ“. У хати въ себе Чаплій додержувавъ старого звычаю: жинци не потуравъ, дитей нагонывъ, пидмайстривъ за непорядокъ чы пидъ сердыту руку потырювавъ, та й не злегка,—а служыты въ ёго проте було добре: видпочывокъ по звычаю, йижа якупи зъ хазяинамы, ча-

сомъ йе й чарка горилкы, а насамперед, якъ въ предкивъ велося, любывъ Чаплій и самъ видпочыты та погуляты, то не всёго и догляне.

Отъ-же хочъ и въ добри, а не дурно пережывъ винъ на свити свои пятьдесятъ годъ зъ гакомъ и черезъ те бувъ суворый, не любывъ марно патякаты, а непрывитни темни очи часто займалыся ёму злымъ полумямъ. Тилько було у кумпаніи та за горилкою трохы видмяка; слуха, слуха, що люде балакають, та одно до чарки простягается; якъ-же обсядуть ёго дали спогады, назгадуется, сердешный, про всяки крывды, яки ёму колы зчынено, та все смутнишае, часомъ ажъ заплаче... Таку мавъ вже винъ вдачу—довго памьятаты свои крывды. Але властыво доля зрадыла Якова Демыдовыча зъ того тилько часу, якъ осився у Дубняхъ новый кравець—Кибець.

Взагали Якивъ Демыдовычъ не бачывъ рації прыятелюваты зъ кравцямы, бо порядне товарыство легко було знайты у Дубняхъ и не зъ кравецького цеху, а городъ бувъ не такъ вже велыкый, щобъ часомъ кравець не пошкодывъ кравцеви заробитку. Проте, знаючы свою вартність и мистецтво, не звертавъ винъ на кравцивъ и велыкои увагы—отъ якъ цымъ разомъ и на Кибця, бо тилько за-для цикавости и мовъ ненарокомъ пишовъ глянуты, де винъ осивсь, яка въ ёго вывиска та якый самъ изъ себе. Ажъ въ кинци города уздривъ Якивъ Демыдовычъ вывиску: *„Вновь прибившій зъ Кыіову военній и партыкулярный портняжійхъ делъ майстеръ Прокопъ Кобецъ“*; *„прыймае заказы“*—було прымалёвано дрибнише та ныжче.

— Мабуть що зъ *Кыйову*!—не давсь на оману Чаплій.—Любисинько десь у мистечку налупылось ихъ въ батька чоловика десять, то й розлазятся, якъ руди мыши;—ій-Богу такъ! А хочъ и зъ Кыйову, то певно цяця! Хыба зъ Кыйову сюды путнёму йихаты? То вже свій майстеръ, родымый, хочъ ёму и у Москви лычыло-бъ, повыненъ вже тутъ сыдиты...

Змиркувавшы усе такъ гараздъ, Чаплій заспокоеный подався до-дому. А згодомъ, якъ познаёмывся зъ Кибцемъ, хочъ прыятели не прыятели, а якъ обачнисть велыть, де стринется, прывитается: „якъ ся маете“?—спытае, та й розійдутся коженъ до своеи кумпаніи.

Тымъ часомъ Прокипъ Ёсыповычъ Кибець заходывсь добуватысь роботы та завчаты до себе дубенське паньство. Бувъ винъ ще молода, годъ 30 людына, невелыкого зросту, чорнява та дуже проворна. Ото якъ бижыть пишоходомъ, ажъ дошкы ходоромъ ходютъ, а головою все круте, туды и сюды очыма позиркуе... Шамкый! Облыччя ёму кругле, чорни очи трохы вы-

тришкувати, а якъ було бадёрыться, та для хворсу выпына груды и зпынается навшпынячки, Кибець—кибець и йе! Але найгирше не подобалося поважнымъ людямъ, хочъ-бы и Чапліеви, що Кибець занадто вже и на языкъ гострый и на штукы меткый, и то чы у кумпаніи, чы выбрехатыся въ закащыка чы й передъ началствомъ,—нацокотыть повни вухá. „Отъ балака, балака,—наплеще"! не вхвалявъ Чаплій, бо й здавна не любывъ швыдкыхъ, та й не даремно, бо не черезъ що, якъ черезъ довгый Кибцивъ языкъ, де-хто зъ панивъ подавалы Кибцеви роботу, та якъ трапытся въ шытви въ Чаплія помылка, то докорялы ёмv Кибцемъ. Чы то-жъ любо? Ото-жъ, якъ набрыдне ёму таке слухаты, винъ тилько головою крутне, та такъ вже выразно, що, мовлявъ, и лаяты Кибця не треба.

Доводылося—и Кибцеви докорялы Чапліемъ, такъ се-жъ инча ричъ,—такого майстра, якъ Чаплій, яке и дыво, що хвалять! чому Кибцеви и не послухаты?—Отъ-же винъ на те не вважа; якъ почуе за Чаплія добре слово, такъ ёму мовъ зъ дывовыжи пыкv й покрюче: зтулыть таку хымерну, ще и зитхне, буцимъ образывся, и виддасть:—Не знаю, адже панъ прокуроръ улюбывъ Чаплія, та вы мабуть не бачылы прокурорського сертука? Мусыть теперъ не добачаты, а тамъ мижъ поламы ззаду така щилына свитыться! Не знаю, чы прыумивъ-бы я таку стулыты? Але вже якъ-бы прыумивъ,—новый-бы сертукъ своимъ коштомъ справывъ, абы не страмытысь!

Ну, заведено, николы не втрачалы ни Чаплій, ни Кибець марно слова, щобъ выхваляты одынъ одного, а все-жъ тяглося ще якось, покы не втаскало на лыхо Кибця купыты грунтъ побиля Чапліевого.

— Бувъ въ мене, згадувавъ описля Чаплій, сусида якъ сусида, чоловикъ порядный, майстеръ, мидныкъ. Заведено, безъ сварkы не можна: тамъ чы диты заведутся, чы порося кризъ тынъ продереться, здіймуть бучу жинкы, за имы часомъ и мы одынъ одному батькивъ нагадаемо, та й потимъ... Все-жъ ніякый панъ замисць сертука у казанъ не влизе, а ни у сертуци буде воду гриты... Та схотилося тому мидныкови зпродаты грунтъ и прыспичыло Кибцеви ёго зторгуваты. Заведено, непутяща людына: чого заманется незмиркувавшы—згынь та давай!—

Ще и дила не було, тилько перемовляться почалы, а вже Чаплій, навмысне стривши, казавъ Кибцеви:

— Отъ бо, Прокопе Ёсыповычу, не купуйте сёго грунта! Хрыстомъ-Богомъ прошу васъ: не купуйте! Ничого ще я въ васъ не прохавъ, послухайте сей разъ, бо не буде ни вамъ добра, ни мени.

Де-жъ такъ такый послуха?! ще й розсердывся, трохы не вылаявъ, а по-за очи таки й лаявъ. А грунта ще гирше ёму зкортило: мовлявъ, Чаплій боится; мени, выходыть, корысть буде,—и купывъ.

И отъ, якъ ввирвалося Чапліеви: чы забарывся, колы клычуть у крамныцю до закащыка, прыйшовъ, а Кибець и мирку здійма, та ще такъ гостро дывыться. Вылаявъ-бы вражого сына, та крамари не велять, то й не можна. А то ще взявъ яку моду—зъ пидъ воритъ Чапліевыхъ закащыкивъ перечеплюваты.

И на таки штукы зпустывся: ледве перевизся, усихъ панивъ выбигавъ, неначе оповистыты, де жытыме; зайде до пана, ще и выбачення прохае, що турбацію зчынывъ ихній мылости: „я, мовлявъ, людына маленька, шкода роботу втеряты. Купывъ я соби хыбарочку, зъ останнёго стягся. Спасыби, що мене заказамы не мыналы та допомоглы. Хто-жъ, якъ не вы, насъ и на свити держыть!“ Улестыть панивъ,—воны вже до ёго зъ заказамы и вдруге. А Якивъ Демыдовычъ на се не згоденъ, пидлещуватысь не буде, отъ ёму и невыгода.

— „Просто мовъ зъ воды йде той Кибець, а мене вже такъ прысадыло, такъ прысадыло“!—сердыто думавъ нышкомъ Чаплій та никому не хвалывся: гоноръ заборонявъ, а чуе тилько—серце кыпыть-закыпае, и одна ёму у голови думка: якъ-бы того Кибця прыборкаты. Де-що таки и выгадавъ, та ще вагався: здавалося, поганый ладъ кращый за добру сварку. Отъ-же наспивъ такый случай, що годи було даруваты,—хочъ кому-бъ терпець увирвався.

Одного дни Якивъ Демыдовычъ сыдивъ спокійненько за роботою, колы стара ёго вбигла у хату зрушена якоюсь-то новыною.

— Якъ-бы ты бачывъ кумедію! Пораюся я соби у двори, и байдужисинько. Ось несуть зъ Кибцевого дворыща тры жыды картузивъ жыдивськыхъ тры купы, одынъ на оденъ понастромлювани, цилый ярмарокъ! Отто проноза! накравъ лыбонь шматочкивъ та й заходывся ярмулкы тулыты.

— Тьфу! вражого сына вышкварокъ!—плюнувъ Чаплій,—не всоромывсь кравецьство паскудыты!—И, взявшы картуза, подався глянуты на чудасію, а звидты и до „Немынаю“ поглузуваты зъ Кибця.

У Дубняхъ Кибцева выгадка була новыною, але якъ не дывувалося товарыство у „Немынаю“, а справжнёго сывчуття Якивъ Демыдовычъ не знайшовъ.

— Що-жъ тамъ такого? Качества у цимъ, кажуть, немае.

Це вже майдужче розсердыло Чаплія, що люде на Кибцеву руку горнуть.

— Ще не качество? Де-жъ це чувано, де-жъ це выдано?! Колы ты кравець,—кравцюй, а ярмулкы не шый! Чы вже-бъ такъ кравецькый хлибъ знищывся? Атъ, гадюка!—несподивано скинчывъ, прытомывшись довгою промовою, неговиркый Чаплій и, сердыто стукнувшы кухлемъ по столу, звеливъ вточыты соби пыва.

— Тамъ якъ не хытайте головамы,—сердыто гадавъ винъ,—а я якъ облупленыхъ васъ бачу, що вы нышкомъ хыхыкаете та ще й радіете.—И, выхылывшы кухля, зновъ брязнувъ нымъ по столу, та зновъ веливъ наточыты. Що-жъ, цилуйтеся, мылуйтеся зъ вашымъ Кибцемъ, а я дамся ёму у-тямкы, подумавъ винъ та и подався до-дому, а про те ще може-бъ и не зробывъ того, що зробывъ, якъ-бы, идучы повзъ Кибцеве дворыще, не побачывъ, якъ звидты йде давній ёго закащыкъ, прокуроръ, и препаскудный Кибець, выряжаючы бижыть ёму збоку, безъ шапкы пидтюпцемъ та одно, вклоняючысь, цокотыть:

— Будьте певни, ваше высокородіе, будьте певни! Такого сертука вчыстымо! Буде якъ найкраща амуниція, одно слово—перший розборъ! не сумливайтесь!..

Диждавшысь, покы винъ оступывся, Чаплій наздогнавъ прокурора и, нызько вклонывшысь, чемно та докирлыво обизвався:

— За вищо, ваше высокородіе, зминялы мене на Кибця! Чы я-жъ не догождавъ вамъ? скилько годъ шыю?..

— Але погано шыешъ и дорого!—видказавъ ще осмихаючысь прокуроръ, задоволеный тымъ, що выторгувавъ щось въ Кибця на шытви.

— Де-жъ тамъ, дорого, ваше высокородіе? вы поличить: дешевше далеби не можлыво, и такъ слыве нема заробитку.

— А чомъ же Кибець бере дешевше?

— Кибець мошенныкъ, Кибець выстёба вамъ машынкою, Кибець зробе абы-якъ, и шытво ёго подереться за мисяць,—побачыте, колы я брешу...

Чаплієви ще кортило додаты, що Кибець злодій, покраде шматочкы та нашые въ ихъ картузивъ, тилько цёго вже нияк було казаты, бо и самъ Чаплій зроду не звертавъ прокуророви окройкивъ, тилько що йшлы воны въ ёго на цяцькы дитямъ, а не на картузы.

А прокуророви вже обрыдло слухаючы, тымъ найбильше обрыдло, що и самъ винъ довго вагався, чы гаразъ буде одкынутысь давнёго майстера, але вже колы зважывсь,—не впо-

добавъ слухаты докоры. Зъ якои речи? чы видкупывъ мене Чаплій, або що?—и зненацька розсердывшысь, прокуроръ выгукнувъ:

— Видчепысь, самъ ты мошенныкъ! людей дурно порочышъ. Не хочу тоби даваты роботу, та й все. Кому схочу, тому и даю!

— Спасыби-жъ вамъ за таку шану, за довгу службу!—зъ дражлывистю видказавъ Чаплій и, якъ стоявъ, подався у полыцію.

Довгенько попостоявъ винъ тамъ, обипершысь на одвирокъ, повы справныкъ знайшовъ хить та вильный часъ спытаты:

— Що тоби, Чаплію?

— За свою обыду, ваше высокородіе, мылуйте, пожалуйте! Сусида йе въ мене, Кибець, не дае у свити жыты, усе дворыще запаскудывъ—немае въ ёго помыйнои ямы.

Справныкъ такъ и покотывсь зъ реготу.—Годи тоби, старый! не робы клопоту: хыба це первына? зроду-жъ мабуть ямы не було?

— Ни, ваше высокородіе! будь ласка, розсудить вже по закону. Буде зъ мене Кибцевымы пахощамы дыхаты,—остобисило.

— Ой стережысь, Чаплію! запанивъ дуже! Гляды, чы и въ тебе йе?—обизвався здывованый справныкъ.

— Въ мене, ваше высокородіе, йе,—я законъ поважаю; велыть законъ, я зробывъ—збрехавъ Чаплій, думаючы, заразъ звернувшысь до-дому, зробыты яму.—А отъ Кибцеви вы вже, просю мылости, дайте порядокъ!

На правду, Чапліеви було байдужисинько, чы йе яма. Завжде воно такъ велося и до закону и писля закону,—обыдва господари вылывалы помыи на межи по-пидъ тыномъ; трохы воно и видносыло, та хто-бъ тамъ дослухався, а поросята, якыхъ завше выгодовувалы обыдви господы, корыстувалыся въ того звычая, збираючы де-що по помыищахъ. Але-жъ такъ було зъ мидныкомъ, не зъ Кибцемъ! И Чаплій, радіючы, що пидвизъ ворогови штрапа, похопывся до-дому та заходывся биля ямы.

— Чы ты зъ глузду зсунувсь, старый?! Що се ты робышъ? здывовалась Чапліиха.

— Цыть, якъ ничого не тямышь! Побачышъ, що буде, якъ треба буде, а то ще розплещешъ.

— А що-бъ тамъ було? дурныця!—пхынула жинка.

— Не жиночого це розуму дило,—отъ що! А помыи щобъ сюды сыцала, а то я и за комиръ позасыпаю, научаюче видказавъ Чаплій та зновъ взявся до ямы; ще и давни помыища мовъ на грядкы поперекопувавъ.

Вранци другого дни на Кибцеве дворыще прыйшовъ околодочный робыты протокола, и якъ не просывсь Кибець, якъ не обищавсь попыты щось околодочному, той хочъ и самъ жалкувавъ, безъ Чаплія нищо мавъ зробыты. А Чаплій выйшовъ на рундукъ до себе, позакладавшы рукы за спыну зъ поважнымъ выглядомъ, мовъ до ёго и не дотыкалося, и тилькы сердытый осмихъ, проблыскуючы на выду, появлявъ ёго задоволення.

— Бога бійтеся, Якове Демыдовычу! Чымъ я Вамъ на перешкоди? Ну, я зроблю, колы вамъ треба, яму,—даруйте на сей разъ!—кланявся Кибець, надійшовшы надъ тынъ.

Та Чаплій мовчавъ.

— Чуешъ, старый! чоловикъ повыняется, помыры бо!—обизвавсь и околодочный.—Чы варто абы-чымъ начальство клопотаты?

— Не можу, ваше благородіе! хай шануется!—уперто видрубавъ Чаплій, не вважаючы и на те, що зробывъ непрыемнисть околодочному.

Нищо було тому робыты,—мусывъ пысаты протокола.

Зажурывсь Кибець: шкода ёму, и не такъ того штрапа, якъ того, що тюхтій и дурень Чаплій имъ коверзуе та опорочывъ ёго чесну хату, що трусылы іи, мовъ злодійську. Думкы про се не давалы Кибцеви спокою; не здолавъ винъ вже, якъ попереду, навертаты ихъ на шытво цилкомъ и робывъ разъ-уразъ таки помылкы, що намявъ-бы за ихъ вуха и тому хлопцеви, що вчывся у ёго рукоместву.

Зъ жалю постачывъ винъ пидмайстрамъ лайкы повнисиньки вуха, такъ, зъ доброго дыва, кынувъ шытво та й пишовъ еновыгаты по дворыщу. Тупався, такъ абы-соби, мовъ шукавъ, до чого-бъ прысикатыся, колы ось навьязъ ёму на очи Чаплівъ лёхъ, що заблызько прытулывсь по-пидъ самисинькый ёго тынъ. Непрыхыльно глянувъ на ёго Кибець разъ, глянувъ вдруге, та ажъ вдарывъ зъ розгону соби у лоба рукою, такъ мовъ ёму вывыднилось, чого доси не бачывъ.

— Крышка тоби, Чаплію! зрадивъ винъ,—а хто-жъ мени забороне зробыты помыйныцю зъ твого лёху?! Побачымо, зъ

кого буде дурень?—И заспокоенный Кибець подався у хату, загадавъ жинци наготуваты добру вечерю та, сившы зъ роботою до гурту, не вгававъ приставляючы шутки. За хазяиномъ пидбадёрылыся и пидмайстры, и пишлы у майстерни жарты и спивы коло гасочкы, що до неи вси зкупчылыся зъ роботою, якъ прусакы до свитла. Та хочъ и дуже кортило Кибцеви покорыстуватыся зъ чудовои выгадкы, але винъ не хапався зъ нею, дожыдаючы суду: чы не пошыется тамъ Чаплій у дурни, бо, не бувшы запеклою людыною, не хотивъ караты Чаплія на-двое.

Та судъ мынувъ. Зъ Кибця прысуджено пять карбованцивъ штрапу та выправлено пидпыску, що выкопа яму за тыждень. Пыльненько выпысуючы на пидпысци: „Мищанынъ Прокипъ Кибець“, винъ пидвивъ голову и покирлыво та пидкреслюючы обизвався до судди:

— Та цiеи пидпыскы хочъ и не берить, ваше высокородiе; не за тыждень, а сёгодни такы зроблю яму. Выбачте вже тилько, якъ що Чаплій не дуже нею зрадiе. Воля ваша, а мени проты ёго дурнемъ буты не можна.

Та суддя, що, поспишаючы до-дому, згортавъ папери и не гаразды прыслухався, видповивъ тилько:

— Та пышить-бо, пышить швыдче.

— А ну, хлопци, берить заступы, та копаймо не лынуючысь, а ты, жинко, готуй помыи, поновымо яму, та не шкодуй ихъ, несы помыйныцю повну!—жваво показувавъ, повернувшысь зъ суду Кибець.

— Кажы краще, якъ судъ?

— Що тамъ, судъ! Ну, пять карбованцивъ штрапу!

— Прысудылы?

— Эге!

Кибчыха вже збиралася и голосыты.

— Годи тоби, давай краще помыи!—порядкувавъ Кибець, своею байдужистю дывуючы жинку, що хотила ёго вже лаяты.

Пидмайстры тежъ поглядалы дывуючысь и тилько вже, колы Кибець появывъ, де копаты, уси въ голосъ сказалы: „Угу“! Такъ, такъ, але нихто не выгадавъ попереду, тилько самъ Прокипъ Ёсыповычъ.—

Не гаялася вже и Кибчыха, але якъ на крылахъ прытягла здоровенну та повну у-щерть помыймыцю.

Не довго досталося и копати. Небавомъ одынъ зъ хлопцивъ почувъ, якъ ёго заступъ проскочывъ у лёхъ.

— Стережиться, панове! вже намацавъ,—гукнувъ винъ.

Копачи вразъ проштырхалы решту земли, грудкы загуркотилы у яму, и передъ очи товарыства зъявывсь Чапліивъ лёхъ зъ картоплею, квасывомъ та инчымъ запасомъ, що прыдбала на рикъ хазяиновыта Чапліиха.

— Сыпъ, сыпъ! порядкувавъ Кибець, и хлопци, вхопывшы помыйныцю, шугнулы зъ неи, замахуючыся, щобъ заляпаты у лёху яко мога глыбше.

На Чапліевому дворыщи знявсь лементъ. На свою голову, Чапліиха запизно вгледила Кибцевы заходы и ажъ тоди прыбигла рятуваты свое невсыпуще горювання, колы помыи вже перенивечылы усе. Вона ажъ у полы вдарылася и зразу не мала сылы и слова вымовыты,—слёзы пидперлы ій голосъ; вже за хвылю мовъ выхопылысь ій тремтячи докоры та лайкы:

— Бога вы не боитесь! Що вы мени наробылы? Розбышакы, злодіи!..

На гукъ наспивъ и Чаплій. Його мовъ хто по голови триснувъ, якъ побачывъ винъ, що заподіялося. Винъ ажъ назадъ прягнувъ, очы ёму поналывалыся та почервонилы, и, лаючысь заклятовано, сипнувсь винъ до тыну зъ кулакамы.

— Бажавъ есы помыйнои ямы? Маешъ!—зле регочучысь дратувавъ зъ-за тыну Кибець.—Хай тебе лисного дидька чорты вдавлять! Бажавъ есы у моёму дворыщи хазяйнуваты? Корыстуйсь!

— Якъ ты сміешъ? Яке право маешъ—чуже добро псуваты та переводыты, драпижныку проклятый!

— А въ тебе яке право, стара халяво, чужи грунты пидкопуваты?

— Зажды ще лышень, ось я на тебе, катюго, у судъ подамъ, згныешъ у острози!

— Лизь, лизь у судъ! На себе швыдче острога знайдешъ! Бачъ, Святый-Божый, рыется у чужій земли! Може скарбивъ шукаешъ? Ще й мовчы!

II.

Чаплій побигъ зъ скаргою за лёха, Кибець ва зламану межу... Обомъ не подобався ришенець и обыдва завелы апелляцію. Тымъ часомъ сварка розжеврювалася: Кибцеве порося ускочыло до Чаплія у двиръ, Чаплій перебывъ ёму ногу; „якъ не

можна по коню, то хочъ по голобляхъ",—тишився винъ, а Кибець завивъ новый позовъ. Кибцеве хлопчыня выбыло каминцемъ Чапліеви шыбку, Чаплій вдарывся скаржытыся за гвалта. Розпочалася въ Чаплія и Кибця тяганына: одно—полыцейськи тягалы имъ повисткы, одно—обыдва вытрушувалы по судахъ та брехунцямъ остатни шагы. Пидмайстры тымъ часомъ линувалыся безъ догляду, загаювалы шытво, перенивечувалы роботу, а самы хазяины видъ повсякчасного непокою невдатни булы доглядаты дила и у вильну годыну, а марнувалы ій по шынкахъ, бидкаючысь та гудячы одынъ одного.

Якось саме розійшовсь Якивъ Демыдовычъ Кибця лаяты, якъ почалы ёго люде вмовляты:

— И що бо тамъ, Якове Демыдовычу! не тягнить споркы, даруйте ёму, помырить,—чого на свити не буває!

— Не дарую и не помырю,—уперто видрубавъ Чаплій.—Хай у острози згные.

— Знаете, судъ—така ричъ, хто зна чый верхъ буде: сёгодни вы ёго, завтра винъ васъ...

— Оцю здійму, а не покорюсь!—розсердывсь Чаплій, вытягуючы зъ-пидъ свиты комиръ сорочкы.—Чуете—не покорюсь!

Колы се обзывается одынъ ще молодый парубійко, бувъ такый у Дубняхъ, тежъ зъ мищаньства, часовый майстеръ Рахманный, що вчывсь трохы и у гимназіи, и майстерству таки справди у Кыеви, та й каже:

— Ну, то й загинете и вы, и Прокипъ Ёсыповычъ! чы вамъ краще буде?

Дывывсь, дывывсь на ёго Чаплій, ажъ очы вылупывъ. Не любывъ винъ Рахманного и давно. Таскало ёго, каже було, и по гимназіяхъ, и по Кыевахъ, де вже воно не віялося, та й выбехкалося таке велыкорозумне—усихъ вчыты. А цей разъ Рахманный спротывывся ёму у край.

— Хто це—Прокипъ Ёсыповычъ? пыта винъ такъ суворо, трохы не грыма.

— А хто-жъ?—видказуе Рахманный, ще мовъ дывуется.—Хиба не знаете? Кибець—Прокипъ Ёсыповычъ.

— Винъ?...

— Та винъ-же.

— То спасыби вамъ, добродію! Прырывнялы свыню до коня. Колы Кибець вамъ Прокипъ Ёсыповычъ, то краще вы до мене и не балакайте, а колы я вамъ Якивъ Демыдовычъ, такъ винъ вже не Прокипъ Ёсыповычъ, а Кибець, Кибчыня препаскудне, онъ-що!

Пыльно поглянувъ на Чаплія Рахманный, дали мовъ ёму по-мижъ вусамы осмихъ гадючкою перебигъ, але такъ ривно видказуе:—

— Шаную и васъ, и ёго. Моя воля—кого хочу, того и шаную. Що мени зъ того, що вы спорытесь?

А тоди обернувся до усихъ та й каже: такъ, панове, пропащи наши товарыши—и Якивъ Демыдовычъ, и Прокипъ Ёсыповычъ. Та що зробымо. Однаково не въ насъ тилькы и не самы воны,—мы, ремесныкы, уси згынемо, переведемося на наймытивъ. Хто ранише, хто пизднише, а мусымо згынуты. Скризь-бо, де выявляется кращый заробитокъ, набигають люде зъ велыкымы гришмы, заводять велыки майстерни, заводы, крамныци, прыманюють покупця и тымъ, що въ ихъ краще робыться, и тымъ, що въ ихъ дешевше. А зробыты це можуть, бо роблять машынэмы, прыпасъ купують грунтомъ, и дешевше за насъ. А нашъ братчыкъ, ремесныкъ, лышается тоди безъ роботы, та й мусыть иты до ныхъ у наймы. Ще якъ-бы мы схаменулыся та зъединалыся вкупи робыты, то може и змоглы-бъ ще змагатысь, бо тоди-бъ и мы свое дило шыроко впорядылы-бъ. Та се не можлыво, сами мы, не те вкупи робыты, а и простого ладу додержуваты не схочемо, а топытымемъ одно одного. А шкода! бо, якъ надійде та скрута, буде видъ чого оборонятыся—багато зъ насъ сылы высмокчуть, то треба-бъ купы держатыся. Воно и буде колысь, бида навчыть коржи йисты, та выпьемо доты велыкый кившъ лыха и будемо вже не хазяины, а робитныкы.

Якъ-же дослухавъ до краю це Чаплій, ажъ розсердывсь: що вы тамъ плещете нисенитныцю!—То-бъ то, по вашому, мени зъ Кибцемъ товарышуваты?—а не дижде! Не за насъ сказано: „гуртове—чортове!“ Ажъ ненавыжу базикання!—скынчывъ винъ, и сердытый подався зъ шынку.

Але-жъ розсердывся и Кибець, колы ввечери почувъ про таку розмову:

— Пророкувавъ-бы на свою голову, а то людямъ наврочуе! Дарма, по ёго не буде. Календари и инчы пророкы погоду угадують, та все брешуть. Такъ и винъ, вражый сынъ! А щобъ я зъ Чапліемъ робывъ у-купи? Згляньтесь, панове! Зъ якои речи товарышувазъ-бы я зъ дурнемъ, зъ якои речи передилявся-бъ зъ имъ заробиткомъ? Я працюю и въ-день и въ-ночи,—винъ лодарь. Я майстеръ,—винъ стара швайка никчемна, я мудрую та крутю головою, якъ-бы щобъ и дешевше узяты, и соби бильше вытяты, а винъ що своею дурною посудыною выгада? Пху на ёго,—отъ що Чаплій! Та й напливъ-же, велыкорозумныкъ!—скынчывъ Кибець и, знявшысь навшпынячкы, вылупывъ очы та закрутывъ головою,

а нарешти, мабуть, щобъ краще довесты свою думку, цвенькнувъ черезъ усю хату та засвыстивъ.

Мынуло зо два роки. Де дали обомъ господарямъ велося усе гирше. Обыдва позастановлювалы грунты, завынуватылыся и такъ по людяхъ. На тому-жъ майдани поставывъ ще майстерню новый кравець, Янкель Гершковычъ Тарноруцькый, и видбывъ мало не усю роботу и въ Чаплія, и въ Кибця, а воны якъ затяглыся у ворожнечи,—одно що рыпалыся по судахъ та адвокатахъ. Вже и адвокаты, що давнишъ страхъ яки булы чемни до Чаплія и Кибця, самы заклыкувалы ихъ до себе, садовылы поручъ, трактувалы чаемъ,—теперъ не давалыся на розмову, а якъ часомъ, выдершы останнёго пожыченого карбованця, и давалы пораду,—такъ недбало, цидячы кризь зубы, ажъ слухаты було крывдно. За таку пораду въ Чаплія ажъ серце закыпало вылаяты, та, боячысь лышытыся безъ жаднои, винъ стыскувавъ лайку, а тилько зъ образы не втне було и прохаты гараздъ, а одно уперто торочыть:

— Будь ласка, зробить ласку, панове!

Якъ-що и допомынався винъ часомъ свого, такъ черезъ те тилько, що не уси зъ дубеньскыхъ адвокатив булы дуже смилыви, а очи въ Чаплія пры розмови зъ нымы жеврылыся, якъ у вовка, невидступно пронызуючы порадныка. Кибець навпакы, не шкодивъ гонору; прохавъ зныщенно, вклонявся, хлыпавъ и набрихувавъ, бидкаючысь на Чаплія, щобъ зворушыты тымъ адвокатське серце. Якъ що ёго выгонылы, кыдався цилуваты рукы, якъ-же выпыхалы за двери, килька годынъ выстоювавъ на вулыци, щобъ переняты адвоката, колы той итыме зъ двору, зъ плачемъ чеплявся зъ своимъ, сикався цилуваты рукы, покы, абы видчепытыся, не напышуть, чого ёму треба.

Заразъ такы писля цёго ишовъ винъ до шинку та розважавъ себе, лаючи адвокативъ:

— Кляти, прокляти! Лёду въ ныхъ середъ зимы не выпрохаешъ...

За цей часъ винъ страшенно знышывся, ходывъ обшарпаный, густо пьяненькый; борода, що не видкынувъ винъ звычая ии голыты, та голывъ зридка, вызырала нечепурно; очи бигалы невпокоенно, давни жвависть та хытруватись ёго перевелыся на недоладню халывисть.

Въ ёго лишывся тилько одынъ пидмайстеръ,—решту винъ порозсчытувавъ по одному, якъ менчало роботы: остильки винъ ще глядивъ свого дила. У Чаплія не було й одного, бо, хочъ

винъ и не здужавъ, чы не мавъ грошей ихъ розсчытаты, та, якъ Чапліиха надолужувала втраты на харчахъ,—воны розійшлыся самы, ще й побылы Чапліеви викна за те, що не виддавъ имъ зароблено́го.

Жывучы поручъ, и Чаплій и Кибець заразъ знали обыдва, що робыться у сусиды, и кожна непрыемнисть одного неначе була втихою за-для другого.

— Чы вы чулы? Чаплій заставывъ свого грунта?

— Чы вы знаете?—въ Кибця ни зъ чымъ було сёгодни на базаръ иты; такъ не обидавшы ввесь день и выклацалы зубамы!

— А въ Чаплія, дякуваты Богови, вже й пидмайстривъ чортъ-мае...

Такъ оголошувалы по городу, наче яку радисну новыну Чаплій та Кибець, одынъ про одного глузуючы...

Мынуло ще зверхъ року, и наспивъ слушный часъ попереду Чапліеви: грунтъ и хату ёго зпродано за довгы. Та дарма що и самъ Чаплій давно вже дожыдавъ на такый кинець, винъ и не запытувавсь вызволяться: не робывъ ничого, не шукавъ роботы и, хочъ облышывъ позвы, такъ черезъ те тилько, що не було чымъ, та й обрыдло. Весь день, а то и по килько днивъ, нышкавъ Чаплій по шынкахъ, ще десь, а до-дому надходывъ въ ряды-годы, абы вынайты щось на продажъ, попереду зъ струменту, дали и зъ господарськыхъ речей, зъ одежи, то що; видъ симьи видбывся винъ зовсимъ. Жинка ажъ тремтила зъ гниву, дывлючысь, якъ винъ зъ упертою мовчанкою оглядае, цинуючы щось, на ёго думку, прыдатнише шынкарямъ. Вона зрывалася зъ мисця и зъ кулакамы сикалася лаючы та докоряючы. Ій справди доводылося тяжко: чоловикъ не дававъ ій теперъ на обихидку ничого; давнишъ, не заробляючы сама николы, вона не вмила ни заробляты, ни знайты заробитку, то й мусыла и сама зпродуватысь по-малу до найпотрибнишого, та крокъ за крокомъ переслижуваты, якъ руйнуется ій оселя, менчи диты ныдіють зъ голоду, бильши розбештуются, вештаючысь по городу, вызволяются крадижкою... Правда, вона не дуже-бъ журылася тымъ сама зъ себе, такъ-же знала, що за се и карають, и не поважають,—и ій робылося прыкро за дитей... На дали вона не зважувалась и думкою закыдаты, бо щось нибы вищувало ій жебрацтво,—и вона розважала себе, лаючы чоловика.

Та той мовчавъ, мовъ не чувъ, и зныкавъ зъ дому.

А про те не можна сказаты, щобъ Чаплій бувъ байдужый до того, що на ёго чекало. Навпакы, винъ страждавъ люто, та

мовчкы, а не сылкувавсь рятуватыся черезъ те тилько, бо вже втратывъ надію на рятунокъ и воля ёго захляла.—

У сучасній громади власность наддае людямъ незалежность, незалежность—повагу, се выховуе у ихъ якесь замылування до властности,—остилько сыльне, що вытворя зъ людей справдешнихъ рабивъ свого грунта, грошей, або якого ще и инчого добра. Правдыво, життя середнёи людыни—йе цилковыта послуга цимъ маленькымъ фетишамъ, послуга щыра, ажъ до забуття первистного ихъ прызначення... и для найменчого господаря зробытыся наймытомъ—йе и велыке лыхо, и велыке знищення... Такъ само и Чапліеви, дарма що у властній хати винъ бувъ вже направду старцемъ,—думка, що ёму, господареви зъ батькивъ, зъ дидивъ, доведется иты у наймы, здавалася такою несвицькою, що и не почувалось выразно, а якъ у тумани марою розплывалося передъ поглядомъ зляканого розуму... та почуття лыха черезъ те не менчало, и винъ, такый упертый, такый недоступный на знесылля чоловикъ, ладенъ бувъ плакаты за своимъ дворыщемъ, за своимъ давнимъ кубломъ, де може и не все велося гараздъ, такъ за те винъ бувъ тамъ хазяиномъ. Це гнитыло ёго навить дужче, якъ сама боясть голоду, бо за симью Чаплій вже не дбавъ, останнихъ часивъ вона зробылася ёму зовсимъ чужою, а соби вже не мигъ уявыты ничого гиршого.

Колы спродано ёго хату, ёму далы ще два тыжни строку пережыты у ій, покы знайде соби квартырю. Та Чаплій и не думавъ клопотатысь за неи,—винъ жывъ такъ, мовъ ничого не зминылося. Що винъ почувавъ, никому не було выдко, навить жинка не могла выдобуты зъ ёго ни слова, хочъ и лаяла и благала, щобъ порадывся, та щось робывъ. Але того дни, колы видбувсь строкъ, и Чаплій знавъ, що прыйдуть выкыдаты ёго зъ хаты, винъ не пишовъ зъ дому. Люде, немылосердно прыбыти лыхомъ, часомъ чують якесь задоволення вычерпаты ёго до крапли. Чы не було и въ Чаплія потребы цилкомъ перетерпиты руйнования свого жытла? Винъ забывся у кутокъ и непорушно сыдивъ тамъ зъ такымъ выглядомъ, що жинка не зважувалася и обизватысь до ёго. Такъ высыдивъ винъ зъ ранку, ажъ покы въ хату не увійшовъ судовый прыставъ и зъ имъ понятои. Зъ-за дверей вызыралы ще кылько-сь цикавыхъ; по-малу воны почалы просовуватыся у хату; двери нихто не зачынывъ,—воны стоялы навстижъ, и витеръ часомъ вхоплювавсь, мовъ на те, щобъ зробыты ще непрывитнишою, ще сумнишою зруйнованну оселю колышнёго господаря.

Прыставъ почавъ сварытыся, щобъ Чапліи заразъ-же выбиралыся.—Устань тамъ! чого розсилася? гукнувъ винъ Чапліисі, що не мала вже сылы и голосыты, а тыхо хлыпала, часто вты-

раючы заяложеною хусткою очы и нисъ. Жинка пидвелася, а диты, вчепывшись ій у спидныцю, злякано дывылыся широко расплющеными очыма на цяцькованого пана, що здавався имъ страшнымъ та лыхымъ.

Прыставъ провадывъ свое, а Чаплій слухавъ похылывшись зъ выразомъ тяжкого болю и все ныжче хылывъ голову. Але ось винъ пидвивъ чогось голову и прецинь нестямно глянувъ по хати; соромъ заслиплявъ ёму ихъ передъ цимы цикавымы, що такъ пыльно дывлятся звидциль.

— Що се? чы не ввыжается ёму? чы й справди бачыть винъ— паскудна Кибцева пыка шкырыться зъ-за дверей, радіе ёго лыхомъ. Чаплій сипнувся до Кибця и гризно прошопотивъ ёму надъ саме вухо,—згынь, вороже!"

Якась сыла справди потягла Кибця до Чапліевои хаты, колы винъ побачывъ, що туды пишовъ прыставъ, та не можна сказаты, щобъ Кибець ишовъ потишытыся лыхомъ свого ворога,— навпакы: дарма що винъ не жаливъ,—ище, здавалося ёму самому, ненавыдивъ Чаплія такъ само, якъ и попереду, та вже щось смоктало ёго коло серця, якесь важке, невыразне ще, а гнытюче почуття: може озывався острахъ за себе, може прокыдалыся тыхенько ще невымовлени и соби самому докоры сумлиння? Але-жъ не глянуты у цю мыть на Чаплія Кибець не мигъ,—щось мымоволи штовхало ёго у Чапліеву хату, якъ отъ часомъ тягне злочынця подывытыся на свій злочынъ.

Та колы винъ почувъ страшный Чапліивъ голосъ, побачывъ ёго страшный выглядъ, Кибець пидъ вплывомъ сёго почуття зтулывся прыгнобленный и зразу поплентавсь до-дому.

Ш.

Причъ заможнійшои частыны Дубнивъ, на гори, де мистылыся казенни будивли, крамныци, панськи, крамарськи та заможнишого мищанства горныци та осели, де було и спродане теперъ Чапліеве дворыще, значна частына города мостылася по узгирью, що спускалося уступамы до ричкы, та по килькохъ ярахъ, зъ якыхъ инчи почыналыся у самому городи, а инчи обиходылы по-за городомъ, наче оточувалы ёго. Це булы правдыви нетри, де не скризь можлыво було пройихаты и одніею конячкою, а до богатёхъ хатынъ поплелысь тилько узесеньки стежечкы, по якыхъ и пишки не легко було допьястыся; по цихъ нетряхъ мешкалы наибиднійши дубенци, та и тутъ не скризь велося однаково,—и мижъ злыднякамы бувае выемына. Блыжче до ричкы по шырокыхъ гырлахъ яривъ мистылыся хочъ просто, та бильши,

у дви, три кимнаты хаты; слыве биля кожнои зъ ихъ булы садкы и огороды, а узеньки суточкы помижъ загущавилои садовыны, зъ-за якои проблыскувалы били стины сихъ хатъ, соняшныхъ днивъ малы навить идыличный выглядъ. Найбезталанниша голота тулылася выще по ярахъ, а вже надто на найвыщій на усю околыцю гори, такъ званому замчыщу, що выступала до ричкы на передъ усёго кряжа, на якому стоялы Дубни, та у вузькому, глыбокому яру, що почынавсь у городи и робывъ килько крутыхъ заворотивъ, обходячы те замчыще зъ трёхъ бокивъ, на самому злобку ціи горы справди здіймалыся вгору, наче корона, высоки валы якогось давнёго городыща.—Тутъ мижъ валамы, по крутыхъ узгирьяхъ замчыща на розкопаныхъ у гори маленькыхъ площынахъ и у самій глыбыни яру, у страшныхъ тисноти та бруду зтовпылыся обидрани халупкы найбидніішого дубенського мищанства. Нызомъ по яру ледве струмывся смердючый потичокъ, по-декуды розливаючысь калюжамы; уся гора рябила попилястымы та рудымы смугамы и плямамы видъ смердючои покыди, що выкыдалы чимбари, видъ попилу, гною та смиття, що имы забывалы мешканци весняни та дощовы вымоины.

У сёму яру знайшовъ соби помешкання и Чаплій. Шыты звидси на панство ничого було и думаты, та въ ёго вже не було и заказивъ: кравцивъ для простого люду у Дубнахъ и такъ було багато, прывчаты до себе новыхъ закащыкивъ було николы, бо Чапліеви треба було заробыты щось на що-дня, статы-жъ до якого кравця за пидмайстра,—на се винъ не мигъ ще прыстаты, сама думка про се гирко вражала ёго гоноръ.

Вышукуючы соби роботу, Чаплій погодывся краще узяты на себе найтяжчу працю и ставъ за шеретовочныка на парову крупчатню, яку не вдовзи поставылы у Дубнахъ два жыды. Робота була дуже важка: дванадцять годынъ на день вергаты пьятыпудови лантухы зъ зерномъ, самотужкы переносячы и высыпаючы до коша зъ высокыхъ буртивъ, якымы выкладалыся воны у шеретовни, на день зъ сто шистьдесяъ, доглядаты причъ того зъ пьятнадцять машынъ, мазаты ихъ, пересыпаты ремени жывыцею, то що, робыты се тыждень въ-день, тыждень въ-ночи, а разъ на тыждень, колы робитныкы переставлялыся: ти, що робылы въ-день, ставылы на ничъ, а ти, що въ-ночы—на день, гынуты за ціею працею врядъ двадцять чотыри годыны, маючы за те ажъ въ кинци тыжня спочывку такожъ суткы. Та Чаплій бувъ грубезный чоловикъ и покладався на свои сылы, а на крупчатни все-жъ такы плачено бильше, якъ пидмайстрамъ въ кравцивъ. Покы ще въ ёго затрымувалыся хочъ якись урывкы властности, се не такъ ёго обходыло, бо винъ, здавалося, втратывъ бувъ

саму вдатнисть думаты про свои грошови справы, але, видколы збувся усёго, винъ наче схаменувся и яснище зрозумивъ свое становыще. Саме те, що не мавъ вже жаднои предкивськои пидпоры, що треба було жыты зъ праци, не зъ властности, такъ знепокоювало ёго, що теперъ частише, якъ колы-будь, захожувався винъ выличуваты що до копійкы свои потребы та свои здобутки, миркуючы, якъ вызволытыся зъ йижы. Тымъ часомъ, дарма що Чаплій и справди бувъ досыть ще дужый, вмнъ даремно покладався на себе. Надсыльна праця, ночи безъ сону, важка курява зъ млыва, якою доводылося дыхаты, выходылы ёму бокомъ; рукы, що ввесь викъ орудовалы голкою, булы заслаби для важкыхъ лантухивъ. Часомъ, тягаючы ихъ, винъ такъ выморювався, та занепадавъ духомъ, що, збираючысь браты ще якый, спынявся передъ велыкымъ буртомъ лантухивъ, обхопленый зляканымъ знесыллямъ, на лоби ёму проступалы крапли холодного поту, рукы и ногы тремтилы, на мыть ёго кыдало въ жаръ, наче по тилови перебигавъ гарячый подыхъ, робылося млосно, у очахъ крутылося та мыготило. Такыхъ хвыль винъ почувавъ себе тяжко и неправедно скрывдженымъ, и зъ глыбыны души зрынала у ёму ще злисть на крупчатню та іи рядъ. Пысля кылькохъ днивъ такои праци винъ такъ знесылювався, що мусивъ хочъ день перепочыты и не йты на роботу. А на крупчатни кожна ёго днёвка чынила заколотъ, кожному робитныкови була тамъ прызначена своя робота и, колы хто не прыходывъ несподивано, боялыся угайкы та поспишалыся наняты поденного за яку-будь платню. Зъ поденнымы не торгувалыся и переплачувалы, але зъ заробиткивъ того, хто робывъ днёвку. Вдодачу ёго ще и лаялы за турбацію.

Але найтяжче доставалося Чапліеви робыты въ-ночи: якъ не продыравъ винъ очи, якъ не сылувавъ себе топтатыся, щобъ перемогты сонъ, віи непомитно зтулювалыся, винъ зъ несылля злягавъ на лантухы и засыпавъ, покы знорожнила машына не выявляла ёго недбальства, або прыкащыкъ чы мирошныкъ, выходячы на обхидъ перевиряты робитныкивъ, не будылы ёго. За це зновъ лаялы и пысалы штрапы, а одного разу вже сами робитныкы, що кваплылыся на усяки выгадкы, абы розважыты соби нудну ничъ, зчынылы зъ Чапліемъ справди такы страшный жартъ.

Спостеригшы, колы винъ заснувъ, воны пидчепылы ёго шворкою по-пидъ пахвы та, перекынувшы іи черезъ трансмысу, потяглы сплячого Чаплія вгору. Винъ прокынувся, высячы пидъ самымъ пиддашшямъ, бо зъ едыного на всю шеретовню лыхтаря за машынамы сюды ледве сягала тилько тмяна сутинь, довкола торохтилы палешни колеса, шамотилы бигаючы шкывы та ремини; зпросоння все це ввыжалося нибы якись прывидця

або кативськы прысады. Трычи зъ реготомъ зпускалы робитныкы Чаплія трохы не до долу, але, не даючы ёму статы, зновъ здіймалы у-гору, поки на решти, почувшы ёго страшный зойкъ, не спынывъ машыны та не прыбигъ нимець мирошныкъ. Винъ злякався, чы не зобгало кого машыною, але, дизнавшысь у чому ричь, и самъ заходывсь глузуваты та реготаты.

— Нишаво, голубчыку, треба знайтъ, шо не можно спайтъ.

Трохы очунявшысь, Чаплій почавъ бувъ лаяты тыхъ, що зробылы ёму таку каписть, але и воны и инчи робитныкы тилько сміялыся.—Ще зъ тебе, дядьку, намъ могарычъ належыть за хрестбыны, бо це мы тебе на мирошныка высвятылы.—

И таки справди першои-жъ недили, помогарычывшысь гаразд на гуртовый коштъ зъ товарыствомъ, Чаплій подарувавъ имъ никчемну выгадку. Усе товарыство прысягалося, що не займатымуть ёго такъ въ-друге, а що для початку йе таке заведення. Уси воны бидкалыся на те саме, якъ и винъ, лаялы каторжну крупчатну роботу, и Чапліеви легшало зъ имы. Тилько самому мирошныкови не мигъ Чаплій николы ни забуты, ни подаруваты того, що той не ставъ ёму на оборону, а ще и самъ глузувавъ зъ ёго.—

Маючы потребу у грошахъ, винъ уже килька разивъ ходывъ за ными у контору, але хазяины малы звычай робыты розсчотъ и рахунки зъ робитныкамы тилько разъ на мисяць, въ кинци, а середъ мисяця давалы гроши неохоче и по-троху, затримуючы бильшу частыну зароблёного робитныкамы въ себе, щобъ прымусыты тымъ ихъ буты слухняныпымы та справныпымы; то хочъ якъ благавъ Чаплій, але коженъ разъ давано ёму тилько видчыпного: полтынныка, чы карбованця, такъ що въ протязи мисяця выбравъ винъ якыхъ-сь пьять карбованцивъ, а жыты мусывъ на позычене. Проте винъ, сподиваючысь въ кинци одержаты решту, мавъ надію повертаты позычкы и, хочъ боявся, що вытратыть два-три карбованци бильшъ, якъ заробыть, та заспокоювавъ себе, що надали прызвычаится обиходыться зароблённымъ, хочъ и безъ лышку.

Та уси свои розличування Чаплій спыравъ на певну сумму дванадцять, чы зъ днёвкамы—десять карбованцивъ, яку сподивався одержаты. Того-жъ, скилько на ёго записано штрапивъ, не личывъ та и не нявъ виры, щобъ ихъ зъ ёго вывернулы, и самъ-бо винъ, було колы сердыться, густо сварывсь на пидмайстривъ штрапамы, та слыве николы не вывертавъ ихъ.

Але, колы дійшло до розсчоту, уси ёго рахунки зійшлы на нивець.

— Пьять карбованцивъ забравъ, маешъ пьять днёвокъ по карбованцю,—десять карбованцивъ, ще чотыри штрапа по пол-

тынныку за те, що спавъ,—усихъ дванадцять карбованцивъ: лышается твоихъ пьять,—беры!—и поличывшы, поклавъ конторщыкъ на стилець пьятку.

— Якъ се по карбованцю днёвка? аже мени не впадае стилько,—сердыто спытавъ Чаплій.

— То намъ байдуже: мы наймалы за тебе поденщыка, и дешевше не знайшлы. Колы це тоби здается дорого, мигъ-бы прыслаты кого на свое мисце, а мы черезъ твои линощи свои гроши выкыдаты не будемо.

— Колы такъ, то я вамъ и ци подарую, забогатійте имы... я не хочу!..

— Побалакай ще мени!—зкыпивъ конторщыкъ. Я тебе вывчу, чортове мурмыло!..

— Беры,—ничого не доведешъ,—зашопотивъ ззаду на вухо Чапліеви другый робитныкъ, що дожыдався чергы.

Зципывшы зубы, Чаплій вхопывъ пьятку и зъ прожогу выскочывъ зъ конторы такъ, нибы тикавъ самъ видъ себе, боячысь наробыты щось страшного. Уси ёго розличування, уси его мріи забезпечыты зъ заробитка себе и симью, розвіялыся, колы такъ несподивано трохы не половына его десь склызла. Чаплія и такъ вже роздратованого, це тяжко збентежыло. Винъ почувавъ себе такъ, нибы въ ёго гвалтомъ зъ передъ очей выдерто останню спроможныст жыты вже не багато, а якъ-небудь. До-дому винъ прыйшовъ ажъ у-вечери и значно пьяный....

Нема чого й розсказуваты, яка сталася розмова мижъ нымъ и жинкою; нервы ій булы въ такимъ напружени, вдачею вона николы не була ни сумирна, ни добра... Знялася лайка; Чапліиха докоряла чоловикови и тымъ, у чому винъ бувъ справди выненъ, и тымъ, у чому не було и крыхты ёго провыны, докоряла и за теперешне и за те, що давно вже мынулося и забулося; а-ни слова, подибного до спивчуття, не почувъ видъ неи Чаплій, а ёму, збентеженому та зажуреному, бильшъ якъ колыбудь, було воно потрибне саме теперъ. За лайкою знялася бійка скажена, клята... Якъ сталося на решти, що воны, побыти, розпатлани, кынулы бытыся и поснулы, де трапылося, обыдва зъ почуттямъ лютости одно до одного, Чаплій за пьянымъ туманомъ не мигъ прыгадаты.

Для ёго сей день бувъ той, колы винъ выразно почувъ ненавыст до крупчатни, до ій уряду, хазяинивъ та заведеного у ій ряду.

Чапліиха того дни тежъ выразно зрозумила свою неповагу та ненавыст до чоловика, зрозумила, оскилькы винъ ій зробывся, чый бувъ, чужый, та прыйшла до думкы, що ій не мож-

на покладатыся на ёго, а треба самій шукаты заробитку и на диты, и на себе.

Вона була ледачои та упертои и ненажерлывои вдачы людына, любыла спокій, цуралася праци и клопоту, та, колы прымушувалася до діяльности, вже не вагалася видъ сумлиння ни передъ чымъ. Саме тамъ, де оселылыся Чапліи, на очахъ въ Чапліихы, по обидраныхъ хыбаркахъ пережывалы дубенськи гулящи дивчата, де-яки одынычкамы, торгуючы собою видъ себе, де-яки, збираючысь кумпаніямы по тры-чотыры, пидъ прыводомъ якои старои видьмы. Ци спилкы збиралыся для того, бо, де бувъ гуртъ дивоцтва, охитнише заходылы гультяи, хазяйкы боронылы дивчатъ видъ полиціи, годувалы ихъ пидъ часъ безгрышыя, вышукувалы ихъ коханцивъ, а за те видбыралы соби частыну бахурськои платни. Роспустъ сей видбувався у Дубняхъ безъ жадного ликарського догляду, хочъ и за видомомъ полиціи, що покрывала ёго, одержуючы зъ хазяёкъ умовлени хабары.

Часто и густо по цихъ лёховыцяхъ траплялыся крадижкы, заманювалы та зводылы на втиху багатымъ бахурямъ молоденькыхъ дивчатъ, и все те здебильшого зныкало наче у гнылій твани... Чапліиси, прыдывляючысь до сёго, вже не разъ впадало на думку и соби тымъ покорыстуватысь, а ціеи ночи вона твердо зважылася.

Писля сварки Чаплій не балакавъ зъ жинкою и похмуро прыдывлявсь до іи заходивъ. Винъ звыкъ зъ презырствомъ видносыться до роспусты, знавъ поглядъ людськый на неи, тяжко вражало ёго гоноръ, що у ёго хати заводытся таке кышло. Та до часу винъ ще мовчавъ, и тилько, колы за тыждень Чапліиха перевезла до себе попереду двохъ дивчатъ, розлютувався та знявъ бучу.

Але жинка запекло виддала.

— Яке тоби дило? Чы ты годуешъ мене, чы що? А ни, то й не коверзуй, бо вже ты мени не голова!

Цей докиръ, найтяжчый для Чаплія, бо и самъ винъ вважавъ ёго правдывымъ, такъ прысадывъ ёго, що, дарма на велыкый гнивъ и твердый ришенець розкыдаты пакосне кышло, винъ не мавъ сылы змагатыся дали и замовкъ. Та зъ сёго часу ёму спротывылася властна хата. Не вважаючы вже на инче, Чапліеви просто було неспокійно; за стиною що-ночи пьяный гукъ, пыскотня; нахабни дивчата разъ-по-разъ забигають и до ёго у хату, здіймають галасъ, регитъ; у голоси, у кожному поруси ихъ вражала Чаплія втрата сорому; жинка почала тежъ напываться, до неи почало вчащаты якесь брыдке, зъ завше пид-

вязаною щокою, ледащо, воны чаркувалыся вдвохъ, дудлылы чай, и Чаплій бувъ певный, що то ій коханець; хлопци Чапліевы тежъ розпещувалысь, гульвиснычалы, и на попухлыхъ видъ горилкы облыччяхъ ихъ Чаплій часто бачывъ сыняви та кривави плямы.

Щобъ не бачыты сёго, винъ почавъ зныкаты зъ дому. Праздныкивъ на крупчатни було не багато, а колы и выпадавъ вильный часъ, Чаплій пересыжувавъ по шынкахъ, у знаемыхъ, або и такъ марнувавъ ёго на вулыци, до-дому-жъ надходывъ вже тилькы, абы заразъ укублытыся та заснуты!

Тымъ часомъ въ Чапліихы сталося якесь непорозуминня зъ полиціантомъ. Щобъ докладнише довесты ій, якъ треба шануваты урядныкивъ, полиціантъ зробывъ протокола, и у судъ зайшло обговорення про удержуванння Чапліихою гулящого дому безъ дозволу и догляду. Полиціантъ ствердывъ свое обвынуваченння такъ непорушнымы доказамы, що дарма що де-яки свидкы зъ почтовыхъ, управськыхъ та й судовыхъ панычивъ канцелярыстивъ за-рады самои соромлывосты запевнялы, нибы заходылы до Чапліихы „тилькы запалыты цыгарку“, або „выключно за-для спочывку“,—все-жъ Чапліиха бачыла, що видмагтыся ій ніякъ.

Ій моглы засудыты на ій волю або на штрапъ, або видсыжуваты у острози не зверхъ трёхъ мисяцивъ. Не збираючысь видкынутысь свого гешефту, Чапліиха прямо не могла заплатыты штрапа,—ци штрапы моглы наспиваты день-у-день: де-бъ набралася вона грошей ихъ выплачуваты та й шкода було перевесты корыстный гешефтъ на збыточный и даты спроможнисть полиціантови тишытыся ій збыткамы. Вона наважылася краще, колы вже доведется, видсыдиты. Але и це було дуже прыкро: дило зныныться, дивчата порозбигаются, панычи забудуть до неи стежку... Все це здіймало у Чапліихы лютисть на той судъ, що по якому-сь праву, якого Чапліиха не хотила ни зрозумиты, ни вызнаваты, може зробыты ій таку шкоду.

Та не сподиваючыся на нищо добре, вона такы наважылася оборонятысь до краю и, колы дійшла до неи черга говорыты, выступыла напередъ, прыдушуючы гнивъ. Высока, худа, зъ помарнилымъ облыччямъ немолодои жинкы, у значно затяганному панського строю вбранни, що купыла ёго старымъ въ якоись пани, зъ роскуёвдженымъ чорнымъ зъ сывызною волоссямъ, мутно-попылястый колиръ, якого дуже выразно зазначавъ, що не-знаты колы воно мылося, Чапліиха стала передъ судомъ наче розсатанила видьма; темни очи ій бигалы и блыщалы, якъ въ загнаного звира; вона выставыла одну ногу впе-

редъ и вразъ знявшы рукы, вдарылася кулакамы въ груды, наче хотила розшарпаты на соби свое вбрання. Голосъ ій дзвенивъ высоко и чудно, такъ нибы у-разъ вона и грымала, и благала суддивъ.

— Праведни судди! Просю мылости вашои, помылуйте! Чы въ васъ можуть знятыся рукы на бидну жинку та не безщастныхъ дитокъ? Вы знаете, въ мене ихъ пьятеро! имъ треба щось йисты. Що станется зъ имы, якъ що вы запроторыте мене до острогу? бо штрапу я не платытыму: зъ чого могла-бъ я платыты штрапы?.. Думаете, нашъ хлибъ солодкый? Та-жъ кожному треба щось йисты и зъ чогось заробляты... Кажу вамъ: не губить дитокъ! Батько въ ихъ пьяныця и недбалько, сама я тилько выховую... Хто-жъ ихъ годуватыме безъ мене?.. Вже-жъ не вы, панове судди, хочъ вы и багати и таки почесни та гарни люде; або скажить, що вы,—такъ я пиду до острогу спокійно!.. Не потурайте, праведни судди, полиціантови, не дайте ёму радиты зъ мого удовыного безщастя. Мы не гирши за инчыхъ; такыхъ якъ мы, сами знаете, хочъ прырву гаты. За всихъ самимъ каратыся,—це-жъ намъ обида!..

Хто и зна, покы ще вычытувала-бъ Чапліиха, якъ-бы старшый суддя не звелivъ ій мовчаты.

— Годи вже! знаемо гараздъ...

— Що вы знаете, праведни судди, що вы знаете? послухайте мене... Хыба можна не даты выправытыся обвыноваченому?..

Та судди знялыся йты на пораду до другои хаты. Колы повернувшысь воны вычыталы засудъ Чапліиси, въ неи наче зъ передъ очей все зныкло; свитячы имы, мовъ свичкамы, та ажъ трусячысь, вона зняла лементъ на ввесь судовый залъ.

— Такъ оттаки вы судди, такъ така ваша правда?! Чхаты я хочу на вашъ судъ! Хыба я гирша зъ инчыхъ? хыба вы не знаете, скилько тамъ биля Замчыща такыкъ, якъ я? Такъ чого-жъ вы зрадилы, одну нещасну запопавшы?..

Полиціанты не далы ій выкрычатыся и потяглы зъ залу; але и зъ вулыци чуты було ще якыйсь часъ урывкы ій докоривъ, лаёкъ та проклёнивъ.

Засудъ жинкы, на якый часъ, дуже потишывъ Чаплія. Цымъ наче ствержденo ёго поглядъ на жинчыны гешефты и доводылося, що воны не таки вже корыстни. Симьи зновъ доставалося выглядаты шматка зъ ёго рукъ, и черезъ те Чаплій почувавъ себе значно смилывише та зновъ почавъ докоряты жинци.

— Я тоби казавъ: не заводь чортъ-зна чого у моій хати, не страмы моеи сывои головы! Не на мое выйшло, бисова лахудра!?

Та Чапліиха не мала ніякои хити корытыся.

— Яка вона твоя хата, старый дурню!? Ты за неи гроши платывъ? Ты насъ годувавъ? Думаешъ може, теперъ годуватымешъ? Диждемося, якъ-же! Якъ-бы на тебе поклалыся,—попухлы-бъ зъ голоду... Не бійся, безъ твоихъ злыднивъ прожывемо: що маемо, а що и люде повирять, не тоби, а мени, бо мене знають... Бачъ, ёму страмъ! Чого тоби страмъ? Подывитися на ёго, люде добри, якый чесный! Сказала-бъ я тоби, де вона твоя честь, та вже хай... але мовчы, бо такы скажу...

— Цыть! годи вже! заразъ я твоихъ хлёрокъ повыкыдаю.

— Ось поткнысь, ось запытайся мени!.. Пху на тебе!—и несподивано Чапліиха зъ мыстецькою зручнистю плюнула межы очи Чапліеви.

— Геть самъ звидси, вражый сыну, не погань мени очей, иды!..

Знялася справдешня баталія, и подолила такы Чапліиха, бо и бильши сыны и дивчата повсталы за нею. Довго лаялыся воны, покы Чаплій, утомывшысь, вхопывъ шапку и свытку и зъ проклёнамы подавсь зъ хаты, зодягаючысь вже на двори.

Проте врешти сталося на ёго. Колы Чапліиху засаджено, дивчата порозбигалыся, коханець іи не вьязъ на очи.—Та Чаплій и теперъ не почувавъ себе гараздъ,—винъ звыкъ вже прогулюваты значну частыну заробитку й не даваты на симью слыве ничого; теперъ зновъ доставалося клопотатысь про іи удержання, про шматокъ хлиба, зновъ уйидалыся турботни думкы, чы постачыть зароблёного, зновъ треба було не робыты днёвокъ, щырише працюваты. Чаплій знесылювався, знервовувався и роздратовувався, и, якъ йедына видповидь на уси пытання, здіймалося у ёму ремство на хазяинивъ крупчатни, що дешево платять, на тяжку працю, що не забезпечуе найменчыхъ потребъ.

IV.

Мижъ прыкащыкамы на крупчатни бувъ одынъ высокый, гладкый та мордатый жыдъ, Мусій Исааковычъ Розенбахъ. Ввесь выдъ ёму бувъ роспысаный ластовыннямъ, наче сороче яйце. Се була дуже швыдка, проворна и нахабна людына. Черезъ се та черезъ те, що у комерціи винъ справди бувъ спрытный, винъ ридко зо-

стававсь на крупчатни, а бильшисть часу посылано ёго по далекыхъ краяхъ, ажъ до Вильны, куды дубеньска крупчатня зпродувала частыну своихъ выробивъ, знаходыты покупцивъ на борошно и высивки, збираты та правыты зъ вынуватцивъ гроши.

Але, дарма на комерціальный таланъ Розенбаха, хазяины ёго не любылы и часто потай лютовалы на ёго. Справди, йиздячы по дорученняхъ, винъ прогайновувавъ забагато, „не на прыкащыцькый пыскъ“, и часу, и грошей на свои гулянкы по кафе-шантанахъ та циркахъ, а передъ хазяинамы мовъ хызувався ще тымъ, що робыть все недбало, нибы на гулянкахъ; по двору похожавъ „якъ на шпацыръ“, зачипавъ робитныць, заводывъ теревени зъ старшымы служащымы, розсказуючы соромицьки побрехенькы, здебильшого хвастыкуючы своимы поспихамы въ жиноцтва пидъ часъ подорожывъ.

Колы-жъ хазяинамъ обрыдало дывытысь на таке недбальство и котрыйсь зъ ихъ завважавъ:

— Чого-жъ вы, гаспадинъ Розенбахъ, ничого не робыте, а тилько шпацируете?—той виддававъ завше зъ цилковытою самоповагою:—Чудне дило! хиба вы не знаете моеи вдачы?—Кожный гешефтъ я кинчаю, якъ орелъ, зъ наскоку.—Хыба вамъ мало цёго?

— Нехай соби такъ, а все-таки не можна за килькось днивъ праци удержуваты жалуванія черезъ ввесь рикъ.—Ну, хыба не такъ?.. по правди?—докорявъ ще лагидно хазяинъ.

Розенбахъ на те тилько плечыма здвыгавъ и вписля скаржывся мижъ служащымы.

— Чудни люде: воны наче звыклы робыты самымы воламы, воны зовсимъ такы легковажать таланъ.

Таки прымхы та недбальство Розенбаха такъ навирювалыся хазяинамъ, що часомъ, хочъ винъ и справди робывъ имъ багато корысти своею спрытнистю и мистецькымы выворотамы, воны радниши булы-бъ ёго увильныты, якъ бы не боялыся, що Розенбахъ на помсту порозголошуе ихъ комерціальни таины, зъ якыхъ моглы-бъ покорыстуватыся инчы крупчатныкы, або и таки, за яки довелося-бъ видповидаты передъ закономъ. А нахабный Розенбахъ, спостеригаючы хазяйськи турботы, мовъ ненарокомъ закыдавъ наздогадъ часомъ, що тымыть, у чому тутъ ричъ та у чому ёго сыла. Певно, це не прыхыляло хазяинивъ до Розенбаха, та прымушувало ихъ удержуваты ёго и даруваты те, чогобъ воны не подарувалы никому.

Вже не разъ хазяинъ, гладкый и спокійный Мордохъ Бороховычъ и худый та запальный Мендель Абрамовычъ, замыкалыся у своій кимнати на потайну пораду, чы не увильныты

Мусія Исааковыча. Ця кимната була друга ззаду конторською, и тутъ хазяины выталы и торгувалыся зъ значнишымы контрагентамы, а тако-жъ обговорювалы усе те, чого не можна було обговорюваты прылюдно. Дывный бувъ ін выглядъ: зимови рямы николы не выймалыся для безпечности видъ злодіивъ, черезъ те духъ у ій бувъ тяжко важкый; у хати стояло усихъ тры чы чотыры старыхъ обдертыхъ ослонця, одынъ невелыкый стилець, на якому и йилы и зводылы рахунки, завше застланный улытою та замазаною скатиркою, дви кровати для спочывку, колы трапыться, хазяинамъ, зъ заяложеными, брудными подушкамы та постелею, дви старыхъ шахвы, одынъ чы два продранныхъ чемоданивъ. На кроватяхъ завше понаскыдано верхнёи одягы, богомилля, книжокъ, скынутои билызны, на викнахъ купою лежать пробы пшеныци та борошна у брудныхъ поробленыхъ зъ дрантя мишечкахъ, цыцеле, тежъ книгы, часомъ молытовни, ящыкъ зъ ваксою, щитка для чобитъ, недопытокъ горилкы, посохле скорыння хлиба, надибраный ящыкъ зъ марынованою рыбою—решта давнишого и запасъ для будущого пидтрыманя хазяйськыхъ сылъ.

Якъ въ людыны, бильше гарячои, терпець швыдче урывався въ Менделя Абрамовыча, и саме винъ здіймавъ завше пытання про увильнення Розенбаха.

— Я вже не знаю, Мордухъ Боруховычъ, за що це вы улюбылы этого Розенбаха?—сама паскудна людына! нахабныкъ, гыцель;—на що намъ такого держать и доки держать?

— Ай, Мендель Абрамовычъ, якый вы гарячый! Зъ чого вамъ здумалося, що я улюбывъ Розенбаха?—запытувавъ зпоквола и дипломатычно Мордухъ Боруховычъ, щобъ даты часъ трохы утышытыся кумпаніонови.

— Ну якъ-же не улюбылы? Кажить вы мени, що не улюбылы! а кому я говорю: увильнымо Розенбаха, а хто каже: не можна?... Хыба,-развы не вы? А чому не можна? того безшабашныка, того нахабныка, що винъ и шабашу не почытае и никоторои виры не додержуе!

— Ну и до чого це? Ну, вы не знаете хыба, скилько такыхъ теперъ? Куды тилько можна плюнуть, у такого влучышъ. —Але хыба це стосуется до комерціи? зъ кымъ тоди можно заводыть комерцію?...

— Вы будете ёго завше оборонять, а тилько мы получымо ще такого, що Розенбахъ назбирае нашы грошыкы и „фуръ гезундъ, а гите гешефтъ!“

— Цёго ничого не може буты. Вы соби говорыте, якъ не комерсантъ... я говорю—неначе не комерсантъ,—поспишае вы-

правыты неслушный выразъ Мордухъ Боруховычъ, схаменувшысь, що дуже вже уразливо зачина кумпаніона.—Ну кажить бо сами, Мендель Абрамовычъ, на вашу бороду и на ваши пейсыкы! хыба де у свити йе така людына, щобъ якъ-бы ій даты скольки завгодно грошей, и щобъ вона не зробыла изъ нымы гешефту—ай! ай! ну, якъ-бы мы зъ вамы?... За кожну людыну треба знаты, скилько воно коштуе, скилько ій треба звиряты, щобъ воно соби думало, що то гешефтъ ныжчый за ёго.—Ну, а мы не знаемо цины Розенбаху?—А знаемо, то й можемо глядиты, що ёму доручаты, и не може буты никоторои шкоды. Кажить краще, що Розенбахъ нахабна людына, що воно ледащо, що воно зъ намы поводыться, якъ гыцель и грубіянщыкъ, а тилько винъ „юдише копеле“ и якого робыть „гите гешефты“ и все-жъ таки завше выробыть свое жалованне. Слухайте сюды, Мендель Абрамовычъ!—И Мордухъ Боруховычъ прысовувався ще блыже до Менделя Абрамовыча и ще тыхше почынавъ шопотиты, хочъ и доси говорывъ не въ голосъ.—Я все такъ соби думаю: нехай Розенбахъ ище гирше збалуется, а тымъ часомъ намъ ще йе зъ ёго щось. Вже тоди мы ёго вырядымо—тилько, бороны Боже, не розсчытаемо. Вы хыба не знаете, скилько цей капостныкъ намъ може нашкодыты? Мы вже краще прысовитуемо тоди кому-небудь узяты ёго на кращее жалованнѣ,—и Розенбахъ буде задоволеный, и намъ добре.

Доказы Мордуха Боруховыча завше малы значный вплывъ на Менделя Абрамовыча; до того за розмовою винъ трохы заспокоювавсь, и такымъ чыномъ Розенбахъ ще доси лышався на крупчатни „до которого часу“.

Одного вечора пизднёи осени Розенбахъ, бувшы дома, намигся зробыты струсъ робитныкамъ, що выходылы зъ крупчатного двору передъ вечирнёю зминою. Справди, де-хто зъ робитныкивъ жывылыся, выносячы трохы борошна, а найбильше лантухивъ соби на онучи, у хазяйство, а часомъ и на продажъ сусидамъ, чы у шынкъ. Щобъ збавыты ту крадижку, хазяины видъ часу до часу робылы несподивано вывирку, трусячы робитныкивъ, що выходылы зъ двору, и Розенбахъ завше охоче брався до того, бо мавъ зъ того прыводъ пожыруваты зъ дивчатамы и пошкылыты зъ чоловикивъ.

Було шисть годынъ темного туманного вечора. На обгороженому парканомъ крупчатному дворыщу блымалы лихтари, але свитло ихъ ледве проблыскувало черезъ густый туманъ; запынене имъ, воно оточувало лихтари жовтымы зъ дымомъ коламы, наче облямованымы чорнымы торочкамы. По двору, мовъ

злытому водою, стоялы калюжы и калюжки, проблыскуючы на свитли, а темни, ажъ чорни, у затинку; ввесь двиръ вкрытый бувъ товстымъ шаромъ гною, погубленыхъ хурщыкамы отрускивъ сина, навпивъ-гнылымы купамы половы и бурьянового насиння, выточеныхъ зъ зерна. Усе те було змишане людьмы и хурамы завглыбшкы по кисточкы и вызырало, мовъ якась болотяна твань; чорни кубла дыму зъ дымаря и сыви—пару зъ машыны зпускалыся унызъ, застылалы двиръ смородомъ угильного чаду и безъ гуку, безъ шелесту, нибы якись хымерни ночни проявы зъ крыламы, трипотилы и былыся у стины крупчатныхъ будивливъ. Розенбахъ стоявъ на воротяхъ, заступаючы дорогу робитныкамъ, що выходылы, и, наче шукаючы краденого, загрававъ зъ бахурською ухмилкою зъ дивчатамы, шкылывъ зъ чоловикивъ, нибы зъ ихъ звычкы усе красты, мылуючысь самъ на свои гостри выгадкы, яки здавалыся ёму на-прочудъ мыстецькымы, але ображалы бильшисть робитныкивъ, що видходылы писля трусу похмури и сердыти.

Оглянувшы усихъ, хто йшовъ зъ двору разомъ, Розенбахъ помитывъ, що мижъ нымы не було Нечыпора Сеня, робитныка, на якого давно вже пидзорено, що винъ багацько выносыть зъ крупчатни. Розенбахъ бувъ певный, що Нечыпиръ прыховавъ щось и, почувшы про выпирку, десь затаився, покы вона перейде; не появляючы свого спостереженя, пишовъ винъ видъ воритъ та похожавъ по двору назырци, зъ безневыннымъ выглядомъ заводячы теревени то зъ тымъ, то зъ инчымъ, а, колы нарешти Нечыпиръ, не сподиваючысь вже рахубы, выйшовъ зъ крывкы та пишовъ зъ двору, Розенбахъ навзаводы побигъ та перенявъ ёго биля воритъ.

Нечыпиръ Сень бувъ шорстка, похмура и дуже дражливои вдачы людына; надто дражливисть розъятрювалась у ёму на кинци роботы видъ втомы та видъ того, що писля довгыхъ литъ завычкы нервы ёго потрибувалы пидтрымуваня горилкою, чого не можна було робыты у крупчатни черезъ увесь день. Винъ справди прыховавъ два новыхъ лантухы, щобъ пидкрипытыся на ихъ идучы до-дому. Почувшы, що ёго выстежено, винъ настобурчывся и розлютовався. Ця злисть була почасты проявою первистного прыроднёго почуття зацькованного звиря, почасты наслидкомъ нахабства у боротьби, яке выховуе некультурне суспильство, що схыляется передъ тымъ, хто зъ бильшою твердистью та завзятистью напосидае вымагаючы.

— Пусты! Чого ставъ на дорози? суворо прыступывъ винъ до Мусія, блыснувшы зъ-пидлоба сердытымы очыма.

Ёго голосъ, гострый и впевненый, ёго выглядъ сердытый и, здавалося, ображеный—багатёхъ бы завирывъ у ёго цилковытій

безневынности ще и прымусывъ-бы соромыться свого пидозрення, тилько не Розенбаха. Розенбахъ, и то не безъ права, запевне у видносынахъ, яки моглы скластыся у межахъ крупчатного двору, вважавъ себе прыкметнымъ псыхологомъ та выхвалявсь тымъ, що ёго нихто не одуре.

— Не дуже поспишайся, бо я хочу тебе прыпыныты—зъ нахабнымъ осмихомъ видказавъ винъ, не оступаючысь зъ дорогы.

— Не вьязны! Якого тоби ката треба?

— Тилько и того, що трошкы тебе потрусыты, чы не вытрушу мишечка або борошна. Бачъ, якъ ты набрався и на спыну, и на полы,—вказавъ Розенбахъ на впорошену одягу Нечыпора,—то може чы не знайдется у кышени чы у штаняхъ?

— Геть! нема въ мене ничого!—запекло гукнувъ Нечыпиръ и простягнувъ руку, неначе намирывся пхнуты Розенбаха.

Сердыти гадючкы замыготилы Розенбаху у очахъ, але ще стрымуючысь для тіеи втихы, якои чекавъ, винъ наче лагидно прыпынывъ Нечыпорову руку.

— Трывай, голубчыку, я бо такы хочу подывыться, чого въ тебе ногы попухлы?.. и зненацька вхопывшы Нечыпора за очкуръ, Розенбахъ шваркнувъ ёго, очкуръ увирвався, штаны зсунулыся, и ногы Ничыпоровы зъявылыся умотани кожна лантухомъ.

— Ачъ, ёлопе! а якый пышный, мовъ справди чесный!—глузувавъ Розенбахъ.—Давай сюды лантухы, та на тоби!—и винъ злегка, мовъ на потиху тилько, вдарывъ двичи Нычыпора по потылыци.—Винъ вдарывъ справди не зъ серця, не на те, щобъ прыкладомъ такои кары збавыты на крупчатни крадижку, якъ те роблять ще часто въ насъ неосвичени и дыки хазяины, а такы выключно для якоись пыхы, щобъ потишытысь своею сылою, пороскошуваты, знищуючы залежну людыну. Особлыво по-мижъ жыдкамы, що змалку натерпилыся зневагы и, поклавшы уси сылы, ввесь хыстъ свій на те, щобъ забагатившы здобуты чести, проте чують видусиль потайне чы выразне до себе згирдлыве и вороже видношення; шыроко розповсюджене це стыдке чуття, и черезъ те може почасты жыдивська зневага и зверхнисть здаются простій людыни гиршымы за яки будь инчи.

Нечыпиръ стоявъ тяжко ображеный, и не можна здуматы, яка гирка лютисть заворушылася у ёму, тилько то була поки ще безсыла, прыборкана, не вдатна выбухнуты лютисть, бо вразъ почувавъ винъ себе цилковыто высміяным, зныщеннымъ тяж-

кымъ глумомъ. Чуючы холодъ по голыхъ ногахъ, опали штаны, що, паче въ малого хлопця, тягаются доли и плутають ногы, Нечыпиръ вважавъ се такымъ соромомъ, якого николы не збудется. Прыгнобленый имъ, винъ и лютуючы здолавъ теперъ хыба плакаты або скрыготиты зубамы, та не змагатыся. Постоявшы хвылыну наче у нестями, вхопывъ винъ штаны и, похапцемъ натягаючы ихъ, выскочывъ зъ двору, наче тикавъ свитъ за очы, не виддавшы Розенбахови. Образа такои миры е завше коринемъ тяжкои помсты, але не зразу; вага почуття завелыка и знесылюе самого местныка, пимста выбухае ягодомъ, хочъ черезъ те ще клятиша.

За воритьмы Нечыпиръ трохы не наскочывъ на Чаплія. Сей спизнывся на роботу, бо вже зранку почувавъ себе погано: не видпочывъ гараздъ, бувъ роздратованый и дражлывый. Вже килька хвылынъ выстоявъ винъ за воритьмы и бачывъ усю стычку Нечыпора зъ Розенбахомъ. Ввесь гнивъ, усе обурення на осоружне крупчатне начальство взагали и на Розенбаха особысто, скилько набралося ихъ у ёму за ввесь часъ, але ще глыбше заховувалось, знялыся теперъ разомъ. Чаплій почувавъ себе такъ, нибы образа впала на ёго, и, наче хвыли до берегу пидъ часъ прыплыву, насувало на ёго непереможне бажання розчавчыты нависного жыда. Досыть було, щобъ очи Нечыпора и Чаплія збиглыся тилько мыгцемъ и нестямно, щобъ воны вже, хочъ не выразно, почулы одностайнисть свого почуття пидъ той часъ—и Нечыпиръ почувъ потребу повернутыся до Чаплія, а Чаплій ту-жъ мыть поклыкавъ ёго. Воны видійшлы осторонь видъ двору и почалы передилятыся своимъ гнивомъ, та хвылювання не давало имъ говорыты; те, що говорылы воны, була якась мишанына лаёкъ, що выхоплювалыся розшарпаннымы урывкамы, та пидъ сей часъ для обохъ така необмиркована розмова була найчутныша и найзрозумилыша.

Та воны булы такъ роздратовани, що самои лайкы имъ не було-бъ досыть; воны умовылыся, що Нечыпиръ чатуватыме биля крупчатни и, колы „рудый чортъ“ пиде до Чаплія у шеретовню, украдется туды и вдвохъ поповчать.

Писля такои умовы Чаплій пишовъ на роботу. Розенбахъ, що бачывъ, якъ винъ балакавъ зъ Нечыпоромъ, догадувався, що балакалы про ёго, и певне не дуже ласкаво. Се дратувало Розенбаха; якъ часто бувае, винъ мавъ чудну прымху, щобъ залежни видъ ёго любылы ёго навить тоди, колы винъ ихъ крывдывъ. Винъ мавъ добрый прыводъ виддячытыся Чапліеви за таку, якъ казавъ, невдячнисть, бо той справди спизнывсь на роботу, и, потураючы соби, Розенбахъ напався на Чаплія лайкою, грозячысь штрафомъ.

Идучы черезъ двиръ, Чаплій видгрызався.

— Пышы, пышы штрапы, подавысь! мало ще понапысувалы? зъ чого-бъ у васъ и жыръ наростався, якъ-бы не писалы?

Лаючысь на ввесь двиръ, воны йшлы: Чаплій трохы попереду, Розенбахъ позаду. На останнихъ словахъ Чаплій зайшовъ у шеретовню, а Розенбахъ, роздратованый видповиддю и ничого не пидзоряючы—за имъ.

Прыпавшы окомъ до щилыны у паркани, Нечыпиръ бачывъ усе, и одніи хвыли було ёму досыть, щобъ опынытыся у двори и биля шеретовни. Ще на дверяхъ побачывъ винъ посатаниле облыччя Чаплія и напружену шыю Розенбаха, що взялыся вже за руки. Крадькома и тыхо, якъ кишка, проскочывъ Нечыпиръ у шеретовню, зачынывъ двери и, вдарывшы Розенбаха ззаду по голови, напосивъ на ёго. Розенбахъ зойкнувъ, але не встыгъ закрычаты, а зойку никому було почуты, бо у шеретовни не було бильше людей, а за стиною поручъ такъ торохкалы вальци, що треба було страшенно крычаты, щобъ тамъ почулы. Нечыпиръ и Чаплій насилы Розенбаха и, сылкуючысь затулыты ёму рота, нивечылы ёго и тумаками, и ногамы, куды влучать. Та Розенбахъ бувъ дуже здоровый; борюкаючысь усимъ тиломъ, одгрызуючысь зубамы, винъ такы выпручався остилькы, щобъ крыкнуты не своимъ голосомъ. Збиглыся люде, мирошныкы, и розтяглы бійку. Зъ позбыванымы кривавымы смугамы на выду, обтыраючы кривъ, що капотила зъ носу, Розенбахъ почвалавъ до конторы, и за хвылю Чаплія и Нечыпора поклыкалы на розсчотъ и вырядылы зъ крупчатни.—

Ни хазяины, ни Розенбахъ не схотилы заводыты скаргу до суду, де довелося-бъ доводыты, що бійку почалы робитныкы, не самъ винъ, а на се не було свидкивъ; черезъ те хазяины удалысь просто до справныка, а справныкъ, пыльнуючы громадського спокою, звеливъ прытягты Чаплія и Сеня передъ свои очы у буцегарню. Тутъ, не розводячы шыршои балачкы и, не шкодіючы кулакивъ, винъ штучно та гризно лаючысь, наклавъ Нечыпорови по зубахъ и вже прыступывъ зъ тымъ самымъ до Чаплія, що обидраный, змарнилый, зъ прыкметамы злыднивъ та гультяйства, стоявъ похмуро передъ имъ, дожыдаючы своеи чергы, але вразъ пизнавъ у ёму колысь поважного майстра и хазяина... Щось заворушылося на серцеви въ справныка, чы то спивчуття до лыхои людскои доли, чы згадкы про добре та не дорого пошыти колысь мундыры, чы скорше и те, и те разомъ, и рукы ёго не зняlыся на бійку. Зъ хвылю дывывсь винъ на Чаплія, наче у роздуми, и зновъ облыччя ёму зачер-

вонилося и мовъ набрякло видъ гниву, и винъ гризно скрыкнувъ:

— А, ты, сто чортивъ твоій матери! Гляды мени, колы вже зробывся пройдысвитомъ! Не бью тебе, шануючы въ тоби колышнёго порядного чоловика и хазяина, але стережысь: якъ запопаду ще, то вже вычухраю за вси разы!

V.

Теперъ Чапліеви треба було зновъ шукаты роботы. Зневирывшись на свои сылы, винъ не хотивъ вже братыся до важкои праци, се-бъ то доставалося зновъ кравцюваты, тилько годи було и думаты за свою швальню,—треба було найматься и вже не до кого-якъ до Тарноруцького.

— Зъ того часу, якъ вперше посварылыся Чаплій и Кибець, багацько зминылося у дубенському жыттю: черезъ Дубни перейшла зализныця, городъ значно побильшавъ, а мижъ инчымъ зъявылася нова швальня, Тарноруцького, тилько не така, яки булы въ Чаплія и Кибця, а велыка, цегельна, тепла крамныця, зъ викнамы, позастеклюваннымы не шыбкамы, а товстымъ скломъ на усю виконныцю; крамарськый стилець у ій застланный сирымъ сукномъ, а по за имъ на полычкахъ понакладувано видъ саму стелю усякои тканыны,—тутъ и набирай, тутъ и пошыють. Не выдко ни окрайкивъ, ни смиття, ни брудныхъ робитныкивъ, не чуты лайкы, нема важкого духу, якый завше бувъ на давнихъ швальняхъ, де и спалы, и йилы, и робылы, а викна не любылы видчыняты, щобъ не выхоложуваты хаты. Усе те поховане у лёху, що тутъ такы видъ крамныцею, де може ще и неохайнише, такъ никому не выдко.

Цю дывовыжу спорудывъ Янкель Гершковычъ, чы то такъ Янкель Григоровычъ, бо винъ любывъ, щобъ ёго такъ прозывалы, Тарноруцькый, перевизшысь сюды видкилясь зъ Кывщыны, колы у Дубни зроблено зализныцю. Батько ёго, старый Гершко, бувъ дуже бидный мишуресъ десь у маленькому мистечку; мавъ винъ багато тилько дитей и жывъ у тяжкыхъ жыдняхъ; стара Хайка, Янкелева маты, часто почытувала свого Гершка и дурнемъ, и неробомъ, и багато де-хто згожувалыся зъ нею. Та Гершко мавъ инчу думку и все выглядав свого щастя... „Нихто якъ Богъ“,—часто зитхавъ винъ, бо справди безъ щастя якъ вызволятыся зъ мишурества у маленькому кывівському мистечку, де повно жыдивъ, а жыды зъ половыны мишурысы?—

Янкель памьятае себе обшарпанымъ жыденямъ, що вкупи зъ такымы-жъ дитьмы голоты по цилыхъ дняхъ безъ дила тынявся по вулыцяхъ, задвиркахъ та смитныкахъ маленького брудного мистечка. Завше винъ зъ товарыствомъ булы голодни, и, не безъ того, траплялося щось вкрасты, найбильше щось йистивне, а иноди щось и на продажъ, однаково на те, щобъ утышыты голодъ; траплялося, ихъ ловылы, былы або шпурлялы наздогинъ паличчямъ, груддямъ,—тоди воны тикалы, а згодомъ виддячувалыся, чы вдучачы у напастныкивъ зъ засидивъ, чы нивечылы ёму укравшысь крамъ. Се було прыкро, але то була вийна, а на вийни—якъ на вийни! Значно гирше ображало Янкеля, колы ёго лаялы, зачыпалы, облывалы помыямы тоди, колы винъ никого не займавъ, а чемно грався зъ товарыствомъ на смитныкахъ, що купамы перегнывалы на майдани та вулыцяхъ ихъ мистечка. А тымъ часомъ було и ёго часто, хочъ и не такъ, якъ довелось чуты: „А, щобъ ты здохло, паршыве жыденя“, або: „мале, жыдомъ смердыть“,—таки ласкави прыемносты чувъ винъ и не разъ на день.—Свои—жыды, правда, булы прывитнищи, а все-жъ такы: „Иды геть, старчыня,—не каляй мени дытыны“—такого напрыкладъ Янкель наслухався досыть видъ миськыхъ пурыцивъ и ихъ балабустъ, колы впала ёму охота побавытысь зъ ихнимы дитьмы. Окрывженый та голодный, прыбижыть було Янкель до дому, ревно плачучы, а маты, щобъ утишыты дытыну, а почасты щобъ и себе потишыты, бо, зневирена въ чоловикови, уси надіи покладала на диты, почне ёму розсказуваты, якый винъ буде розумный, якъ выросте, якъ прыдбае сылу грошей и зробыться „а гройсе пурыцъ“. Зъ захватомъ слухае було Янкель неньчыны вищування, забудется и про голодъ, ще й осмихнется: „А я, мамеле, тоди дамсь имъ утямкы, я имъ помщуся!“ Старажъ Хайка, чы спочуваючы тымъ замирамъ хлопця, чы радіючы, що заспокоила ёго, ще мицнише було прыгорне сына до серця. Черезъ злыдни не довго восталося Янкелеви и такъ гуляты. Десяты годъ батько виддавъ вже ёго у науку до кравця; тяжка доля такыхъ учнивъ видома: зъ Янкеля поневирялыся, хто здумавъ, усимъ винъ бувъ за попыхача и скризь на властнимъ досвиди спостеригавъ, а дали вже зъ жадобою и бажавъ спостеригаты, якъ люде шануютъ заможныхъ, гнытять бидныхъ... Бачывъ се Янкель и дома, и на вулыци, и середъ мищанства, и середъ панства, навить у синагози. Черезъ таке переконання глыбоко укублылося ёму гостре бажання забагатиты, хочъ не скоро, щобъ хочъ пры старости, самому коверзуваты людьмы та не даты коверзуваты собою. Щобъ задовольныты ёго, винъ вдатенъ бувъ счыныты и стерпиты усе; обовъязкивъ, яки-бъ спынялы ёго, винъ не знавъ, уся суспильнисть здавалася ёму ворогомъ; и черезъ те вважавъ своимъ правомъ одбываты въ ворога,

скилько здужа. Винъ бачывъ, що въ ёго зброя кепська до того, та покладавсь на розумъ, хытрування и лукавство и пыльно стежывъ, чы не схыбне хто побичъ ёго, и колы, висимнадцяты годъ, вробывся пидмайстромъ, ёму пощастыло. Винъ такъ прынавъ до вподобы хазяинови, що той цилкомъ звирывъ на ёго усю майстерню. Зъ сёго часу Янкель почавъ прыховуваты соби якусь частку хазяйськыхъ здобуткивъ, прыховувавъ крадькома, трусячысь, а все-жъ такы все, що прыдбавъ, пускавъ на видсотки. Та гаятыся довго винъ биля ёго не схотивъ,—цей зыскъ здавався ёму и не безпечный, и замалый, ёму треба було тилько щось зажыты, щобъ було зъ чымъ зачепытысь, и, ледве назбиравшы трыста карбованцивъ, винъ покынувъ хазяина и вдавсь у гешефты; винъ брався до усёго: торгувавъ лантухамы, вапною, деревомъ, збижжамъ, часто не спавъ у-ночи, часто мерзся у самисинькому пальтычку, трусячысь повозчыною по морозу и трыдцять и сорокъ верстовъ, абы щось купыты дешевше, продаты дорожче; знервовано дизнававъ и нышпорывъ скризь, зъ чого можна сподиватыся корысти. Часомъ ёго гроши бильшалы, часомъ, здавалося, втратыть останне: тоди винъ затаювавъ решту, одурювавъ тыхъ, кому бувъ выненъ, бидкався та божывся, що въ ёго нема вже ничого, плакавъ, выпрохувався, покирно прыймаючы лайкы и докоры... Такыхъ хвыль ёму, здавалось, обрыдало выглядаты доли, винъ тратывъ надію и терпець и робывся чы не сантыментальный; ёго неначе щыро порушало панування на свити тіеи неправды, що бидного не шанують, хочъ якый винъ розумный и добрый, що повагу виддають багатымъ дурнямъ... Очы ёму тоди блыщалы, выдъ робывся зблидлый, навить зажовклый и брався зморшкамы. Тилько це траплялося зрідка, и Тарноруцькый николы не корывся занепаду духа надовго, зновъ брався до новои спекуляціи и такы якось доскрибся, що назбиравъ зъ пьять тысячъ карбованцивъ. Тоди винъ кынувъ комерцію тай заснувавъ у Дубнахъ шкальню на новый ладъ. Винъ вмивъ якось здобуваты и кредитъ, купуваты усе дешево, мавъ такый крамъ, якого не було доси о Дубнахъ, и ёму велося гараздъ. Небавомъ видбывъ винъ усю роботу у Дубенськыхъ кравцивъ и зароблявъ на рикъ тысячы зъ тры чы й бильше.

До сёго Тарноруцького и пишовъ найматься Чаплій.

— Що тоби? непрывитно спытавъ у ёго хвертыкуватый прыкащыкъ у куцому пиджаку та прасованій сорочци, колы, увійшовшы несмилыво и вже сердячысь на те почуття остраху, Чаплій похмуро спынывся на дверяхъ.

— Я—найматься...

Прыкащыкъ вдарывъ у дзвоныка; зъ середнёи двери выбигъ хлопчыкъ.

— Скажы Якову Грыгоровычу, що чоловикъ прыйшовъ наймытысь; а ты зажды!—Чекаты довелося довгенько. Видъ часу до часу Чаплій зитхавъ и переступавъ зъ ногы на ногу. На дверяхъ дзенькнувъ дзвинокъ, и у крамныцю зайшовъ якыйсь панъ.

— Оступысь тамъ! (хочъ Чаплій зовсимъ не заступывъ дорогы, та мабуть для бильшого вшанування покупця)—гризно гукнувъ крыкащыкъ, и вже зовсимъ инче, ажъ солодко обернувсь до пана зъ пытаннямъ «що звольте?»—перехыляючысь черезъ стилець.

Небавомъ прыйшовъ и Тарноруцькый. Се бувъ одягнутый зъ запобиганнямъ моды у чепурненькому пиджаку, зъ-пидъ якого проте вызырала вже не дуже била сорочка, жыдъ зъ сывызною у велыкій бороди, у золотыхъ окулярахъ на довгому та закрученому носи, зъ-пидъ якыхъ блыщалы щулени невелычки и лыхи очыци; лобъ ёму косынею подавався взадъ, а потылыця далеко выдымалася. Выступавъ винъ згорда, помалу и, хочъ у хати було темно, недбало воликъ на плечахъ коштовного кожуха, що черкався однымъ краемъ по доливци. Вглядившы покупця, винъ швыденько скынувъ кожуха, поклавшы проте ёго такъ, щобъ хутро кыдалося на очы, вразъ зминывъ облыччя и ходу́ и, пустывшы по выдови прывитный осмихъ, похопывсь прывитатыся.

Показуючы крамъ, винъ и пидлещувався, и выхвалявся безъ сорома казкы, сылкуючысь втовкмачыты покупцеви, що звидси вже ёму никуды йты.

— Хиба—развы ми не понимаемо, зъ кымъ маемо дило? чы я смію показуваты вамъ крамъ не самого першого розбору? Прыдывиться на этово сукна, ну?! на цилому свити не бувае кращого,—джеркотивъ винъ.

Покупець вагаючысь мацавъ крамъ пучкамы.

— Ми не можемо васъ одурыты!—Ми ставымо своя комерція на правдываго лынія, что называемо—чесно, справно, безъ никаково запросу. Этого краму тутычкы мало хто може набирать, тилько самаго перваго покупатели. Чесного слова, бизъ интересу ёго держа́ть. Тольки ми поважаемо першого покупателя зверхъ усёго и для васъ и этого можемъ прыставыть, затому, что желаемо поставить нашего фирма бизъ конкуренціи.

Заморочывшы гараздъ покупця, Тарноруцькый заправывъ зъ ёго дуже дорого, а колы той почавъ торгуватыся, заразъ заторохтивъ.

— Чиво дорого? Хиба я не знаю, что ви не могли соби шыты тутечкы; иде́ ви соби справлялы кустюмы? ну, увъ

Кыёви, ну, увъ Харькови, и хиба-разви не платылы дорогше? зачиму-жъ ви шкодіете заплатыты у Дубнахъ за хорошаго работу?...

Чаплій, що не разъ обшывавъ сёго пана, тилько дывувався, слухаючы таке, чому той не хвалыться, що шывъ завше у ёго.

Але панъ соромывсь цымъ похвалытыся и змовчавъ, мовъ винуватый, та выторгувавшы якусь дрибныцю, погодывся на цину Тарноруцького. Разъ-по-разъ найпрывитнише уклоняючысь, сей дійшовъ зъ покупцемъ до дверей, самъ видчынывъ ёму ихъ, гыркнувъ ще щось по-жыдивськи прыкащыкови, и ажъ тоди обернувся чванькувато до Чаплія.

— Найматыся?

— Эге!

— Де бувъ?

— Мавъ власну майстерню... тутъ, у Дубнахъ,—Чаплій.

— Не знаю; такъ мабуть, абы-що.

Чаплія се прыкро вразыло и розсердыло. Винъ хотивъ огрызнутысь, хотивъ сказаты, що то неможлыва ричъ, щобъ Тарноруцькый, жывучы у Дубнахъ, не знавъ ёго, першого дубенського майстра, але винъ схаменувсь и мусивъ мовчаты.

— На першый часъ 12 карбованцивъ у мисяць дамъ—додавъ тымъ часомъ Тарноруцькый.

— Мало. Якъ-же я жытыму зъ жинкою, зъ дитьмы?—запытавсь торгуватысь Чаплій.

— Мени клопитъ? На що-жъ въ тебе йе жинка и диты? Сказавъ, бильше не дамъ, а то йды...

— Колы прыходыты? похылено спытавъ Чаплій.

— Хочъ и завтра. Тилько гляды, слухатыся мене и усихъ, кого звелю, робыты справно, а то геть!

Чаплій йшовъ до-дому прыгнобленый и злый. Ёму обрыдлы вже до печинокъ и ця праця на людей, и ци клопоты зъ розшукуваннямъ ій, и це поневиряння зъ себе... И вже выразно почувъ винъ теперъ, якъ ёму робытся шкода, що жинка у острози... Хай бы соби заробляла, чымъ знала, прынаймни мени було-бъ легче,—зъ якоюсь запеклою злистью гадавъ винъ. Ну ихъ усихъ пидъ тры чорты!

VI.

Тарноруцькый поводывсь зъ пидмайстрамы дуже суворо. Винъ мигъ се робыты, бо у Дубнахъ тилько винъ самъ и наймавъ ихъ по-багато, и въ кого инчого роботу не легко було знайты. Черезъ те, абы тилько хто не зробывъ, що загадано, часто прогаювавъ дни, заводывъ спорвы зъ товарышамы-пидмайстрамы, того заразъ розщытувано. Робитныкамъ було заборонено навить спиваты и гомониты въ голосъ у майстерни, бо надъ швальнею булы горныци хазяина, и винъ казавъ, що спивы та гоминъ ёго знепокоюють. Кинчалы роботу пиздно, почыналы рано; робитныкы, що здебильшого мешкалы по краяхъ города, мусилы уставаты вдосвита, прыхватцемъ сёрбалы кулишу, а, хто засыплявся, то и на тще серце, снидаючы на ходи шматкомъ хлиба, поспишалы на роботу. Майстерня була наче лёхъ, трохы не уся у земли; зъ вечора темнило у ій зарання, бо мали виконця, зроблени ажъ пидъ стелею, бидно впускалы свиту. Тоди запалювано лампы, що звысалы посередъ хаты по-надъ низькый стилець; лампы булы маленьки, закурени, дуже чадилы и не гараздъ свитылы. Абы выднише, робитныкы зсовувалыся тыснише и нахылялыся зъ роботою яко мога до свитла, прымостывшысь хто на низенькому ослончыку, а хто и доли, пидогбавшы ногы; де-хто, въ кого очи почалы псуватысь, а псувалыся воны у такій обстанови швыдко, злазылы и на стилець до самои лампы, а шытво пидносылы пидъ сами очи. Повитря у цій хати завше було важке, стеля почорнила, по куткахъ зацвитала вохкисть.

Невдовзи писля Чаплія ставъ до Тарноруцького и Кибець. Якъ не крутывсь винъ, якъ не побывався, а навесты на ладъ свою зруйновану майстерню вже не здолавъ, робота набигала тилько въ ряды-годы и, якъ не годывъ, а закащыкы не вертылыся, бо усе дубенське панство улюбыло шыты въ Тарноруцького. Якъ-бы ще не довгы, може Кибець якось крутывся-бъ, а то видсотвы дерлы останню шкуру и, де дали, довгы бильшалы. Нарешти Кибець мусивъ такы запродаты грунтъ та иты у наймы. Тяжко було це робыты, та однаково—не зробывъ-бы самъ, запродалы-бъ судомъ, не мавъ-бы и того хатнёго дрибьязку та якихсь пивъ-сотвы карбованцивъ про лыху годыну, що лышылыся въ ёго теперъ.

Зновъ Чаплій и Кибець бачылыся що-дня, сыдилы чы не поручъ, але обыдва, наче умовылыся, не озывалыся, не бала-

калы, навить не дывылыся одынъ на одного. Чаплій ненавыдивъ Кибця, якъ и ранише, та боявся хазяина, щобъ заводыты сварки, и мовчавъ, хочъ черезъ те затаена злисть розжеврювалася ще дужчъ; Кибцеви було непрыемно та якось чудно стриватыся зъ Чаплiемъ, але и потимъ, непомитно самому, ненавысть ёго до Чаплія десь подилася; ще колы доводылось згадуваты про ёго, Кибець не помынавъ вылаятысь, та вже безъ завзятости и мовъ не въ охитку. Ёго такъ гнитыло властне бездолля, що до инчыхъ не було и дила, а думкы и почуття одно зверталыся уйидлыво на те саме, на властне лыхо. Черезъ те Кибцеви було-бъ яковыше може не бачыты Чаплія, та мало обходыло вже, чы йе винъ и якъ ёму. Справди, було ёму про що думаты: дома злыдни, бо звистно, що на 12 карбованцивъ у мисяць не прожывешъ, якъ нема своеи хаты, а всячыну треба куповаты зъ базарю та на готови гроши. Жинка мовчкы, щобъ не завдаваты чоловикови ще жалю, прыпадае коло зруйнованого господарства, та Кибець и самъ бачыть, якъ важко ій прызвычаюватыся до нового стану, працюваты черезъ сылу та забуваты краще жыття.

Надсыльна праця та смутокъ прыкметно позначылыся на ій; вона зблидла, змарнила, постаришала, губы жалисно зтулылыся, зморшкы почеркалыся по выду, а найгустишъ—коло втомленныхъ очей, що пидъ нымы попидводылыся сыни смугы. Зъ жалемъ, болизно прыдывлявсь Кибець, якъ знеможуется дружына, та прыдывлявсь нышкомъ и, колы несподивано спостеригавъ, що и вона зводе на ёго очи, ажъ жахався та крывся зъ своимы, боячысь якый зайвый разъ нагадаты ій про ихъ лыхо.

Пидъ вагою сёго тяжара Кибець чысто звився, уси давни бажання та почуття наче прыгаслы, почезла давня бадёрысть, прыпадлывысть до людей, ёму не кортило вже ни у шынкъ, ни мижъ люде; зъ давнимы прыятелямы, що зналы ёго кращи дни, ёму було прыкро, винъ крывся одъ ихъ, а якъ доводылося стринутыся, вклонявся несмилыво, мовъ боявся, чы зъ имъ поздоровкаются; колы до ёго обзывалыся, нервувався, хапався плескаты усяку нисенитныцю, абы не пыталы ёго, якъ ёму йе... Злыдни и недоля штовхалы ёго що-дня на роботу; якъ прыголомшеный бигавъ винъ до майстерни та мовчкы копырсавъ голкою, що загадувалы, а часомъ спостеригавъ за собою, що захолоне нестямно, втупывшы кудысь очи, наче сылкуючысь зъ тяжкымъ болемъ щось згадаты и не може. Але на души въ Кибця йшла потайна робота; мынуло килька мисяцивъ, наспивала весна; думкы и почуття зновъ повильныше почалы складатыся въ ёго, ще повильныше, здается, якъ колысь,—тилько булы то зовсимъ нови думкы и почуття. Писля першого цилковытого

прыголомшення, выразнише зъясувавъ теперъ соби Кибець свое становыще и болизно тяжко було ёму що-хвыли бачыты, що-хвыли думаты про свое давне и про свое сучасне. Вицъ болю тыхъ думокъ, де дали гострише и гострише розпалювалася у Кибця невпынна жадоба жалощивъ та спочуття до себе; ёму здавалося, що то сама правда наказуе людямъ жалиты такыхъ бездольцивъ, якъ винъ, а самъ здавався соби ажъ до плачу тяжко и неправедно бездольнымъ... Але, де знайты було чуле серце для того: жинци винъ доси не зважувався появляты свою тугу, людямъ не явъ виры, и ось усе палкише почала прокыдатыся въ ёго думка—не думка, скорише мрія зиткана зъ дытячыхъ спогадивъ, зъ чутыхъ колысь вырывкамы побожныхъ розмовъ, прыспаныхъ клопотомъ порыванъ—знайты ти жалощи и спочуття у Бога, въ церкви, видъ Ёго представныкивъ. Та мрія обхопыла Кибця могутнымъ бажаннямъ и пидъ вплывомъ ёго Кибцеви, мовъ жыва, увыжалася та вабыла до себе постать старенького, поважного, у бидній ряси, ченця, зъ чудовымъ тыхымъ зглядомъ, зъ лагиднымы, сумирнымы очыма, зъ якимсь сяйвомъ на выду, яснымъ, якъ небо, прывитнымъ, якъ весняный промінь.

Що недили почавъ Кибець ходыты до церквы и ревно молытыся, тилько не досыть було зъ ёго молытыся; сама молытва не заспокоювала ёго; ёму прытьмомъ потрибно було якоись видповиди на свои запыты, якогось видголосу на свои скорботы. Розумъ ёго не мигъ видризныты Бога видъ церквы, иконъ та инчыхъ святощивъ навить видъ ёго представныкивъ, и Кибець прагнувъ ще науки та розвагы видъ такого побожного панъ-отця, якого уявлявъ соби въ мріяхъ. Але йты за порадою до городськыхъ батюшокъ винъ не схотивъ, винъ забагато знавъ за ихъ звычайного, людського. За такою порадою Кибець надумавсь питы до манастыря, що бувъ верстовъ зъ десять биля Дубнивъ. Та передъ прощою сумлиння почало докоряты ёму за сварку зъ Чапліемъ; Кибцеви згадувалыся слова Евангеліи: „колы прыйдешъ до церквы и згадаешъ, що братъ твій ворогуе на тебе, пиды попереду помыры зъ братомъ твоимъ“—и здавалося, що самъ винъ выненъ своему лыхови, що те лыхо—то кара за грихъ. Нарешти помырыты зъ Чапліемъ—зробылося для Кибця конешною потребою. Та якъ? Прохаты выбачення винъ соромывся, боявся, що дизнаютъ люде, сміятымутся, и видъ самои думкы про се зновъ здіймалася у ёму ворожнета. На якый часъ винъ кыдавъ свій замиръ та тоди зновъ напосидалы грызоты сумлиння и не давалы спокою.

Хто й зна докы-бъ вагався зъ тымъ Кибець, якъ-бы пидъ вплывомъ конешнои потребы помырыты и заспокоитыся, не

здумалося ёму, що и Чаплій давно вже видсердывся, не ворогуе зъ имъ у души и що й ёму тилько соромъ обизватыся першому; тоди не треба ни велыкыхъ заходивъ, ни выбачення,— обизватыся тилько—и край непрыязни. Це було-бъ такъ прыемно, що Кибець, не розмырковуючы багато, понявъ тому виры и зважывсь.

Але прыступытыся все-жъ такы було важко. Передъ днемъ, колы Кибець зибрався на прощу, Чаплій сыдивъ трохы навкоса проты ёго, бувъ сердытый, мовчавъ и уперто не зводывъ ни на кого очей. Скилько не збиравсь обизватыся до ёго Кибець, але гляне и не зважытся, нервувавсь и знепокоювавсь черезъ те ще дужче. Надъ вечиръ вже було ёму надъ сылу зносыты ту непевнисть, що не помыре зъ Чапліемъ и передъ прощою, зробывсь черезъ хвылювання на дыво гострый, и отъ, у тому зворушенному настрію, не спостеригшы и самъ якъ, Кибець зненацька обизвавсь, не дывлячысь на Чаплія; голосъ ёму тремтывъ, у ёму чулося ревне благання.

— Якове Демыдовычу! а кете, будь ласка, мени ножыци.

Чаплій пидвивъ голову та мовчавъ, мовъ не зразу зрозумывъ, хто и що ёму каже. Ось у очахъ ёму запалахтило.

— Не вьязны!—гукнувъ винъ и переклавъ ножыци ще дали видъ Кибця.

Хлопци, що уси зналы у подробыцяхъ про сварку Чаплія зъ Кибцемъ, голосно зареготалы.

Густо зашарывшысь, Кибець уткнувся у свое шытво, хочъ не бачывъ и ёго передъ очыма.

Нате вже вамъ ножыци!—подавъ ёму ихъ одынъ зъ челядныкивъ, чы зъ прывитнистню, чы глузуючы,—цёго не пизнавъ Кибець, прыголомшеный соромомъ та образою. Винъ не спромигсь навить а ни подякуваты, а ни покорыстуватыся зъ ихъ, хочъ разъ щось ризнувшы.

Уси знов голосно зареготалыся.

Але въ тій хвыли нагори надъ головамы щось сердыто затупотило. То Тарноруцькый выявлявъ свое незадоволення, що робитныкы регочутся, гають часъ и непокоють ёго. Уси знышклы.

VII.

На Кибцеве щастя робота скоро скынчалася; винъ похопывся непомитно втикты зъ майстерни самъ, и, хочъ якъ не

була непрыемна ця прыгода, а збираючысь другого дня до манастыря, винъ почувавъ себе заспокоеннымъ: грихъ бувъ не ёму, винъ зробывъ усе, що, видъ ёго залежало. Настрій ёго бувъ бадёрый, радисный, якый обгортуе людей тилько пидъ чарамы якоись велыкои, не цилкомъ зрозумилои та черезъ те ще бильше свитлои надіи. Рушывъ винъ вдосвита.

Дорога йшла чаривною мисцёвистю, по-декуды здіймаючысь на пыпыли, по-декуды збигаючы на шыроки лукы ричкы. Купамы роскыдалося высоченне дерево по тихъ лукахъ; скризь по долыни яро-зелена, росою вмыта, буйна трава пахтыть пахощамы, поблыскуе барвыстымы квитамы, а мижъ нею лысніють шыроки плеса саги и ричкы, и часомъ мовъ хто сыпнувъ по ихъ зеленымъ лыстомъ и золотымы та сриблястымы квиткамы—лилеямы. Зъ долыны здіймаются, мріють и леліють у ясному сяйви весняного сонця легеньки, ледве прымитни, прозорчасти павутыння туману; за нею, здалеку, мовъ стыгли жита, половіють кучугуры—пискы; за имы хвылюется шырокый степъ и, спухово здіймаючысь, губыться генъ-генъ у сывій далечини, а на самому обріи бованіють могылы, хуторы, села... По узгирью, мовъ те військо велетнивъ, розрисся лисъ шырочолыхъ дубивъ, простягся генъ по гори и сыніе въ далечини, наче темна хмара. Прозоре повитря мае, грають у ёму ясни промини, видъ-усиль лынуть гоминъ птаства, гудиння бджолы, мыготять колёрысти метелыкы...

Зачарованій людыни мовъ не чуть ціи тыхои безупыннои мелодіи, мовъ бреныть вона просто у серцеви мымо розуминня и напоюе ёго осяйнымы радощамы та велычнимъ спокіемъ прыроды...

Зрушеный, радисный задумано ишовъ Кибець. Винъ наблыжавсь вже до манастыря. Ось загувъ и пышно поплывъ десь высоко надъ дубамы и розлывся по далекій околыци и высоко въ неби и розстылаючысь по-надъ землею першый дзвинъ, обгортуючы та застылаючы уси инчи згукы. Разъ, вдруге, втрете,—серце стукнуло въ Кибця и заколотылося швыдко, швыдко; винъ перехрестывсь и наддавъ ходы. Служба вже правылася, колы Кибець увійшовъ до церквы. Зразу винъ наче остовпивъ, ничого не бачывъ, не чувъ; передъ шыроко розплющеными очыма ёго тилько мыготилы, перелывалысь промини ясного свиту, трохы, трохы не вбачалося щось чаривне тамъ высоко у бани и тамъ за таемною зависою иконостасу. Помалу перши почування вгамувалыся, винъ прыдывывсь навкругы: по церкви метушылыся черци, де-яки скупывшысь по темныхъ закуткахъ щось розмовлялы пошепкы, иноди сварылыся; онде двое, чатуючы на дверяхъ, обшынають заможнишыхъ прочанъ,

чыпляючысь зъ запросынамы на молебны, панахыды; диты рюмають, бабы сякаются, хтось кахика. Все це непрыемно вразыло Кибця и, хочъ давно знане, здалось чомусь несподиванымъ.

Тымъ часомъ выйшовъ на молытву на-середъ церквы не молодый, вже трохы сывый чернець зъ такымъ чудовымъ, лагиднымъ поглядомъ. Се була жыва мрія Кибця. Ось здійма винъ рукы и очы до неба, почына вычытуваты, голосъ ёго тремтыть, здается, пидъ-вплывомъ глыбокого почуття, чыта такъ побожно, чуло кожне слово; ось ставъ навколишкы и тыхо-тыхо, але чутно на цилу церкву лынуть сумни та повни благання и надіи слова ёго молытвы. Непрымитно для себе впавъ и Кибець навколишкы, прыпавъ лобомъ до холоднои камянои доливкы, и гарячи слёзы побиглы ёму зъ очей, змываючы пекучый биль зъ серця... Кинець видправи. Якъ у забутти выйшовъ Кибець зъ церквы и пишовъ видъ людей мижъ могылы, що поросли густо рястомъ, збоку церквы. Трохы заспокоившысь, винъ почавъ розпытуваты, що то за батюшка, де жыве, та й подавсь до ёго. Дожыдаты Кибець не здолавъ, уси почуття ёго зрушылыся и хвылювалыся, проби допомынаючыся заразъ-такы розъяснення та порады на ёго запыты.

Кибцеви, сходячы по камьяныхъ схидцяхъ до келіи панъ-отця Хвотія (такъ звалы улюбленного имъ ченця), здавалося, чы не помылывсь винъ, бо зъ навпивъ розчыненыхъ дверей чувся гучный, веселый регитъ и потягало люлькою. Та розигнавшысь, винъ не змигъ ни зпынытыся, ни розгадуваты и видчынывъ двери. У келіи на столи кыпивъ самоваръ; двое ченцивъ, мабуть гости, сыдилы коло столу, порозхристувавшы рясы; одынъ зъ ихъ дуже гладкый и червоный, держачы у руци недопыту шклянку зъ чаемъ, доточувавъ іи ромомъ, гучно регочучысь и шыроко роззявывшы рота; другый, повернувшы ослонця до столу спыною и спершы на неи бороду, сыдивъ на ёму верхы; самъ панъ-отець Хвотій, вбраный у нову шовкову рясу, зъ велыкою дбалистю розчисувавъ биля дзеркала бороду. Кибець заледве пизнавъ ёго: такъ несподивано було ёму бачыты и ту кумпанію, и те роскишне вбрання, и той веселый осмихъ, що гравъ на выду панъ-отця. Та зачарування ще не мынулося, и зъ похапомъ, що выявлявъ нетерплячисть мукы, голосомъ, що тремтивъ видъ благання та скруты, Кибець обернувся до панъ-отця Хвотія. Думкы Кибцеви и такъ плуталыся, товпылысь уси вразъ, а тутъ ще прыгничувала прысутнисть чужыхъ людей, що передъ ихъ Кибець не здолавъ казаты цилкомъ одверто-

Винъ червонивъ, плутався; прохання выслухаты перемишувалыся зъ урывчастымы несмилывымы нагадкамы про якесь лыхо, смутокъ, неразуминня.

— То чому-жъ ты не прыйдешъ на сповидь?— спынывъ ёго отець Хвотій. Я бачу—душа твоя вельмы зтурбована, а це грихъ, сыну мій! Тоби справди треба высповидатыся.

Такъ, панъ-отче,—перехопывъ Кибець,—я гришный, дуже гришный, але мене спиткало велыке лыхо, и я не зрозумію, въ чимъ и де правда, и нихто не покаже мени ій, уси крывдять мене, а, якъ-бы вы знали, якъ щыро прагну я тіи правды, якъ хочется, якъ треба мени Вашои, саме Вашои, панъ-отче, святои порады!

— Хочется? зъ незадоволеннямъ видказавъ панъ-отець (и такъ чулося, нибы винъ передражнывъ Кибця и заразъ скаже: що мени по тимъ, що тоби хочется), але винъ зтрымавъ себе и додавъ лагиднише:—Ну що-жъ, сыну, я охоче выслухаю тебе и дамъ пораду на сповиди. Прыходь сёгодни на вечирню, завтра въ утрени высповидаю...

— Панъ-отче,—не гараздъ розуміючы, що чыныть, намагався Кибець:—гляньте бо мени у серце, воно болыть, пожалійте мене, натхнить мени сылу, дайте спокію, виры у правду! Я-жъ чую, я знаю, я бачывъ сёгодни у церкви, вы можете се. Тилько-жъ не заразъ, хочъ черезъ годыну, черезъ дви...

— Атъ, якый-бо ты,—зъ невтаеною докукою видказавъ чернець.—Отъ тоби заманулося, ни сило, ни пало—дай, бабо, сало, кыдай печене и варене... Чы думаешъ, я не можу втомытысь? та й я збираюся, мени треба йихаты у городъ, я заклыканый на молебенъ. Хиба можна думаты такъ тилько про себе? Це зновъ грихъ, а ты-жъ прыйшовъ на покуту. Иды-жъ, сыну, та робы такъ, якъ я тоби раджу...

Кибець пишовъ похылывшысь. Винъ послухався, заждавъ у манастыри до ранку, высповидавсь, але навмысне не въ отця Хвотія, а въ другого сповидальныка, та й тому не бидкався вже, не шукавъ порады. Кибцеви мовъ закляклы вуста. Винъ почувавъ себе окрывдженымъ, почувавъ якусь неправду и, хочъ не здолавъ гараздъ ни вырозумиты, ни высловыты, яку саме, але мрія про святого ченця пропала, и не було вже хити видчыняты свое болизне серце; ще бо въ додачу, гуляючы зъ вечора биля манастыря, багацько бачывъ винъ такого, що тилько збильшувало ту неохоту.

Ще николы не було такъ сумно Кибцеви писля прощы; зъ прычастя ёму було завше легшае, а заразъ тилько ще важче налигъ якыйсь гострый тяжкый биль; дрибныцею здавалася

передъ имъ та скрута, що почувавъ ін попереду, тоди бо винъ ще сподивавсь знайты якусь видповидь на свои запыты, а заразъ лышылыся сами запыты безъ видповиди, и що-день воны робылыся гостриши, складалыся у якусь пекучу жадобу знайты ту правду, зрозумиты ін. Та якъ не сылкувавсь Кибець уявыты ін якось инче, не у выгляди своеи втраченои мріи, думкы ёго марно кублылыся, не складалыся ясно, мордувалы ёго, ажъ голова болила, мовъ у неи забылося щось жыве, бьется тамъ порськаючыс, баламутыть мозокъ!

Щоденщына у майстерни обрыдала Кибцеви гиршъ, нижъ попереду; винъ почынавъ лютоваты, не знавъ и самъ ни на кого, ни за вищо,—здается, на ввесь свитъ, а вразъ и на себе,—все-жъ на себе менче: що я можу обшарпаный, зневоленый, окраденый, що я зрозумію?..

Найбильше винъ ненавыдивъ теперъ Тарноруцького та попивъ, але часто не терпивъ, лютувавъ та насуплювався, хто-бъ до ёго не забалакавъ, а якъ часомъ доводылося ёму побачыты кого зъ заможныхъ городянъ у пышному вбранни, або колы позъ ёго перебигавъ вулыцею пышный повизъ, Кибець чувъ, якъ ёму здушуе горло, якъ крывлются ёму губы; такыхъ хвыль ёму не сыла було иты, винъ спынявся и тилько згодомъ, колы це почуття втышувалося, простувавъ дали—воно було зновъ не зрозумиле, але досыть гостре!...

В. Левенко.

(*Кинець дали*).

Памятники искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Въ настоящее время старая живопись въ вел. лаврской церкви не существуетъ,—она уничтожена. Фактъ этотъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе какъ на ученыхъ, такъ и на публику, и былъ предметомъ довольно обширной полемической литературы. Въ пылу горячей полемики много было высказано за живопись и противъ живописи, но никто не взялъ на себя трудъ сдѣлать попытку серьезной оцѣнки уничтоженныхъ произведеній. Всѣ разсужденія вращались или въ области чисто архивныхъ вопросовъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ памятникамъ и слѣдовательно побочныхъ предмету, или-же въ бездоказательныхъ обличеніяхъ въ вандализмѣ и въ стремленіи доказать, не имѣя подъ руками никакихъ фактовъ, что уничтожены дѣйствительно цѣнные памятники. Не смотря на многочисленные толки, виновники этихъ толковъ—самые памятники лежали до сихъ поръ подъ спудомъ, споръ могъ длиться еще много лѣтъ и въ сущности безрезультатно, не уясняя нисколько, какова дѣйствительная цѣнность уничтоженныхъ памятниковъ.

Какое-же мѣсто въ исторіи южно-русскаго искусства должно быть отведено этимъ памятникамъ? Попытка разрѣшенія этого вопроса впервые сдѣлана Е. М. Кузьминымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печер-

ской лаврѣ" [1]). Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія во 1-хъ, изданіемъ большей части памятниковъ, которые такимъ образомъ впервые представлены на общій судъ и общее пользованіе, [2]) во 2-хъ, совершенно новымъ освѣщеніемъ событія, такъ называемаго пожара 1718 года, и въ 3-хъ, серьезной попыткой оцѣнки сохранившихся произведеній съ точки зрѣнія искусства.

Всѣ историки, занимавшіеся изысканіями по этому вопросу, берутъ исходнымъ пунктомъ пожаръ 1718 г. и, исходя логическимъ путемъ изъ этого основанія, мало придаютъ важности памятникамъ, которыхъ пожаръ не коснулся, а нѣкоторые, въ особенности новѣйшіе, даже совершенно отрицаютъ ихъ значеніе. [3]) Нашъ же авторъ, наоборотъ, твердо убѣжденный въ подлинности памятниковъ, внимательно изслѣдовавъ первоисточники подвергъ критикѣ фактъ знаменитаго пожара 1718 года, и въ результатѣ оказалось, что размѣры этого пожара не такъ огромны, какъ думали до сихъ поръ. Факты, доказывающіе несостоятельность этого событія, сами по себѣ такъ краснорѣчивы и убѣдительны, что едва-ли теперь кто либо изъ серьезныхъ изслѣдователей станетъ защищать „огненное разореніе".

Считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на донесеніяхъ о пожарѣ, на основаніи которыхъ въ сущности и уничтожена живопись.

„Въ прошломъ 1719 году апрѣля въ 16 день его Императорскому величеству били челомъ киево-печерской лавры архи-

---

[1]) Искусство и художественная промышленность. Февр., 1900 г.

[2]) Даже памятникъ К. Острожскаго изданъ въ настоящемъ своемъ видѣ первый разъ, такъ какъ нельзя считать за таковой грубыя и неточныя воспроизведенія у Бантышъ-Каменскаго и Фундуклея.

[3]) Такъ напр. г. Эртель въ статьѣ—О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской Лавры (Труды Кіевск. Дух. Акад., 1897 г., апрѣль) отрицаетъ художественное значеніе памятника кн. Острожскаго и принадлежность его XVI-му вѣку, ссылаясь на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Театургимѣ Кальнофойскаго.

мандритъ Іоаникій Сенютовичь зъ братіею чрезъ нарочно присланныхъ своихъ приписного ихъ змиевскаго монастыря игумена Романа Копы, да иеродіакона Веніамина, что въ 1718 г. та печерская обитель з божья допущения огнемъ кругомъ вся стала разорена и какъ церковь святая соборная успения пресвятые Богородицы такъ и протчие церкви со всѣми утварми, иконнымъ украшеніемъ, с ризницею и *всею казною денежною*, колокола, больницы, печатный домь со всѣми книгами и інструментами типографическими, библиотека, кельи, ктомужъ крепости, сначала обители бывшіе державнѣйшихъ государей и князей російскихъ великодержавнѣйшихъ царей" и т. д.—слѣдуетъ перечень грамотъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, а также Петра I.

Въ такихъ выраженіяхъ архимандритъ Іоанникій Сенютовичъ черезъ игумена Романа Копу доноситъ Петру I о случившемся несчастіи.

1719 г. декабря 11, императоръ, выслушавъ докладъ по поводу этой челобитной, „указалъ по имянному своему императорскаго величества указу послать изъ Москвы нарочно архитектора, а на строеніе дать изъ его и. в. казны пять тысячей рублевъ", и кромѣ того приказано было архитектору „свѣдома губернатора киевскаго и обще опредѣленнымъ ктому отъ его и. в. воиска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Івана Ильича Скоропадского сдѣлать смѣту и сколько по той смете будетъ надобно и то число ему гетману разложить и собрать его гетманского регименту всехъ полковъ и с полковниковъ, с старшины полковой, с сотниковъ и старшины городовой и знатныхъ козаковъ, которые служатъ подъ бунчукомъ кромѣ рядовыхъ козаковъ и посполства".

Въ слѣдующемъ, 1720 г., въ московскомъ приказѣ Малыя Россіи сысканы отпуски жалованныхъ грамотъ, данныхъ „въ тое киево-печерскую лавру на всякие приписные монастыри, на маетности, на вотчины, на всякие угодья и доходы... и противъ тѣхъ сысканныхъ отпусковъ его и. в. жалованная грамота (дана) на всѣ тѣ приписные монастыри, на маетности" и т. д. Гра-

мота скрѣплена графомъ Головкинымъ „съ такимъ утвержденіемъ", что никто не имѣетъ права посягать на владѣнія лавры; что же касается мѣстечекъ, селъ, деревень, мельницъ, сѣнокосовъ, озеръ и всякихъ другихъ угодій, то, „хотя на тѣ маетности и разные угодья жалованныхъ грамотъ не сыскано, однакожъ понеже тѣми вотчинами та печерская обитель по нынѣ безспорно владѣетъ какъ игуменъ Романъ въ челобитье и вскаске своей съ подкрепленіемъ написалъ"—поэтому и на всѣ эти угодья грамота тоже дана. Но такъ какъ, несмотря на это общее утвержденіе въ правахъ владѣнія,—отсутствіе опредѣленныхъ документовъ могло дать поводъ сосѣдямъ посягать на имущественныя права лавры, вызвавъ безконечные судебные споры, и безъ того нерѣдкіе между монастырями XVII—XVIII ст., то въ 1722 г. снаряжается новая депутація съ іеромонахами патеръ Муѳіемъ (?) и Самсономъ, которые хотя и повторяютъ печальную повѣсть о томъ, что обитель ихъ сгорѣла „безостатку", однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляютъ, что „на другихъ тои киево-печерской обители маетности села, деревни, мельницы, озера, въ рѣкахъ рыбные ловли, всякіе угодья *сыскались письма, оставшіеся послѣ бывшаго въ тои печерской лавре пожару частью нѣкоторые подлинные а с ыныхъ списки*" [1]). Такимъ образомъ, оказывается, что понадобившіеся документы спустя четыре года послѣ пожара были найдены среди „пепла и развалинъ".

Еще бы, пожалуй, возможно было допустить съ нѣкоторыми натяжками, что могли быть отысканы при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ документы, которые въ данную минуту нужны, если-бы не найденная въ ноябрѣ 1898 г. на хорахъ великой церкви монастырская казна съ собственно-

[1]) Списки документовъ, выданныхъ изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 31 декабря 1722 г. на 115 листахъ. Сборникъ скрѣпленъ подписью секретаря Ивана Губина и приложеніемъ государственной печати. Изложеніе дѣла о пожарѣ на листахъ 1—8 (рукопись хранится у насъ). См. также Акты, изд. М. Евгеніемъ въ описаніи Кіево-Печ. Лавры. К. 1828. Прилож. стр. 99—136.

ручными записями Іоанникія Сенютовича, скрывшаго ее за годъ до „пожара“, и Романа Копы, провѣрявшаго казну 14 лѣтъ спустя (1731 г.), которая уже окончательно подрываетъ довѣріе къ донесеніямъ 1719—1722 гг. Выходитъ такъ, что названныя лица, скрывая въ укромномъ мѣстѣ монастырскія сокровища, въ одно и тоже время доносили высшей власти о полномъ ихъ уничтоженіи. Нельзя поэтому не согласиться съ вѣрностью предположенія проф. Н. И. Петрова относительно мотивовъ скрытія казны,—казна была скрыта изъ боязни, чтобъ Петръ В. не потребовалъ ее на государственныя нужды [1]). И вотъ для этого то и потребовалась такая искусная комбинація, какъ сожженіе обители „безостатку“—„со всею казною денежною“. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: не только остался капиталъ въ неприкосновенности, но еще получены значительныя субсидіи.

Доказавши несостоятельность донесеній, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ надгробія К. Острожскаго, единственнаго сохранившагося въ настоящее время въ лаврѣ памятника XVI ст., а также къ оцѣнкѣ памятниковъ искусства, оставшихся только въ фотографическихъ снимкахъ и въ настоящее время не существующихъ.

О памятникѣ Острожскаго, за періодъ времени съ 1530 по 1718 г., находимъ лишь три свидѣтельства—Эриха Лясоты (1594), [2]) Павла Алепскаго (половины 17 ст.) [3]) и священника Іоанна Лукьянова (1701 г.). [4]) У Эриха Лясоты это „великолѣпная *мраморная* гробница“; Алепскій, описывая какой-то дру-

---

[1]) Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. «Труды Кіевск. Духовн. Академіи» іюнь, 1899 г., стр. 184.

[2]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Россіи, перев. К. Мельникъ (подъ ред. В. Антоновича). Вып. I, Кіевъ, 1890 г.

[3]) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ полов. XVII вѣка. Перев. съ арабск. Г. Муркоса. В. 2, М. 1897 г., стр. 50.

[4]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., II, стр. 122.

Надгробіе кн. Константина Острожскаго въ великой церкви Кіево-печерской лавры.

гой, недошедшій до насъ памятникъ, упоминаетъ только вскользь, что „съ сѣверной стороны находится изображеніе сына его (т. е. передъ этимъ описаннаго) съ длинною бѣлою бородой"; у Лукьянова нѣсколько обстоятельнѣе: „въ той-же церкви *у праваго столпа изваянъ изъ камене* князь Константинъ Острожскій, лежитъ на боку въ латахъ изображенъ, какъ будто живой". Всѣ эти свидѣтельства носятъ слишкомъ общій и даже сбивчивый характеръ и страдаютъ поэтому отсутствіемъ ясности и опредѣленности. Такимъ образомъ, приходится обращаться непосредственно къ самому памятнику, „свидѣтельствующему о себѣ, по выраженію г. Кузьмина, краснорѣчивѣе всѣхъ документовъ". Привожу мѣсто, которое блестящимъ образомъ доказываетъ несомнѣнную принадлежность нашего памятника къ XVI ст. „Невозможно допустить, чтобы кто нибудь изъ серьезныхъ знатоковъ въ области исторіи искусства могъ усомниться въ его подлинности. Черты эпохи отражаются на немъ съ такой поразительной ясностью, что предполагать возстановленіе или даже возобновленіе (реставрацію) могутъ только люди, имѣющіе крайне слабое представленіе о томъ, что такое стиль извѣстнаго времени и въ чемъ заключаются его особенности. Для того, чтобы сдѣлать вещь въ извѣстномъ стилѣ прежнихъ вѣковъ и сдѣлать ее безукоризненно,—необходимы огромная художественная эрудиція, тонкость вкуса и высота техническаго совершенства. А кто же могъ взять на себя этотъ трудъ въ первой половинѣ 18 ст. (когда у насъ совершенно отсутствовали художники въ смыслѣ европейскомъ), трудъ къ тому же безполезный, никому ненужный, и, кромѣ того, нисколько негармонировавшій съ настроеніемъ того времени? Дѣйствительно, достаточно остановить вниманіе на слегка касающихся колоннъ купидоновъ, изъ коихъ одинъ съ необыкновенной граціей приподымаетъ занавѣсъ надъ почившимъ, чтобы убѣдиться, что передъ нами чистѣйшій образецъ италіанскаго возрожденія XV—XVI ст. Невольно напрашиваются на сопоставленіе ангельчики Luca della Robia, Ant. Rossellino, а также купидоны надъ Микель-Анджеловской „Pièta" и на гробницѣ послѣдней изъ Ягеллоновъ королевы Анны

(1596). Что-же касается фигуры, то мы имѣемъ три памятника, въ которыхъ положеніе усопшихъ рыцарей совершенно тождественно съ нашимъ: это гробницы—Христофора Шидловецкаго (нач. XVI ст.), въ Опатовѣ, [1]) Сигизмунда Стараго (1548) и Сигизмунда-Августа (1552) въ Краковѣ. [2]) Въ замѣчательномъ изслѣдованіи Іоахима Лелевеля о гробницахъ польскихъ королей нашъ авторъ находитъ подтвержденіе своей мысли въ опредѣленіи чисто типическихъ особенностей памятника XVI ст. Несмотря на то, что Лелевелю не былъ, повидимому, извѣстенъ памятникъ Острожскаго, его опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашему надгробію: „Надгробные памятники вдѣлывались въ стѣну... надгробное ложе или гробъ обыкновенно вдвинуты въ нишу стѣны... аллегорическіе придатки отсутствуютъ... гербы размѣщаются по стѣнамъ... плащъ не покрываетъ собою рыцарски вооруженнаго мужа, вооруженный мужъ еще живъ, онъ легъ на крышку гроба скорѣе для обыкновеннаго сна, чѣмъ для вѣчнаго покоя". „Читая эти строки, говоритъ г. Кузьминъ, можно подумать, что авторъ описываетъ надгробіе Острожскаго, такъ близко подходитъ оно къ стилю и характеру гробницъ XVI ст.".

Переходя къ живописи, уничтоженной въ великой лаврской церкви, должно сказать, что подъ живописью мы подразумѣваемъ, главнымъ образомъ, портреты русскихъ царей, князей старорусскихъ родовъ и архимандритовъ лавры, сохранившихся и то лишь отчасти въ фотографическихъ воспроизведеніяхъ. Что касается остальной живописи, какъ напримѣръ колоссальнаго Распятія, которое занимало почти всю алтарную стѣну главнаго абсида, и многихъ другихъ священныхъ изображеній, то ни кальки, ни фотографіи даже плохой не осталось, такъ что объ этой живописи уже ничего опредѣленнаго нельзя сказать. [3]) Къ

---

[1]) Liber geneoseos illustris. familie Schidlovicie MDXXXI. Перепзд. гр. Дзялынскимъ въ Познани, 1848 г.

[2]) I. Lelewel. Grobowe królów polskich pomniki. Poznań, 1857.

[3]) Нѣкоторое представленіе объ уничтоженномъ Распятіи даетъ гравюра въ «Літургіаріонѣ», изд. К.-Печерской лавры 1708 г. (гра-

сожалѣнію, съ фотографіями тоже случилось нѣчто своеобразное, исключительно присущее нашимъ нравамъ. Неизвѣстно по чьей иниціативѣ фотографъ почти всѣ лица заретушировалъ на негативахъ. Этому подверглись въ сильнѣйшей степени негативы съ князьями Острожскими, Сангушко, Вишневецкими, а также съ архимандритами печерскими—Петромъ Могилой, Инокентіемъ Гизелемъ, Варлаамомъ Ясинскимъ и мног. другими. Чтобы имѣть представленіе насколько лица изуродованы ретушью, достаточно сравнить портретъ, отмѣченный въ свое время и воспроизведенный подъ именемъ Мазепы на страницахъ „Кіевской Старины", съ оставшейся фотографіей этого портрета, чтобы убѣдиться, до какой степени это лицо на фотографіи искажено. [1]) Въ воспроизведеніи „Кіев. Стар." мы видимъ типичное малорусское лицо съ небольшими книзу опущенными усами, что придаетъ особую характерность физіономіи, на фотографіи усы сняты (т. е. замазаны), щеки, благодаря неумѣло положенному фону, сбившему форму силуэта, страшно вздуты, и получилось нѣчто невообразимо уродливое, крайне безформенное, совершенно потерявшее характеръ человѣческаго лица. Лишь съ трудомъ можно догадаться что это одно и то же лицо и то только по положенію руки и рисунку одежды.

Самые цѣнные и менѣе всего испорченные портреты изъ нынѣ сохранившихся въ фотографіяхъ—это портреты царей—Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича [2]) и Петра I. Судя по разнообразію лицъ, рѣдкой тонкости

виров. марко аѯн) на оборотѣ выходного листа. Нужно оговорить, что сняты еще иринарховскіе Вселенскіе Соборы, т. е. произведенія лаврской живописи самыя позднѣйшія (40-хъ годовъ истекающаго столѣтія), которые въ художественномъ отношеніи лишены всякаго интереса.

[1]) «Кіевская Старина» январь 1887 г. См. также «Живописное Обозрѣніе» № 11 того же года.

[2]) Іоаннъ Алексѣевичъ еще не изданъ, изображеніе же, плохо сохранившееся, которое въ «Искусствѣ и Худ. Промышл.» ошибочно названо именемъ этого царя, должно быть отнесено скорѣе всего царю Ѳеодору Алексѣевичу.

рисунка, который выражается въ непринужденности позъ, какой-то особой вдумчивости въ выраженіи лицъ—можно заключить, что портреты эти писаны недюжинными мастерами и повидимому по отличнымъ, недошедшимъ до насъ, оригиналамъ. Сравнивая изображенія, видимъ, до какой степени тонко выражены на этихъ портретахъ типическія особенности каждаго лица. Изображеніямъ этимъ совершенно чужды схематическая условность и сухость иконной манеры московскихъ мастеровъ 17 ст. въ трактовкѣ портретныхъ изображеній.[1]) Въ томъ, что это не вымышленныя лица, служитъ намъ доказательствомъ весьма схожій портретъ Петра I. Фигура Петра, кромѣ характернаго портретнаго сходства, еще чрезвычайно любопытна по смѣлости и своеобразности композиціи. Художникъ свободнымъ движеніемъ опустилъ руку со скипетромъ наискось, такъ что скипетръ приходится на фонѣ одежды сосѣдней фигуры. Здѣсь замѣтно подчеркнуто стремленіе къ передачѣ чертъ чисто индивидуальныхъ, стремленіе тонкимъ штрихомъ выдѣлить живость темперамента изображаемаго лица; контрастъ получается разительный между этимъ портретомъ царя преобразователя и портретами остальныхъ царей, которые, устремивъ задумчивый взглядъ на зрителя, какъ-бы застыли въ важныхъ и спокойныхъ позахъ. Должно присовокупить, что даже въ богатомъ и, по словамъ Ровинскаго,[2]) почти полномъ собраніи портретовъ Петра I въ Имп. Пуб. Библ. портрета подобнаго нашему, въ смыслѣ поворота и движенія, не находимъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что не пощажены по крайней мѣрѣ хотя эти четыре портрета, тѣмъ болѣе, что помѣщались они высоко въ темномъ углу, у памятника Острожскаго, надъ печерскими архимандритами и мѣшать во всякомъ случаѣ

---

[1]) Для сравненія указываемъ на стѣнныя изображенія царей Михаила Ѳедор. и Алексѣя Михайловича въ Новоспасскомъ монастырѣ. Позы обѣихъ фигуръ симметричны до мелочей, лица совершенно сходны одно съ другимъ, даже узоры на одеждахъ одинаковы. Снегиревъ. Новоспасскій монастырь. М. 1843 г.

[2]) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1872. стр. 110.

никому не могли. Портреты эти настолько цѣнны, какъ художественныя произведенія, что ихъ смѣло можно отнести къ лучшимъ образцамъ южно-русскаго искусства второй половины 17 ст. и начала 18. Въ этомъ теперь можетъ убѣдиться каждый, кто не лишенъ хотя отчасти пониманія техническихъ сторонъ искусства.

Портретамъ этимъ вообще не посчастливилось. Благодаря тому, что находились они въ самомъ темномъ сѣверо-западномъ углу церкви, почти никто не обращалъ на нихъ вниманія. Единственное свидѣтельство объ этихъ портретахъ до 1718 г. находимъ въ путешествіи по св. мѣстамъ уже упомянутаго свящ. І. Лукьянова, который, описывая лаврскую церковь, говоритъ: „а въ церкви стѣнное писаніе—всѣ князья русскіе написаны". Теперь становится несомнѣннымъ, что свидѣтельство Лукьянова относится именно къ этимъ портретамъ, а не къ какимъ либо другимъ, какъ пытались доказать изслѣдователи, введенные въ заблужденіе донесеніями 1719—1722 г. г.

Мы предвидимъ возраженія, которыя могутъ сдѣлать, несмотря на ясность и убѣдительность доводовъ, сводящихъ до минимума значеніе пожара, сторонники и защитники этого миѳическаго событія по поводу всего вышеизложеннаго. Главнѣйшія изъ нихъ: какимъ образомъ объяснить исчезновеніе мозаикъ еще существовавшихъ въ половинѣ 17 ст. и такъ опредѣленно описанныхъ Алепскимъ? Куда исчезла „самая первая въ Россіи, многочисленная и наидревнѣйшая библіотека, собранная и умноженная великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Владиміровичемъ" [1])? Что значатъ, наконецъ, противорѣчивыя показанія относительно надгробія Острожскаго, которое Лясота считаетъ мраморнымъ, а Лукьяновъ „изваяннымъ изъ камене" и „у праваго столпа", тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ не у праваго столпа и не мраморный?

Въ какой зависимости находились въ концѣ 17 ст. памятники искусства отъ произвола лицъ, облеченныхъ высшей духов-

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. М. 1846, стр. 225.

ной властью, видно изъ свидѣтельства того-же Лукьянова, ярко очерчивающаго отношеніе митрополита Варлаама Ясинскаго къ софійскимъ фрескамъ и мозаикамъ: „церковь Софіи Премудрости Божія зѣло хороша и образсовата, да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ нехай *все замазалъ извѣстью*“ [1]).

Въ видѣ поясненія къ этому краснорѣчивому свидѣтельству еще можно присовокупить, что послѣдняя четверть 17 ст. ознаменована для лавры цѣлымъ рядомъ капитальныхъ сооруженій и что самая соборная церковь, еще въ половинѣ 17 ст. такъ мало сходная съ нынѣшнимъ ея наружнымъ видомъ, уже въ 1697 г. принимаетъ тѣ-же формы, которыя мы видимъ и въ настоящее время, за исключеніемъ несущественныхъ мелочей [2]). Поэтому уничтоженіе мозаикъ и замѣщеніе ихъ иконной росписью должно быть отнесено именно къ этому времени. На это обратилъ вниманіе и г. М. Истоминъ, указавъ на тотъ фактъ, что въ 1729 г. церковь не была наново росписана, а живопись была только возобновлена [3]). Въ пользу этого также говоритъ „Опись иконописи Кіево-Печерской лавры“ конца 17 или самаго начала 18 ст., въ которой рельефно выступаютъ схоластическіе пріемы въ трактовкѣ аллегорически-нравоучительныхъ сюжетовъ, которыми такъ богата богословская литература южной Руси второй половины 17 ст. [4]). Такимъ образомъ, взвѣшивая и сопоставляя данныя, съ полнымъ основаніемъ можно пріурочить уничтоженіе мозаикъ ко времени настоятельства

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева. II, 120. Здѣсь ошибочно названъ Іоасафъ Кроковскій; Лукьяновъ посѣтилъ Кіевъ въ 1701 г., тогда какъ І. Кроковскій избранъ въ митропол. кіевскіе лишь въ 1708 г.

[2]) См. Евангеліе лаврск. изданія 1697 г.,—выходн. листъ.

[3]) Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1897, стр. XVIII.

[4]) Тамъ-же, въ приложеніи.

Варлаама Ясинскаго (1684—1690) или Мелетія Вуяхевича (1690 –1697) [1]).

Что касается Ярославовой библіотеки, „въ которой содержались великія тысячи книгъ рукописныхъ и разныхъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ", то считаемъ необходимымъ указать сторонникамъ историческихъ пріемовъ псевдо-Конисскаго на опись имущества Кіево-Печерскаго монастыря, составленную въ 1554 г., въ которой, послѣ исчисленія богослужебныхъ книгъ, сказано только: „а опрочь тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иншыхъ къ тому книгъ посполитыхъ (не церковныхъ) *полтретядцать* [2])".

Остаются неточности, касающіяся памятника К. Острожскаго, которыя устраняются сами собой, если внимательно вникнуть въ дѣло. Цитированныя нами записки писаны очевидно при бѣгломъ осмотрѣ и по этому естественно если вкрадывались такія неточности, какъ „мраморный" или „у праваго столпа". Чтобы не быть бездоказательными, укажемъ на отзывы, уже болѣе близкіе нашему времени: В. Измайловъ считаетъ этотъ памятникъ изваяннымъ изъ бронзы [3]), кн. Долгорукому онъ

---

[1]) Если остался неприкосновеннымъ и нисколько не попорченнымъ огнемъ матеріалъ памятника К. Острожскаго (алебастръ), который долженъ превратиться въ порошокъ при +160° С.—температурѣ для самаго незначительнаго пожара слишкомъ ничтожной, то тѣмъ болѣе должны были уцѣлѣть мозаическія изображенія, какъ состоящія изъ вещества болѣе прочнаго и устойчиваго, если-бы ихъ не коснулась разрушительная рука человѣка. Во время перекладки половъ въ соборной лаврской церкви въ 1885 г. были находимы въ большомъ количествѣ разноцвѣтные кусочки мозаики, совершенно правильные (не носящіе никакихъ признаковъ разрушенія огнемъ), аналогичные какъ по формѣ, такъ и по цвѣту кусочкамъ мозаикъ софійскихъ. Образцы этой мозаики можно видѣть въ лаврской ризницѣ, церковно-археологическомъ музеѣ и другихъ мѣстныхъ музеяхъ.

[2]) П. Л. Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. Кіевъ. 1886, стр. 52.

[3]) Путешествіе въ полуденную Россію, ч. 1-я. Москва. 1800 г. стр. 108.

кажется, также какъ и Лясотѣ, мраморнымъ [1]), Закревскому—раскрашеннымъ [2]), такъ что одинъ и тотъ-же памятникъ почти за четыре столѣтія своего существованія былъ мраморнымъ, каменнымъ, бронзовымъ и, наконецъ, раскрашеннымъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что въ вопросѣ объ уничтоженіи живописи въ лаврѣ сказалось чрезмѣрное довѣріе къ буквѣ документа,—документу отдано первое мѣсто, памятникиже искусства остались въ полномъ забвеніи, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Въ сущности-же слѣдовало-бы, провѣряя памятники искусства съ помощью документовъ, въ свою очередь посредствомъ памятниковъ выдѣлять неточности документовъ, тогда не случалось-бы такихъ печальныхъ недоразумѣній, какъ полное пренебреженіе и даже заподозриваніе въ подлинности такого превосходнаго произведенія искусства, какъ памятн. К. Острожскаго, и уничтоженіе портретовъ, находившихся въ великой лаврской церкви.

Ст. Яремичъ.

---

[1]) Путешествіе въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г. князя И. М. Долгорукаго. Чтенія въ Имп. Общ. истор. и древностей Росс. кн. 3. М. 1869.

[2]) Описаніе Кіева. М. 1868 г. стр. 620.

Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в.

Въ архивѣ 4 кіевской гимназіи сохранилась переписка разныхъ лицъ и учрежденій съ Уманскимъ базиліанскимъ училищемъ за 1811—1812 г. и за 1822—1826 г.г.; она представляетъ два переплетенныхъ тома и попала въ составъ архива гимназіи вмѣстѣ съ библіотекой училища.

Переписка эта не имѣетъ, конечно, общей связи по своему содержанію, а потому и трудно изложить таковое въ цѣльномъ разсказѣ; въ составѣ ея находятся бумаги, заслуживающія вниманія. Содержаніе послѣднихъ постараемся изложить здѣсь вкратцѣ, какъ матеріалъ, пригодный, быть можетъ, для исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

Визитаторъ училищъ графъ Филиппъ Плятеръ, бывши въ Умани въ мартѣ 1811 г., командировалъ учителя Доминика Рудницкаго для ревизіи парафіальной школы въ м. Лысянку (нынѣ Звенигородскаго уѣзда). Послѣ осмотра Рудницкій сообщилъ, что школа помѣщается въ 2 хъ комнатахъ, отведенныхъ для нея въ мѣстномъ Францисканскомъ кляшторѣ и что владѣлица м. Лысянки Моржковская предоставила въ распоряженіе учителя экономическую усадьбу, сторожа и отпускала отопленіе. Школа была устроена

для мальчиковъ и дѣлилась на три класса. Предметами преподаванія были Законъ Божій, ариѳметика, географія, польскій, латинскій, нѣмецкій и французскій яз. и чистописаніе; всѣхъ учащихся было 40 человѣкъ; учителей два—Людвигъ Васько, обучавшій нѣмецкому и французскому яз., и бывшій ученикъ V класса каневскаго базиліанскяго училища Іосифъ Богдановичъ, обучавшій прочимъ предметамъ.

Ученики жили у Васька, отчасти и на частныхъ квартирахъ. Завѣдывалъ школою въ теченіе 5 лѣтъ Васько, хотя и не имѣлъ установленнаго свидѣтельства на право преподаванія; къ тому-же онъ преобразовалъ свою школу въ 3-хъ классую, вмѣсто положенной по правиламъ 2-хъ классной, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе высшаго начальства. Графъ Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища объявить Ваську, чтобы онъ сообразовался съ Высочайше утвержденными правилами о парафіальныхъ школахъ, въ противномъ случаѣ „ему запрещеннымъ будетъ должность общаго просвѣщенія, и напротивъ, ежели исполнитъ волю правительства, останется на томъ-же мѣстѣ и будетъ имѣть право до награжденій, кои правительство заслугамъ посвящаетъ“. Въ то-же самое время гр. Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища имѣть постоянный надзоръ за Лысянской школой, а 1 мая 1816 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы префектъ Уманскаго училища доставлялъ визитатору къ 1 іюня каждаго года отчетъ о парафіальныхъ школахъ.

Въ томъ-же 1811 г. 6 іюня директоръ Кіевской гимназіи увѣдомилъ префекта Сѣницкаго, что Виленскій университетъ утвердилъ его проектъ распредѣленія парафіальныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ подъ вѣдѣніе повѣтовыхъ училищъ: парафіальныя школы ежегодно два раза въ годъ, 20 іюня и 20 января, должны были представлять по установленной формѣ отчеты повѣтовымъ училищамъ, а эти послѣднія представили отчеты дирекціи о всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Школы распредѣлялись такъ: Кіевскому училищу были подчинены парафіальныя школы въ Кіевѣ, а также Ржищевская, Фастовская,

Васильевская и Бѣлоцерковская; Каневскому—Смѣлянская и частный пансіонъ въ м. Смѣлѣ; Уманскому—Лысянская и Тетіевская школа, а также частный пансіонъ въ Звенигородкѣ; Махновскому—Бѣлиловская, Жорницкая и Иллинецкая; Радомысльскому—Чернобыльская, Коростышевская, Брусиловская, Ходорковская и Топоровская. Вмѣстѣ съ этимъ Мышковскій препроводилъ Сѣницкому экземпляръ правилъ о частныхъ пансіонахъ, содержателями которыхъ были преимущественно иностранцы: въ Звенигородкѣ французъ Louis de Petit, въ Кіевѣ—отставной французскій капитанъ Compagnion и въ м. Христиновкѣ—Germain.

Высшее учебное начальство, въ лицѣ представителя коммиссіи эдукаційной гр. Ѳ. Чацкаго и визитатора гр. Ф. Плятера, хотѣло возможно лучше обезпечить парафіальныя школы при помощи частныхъ лицъ помѣщеніями, фундушами; такъ, осенью 1811 г. гр. Плятеръ хлопоталъ о ремонтѣ дома въ Лисянкѣ, гдѣ помѣщалась аптека, для парафіальной школы, потому что старое помѣщеніе становилось тѣснымъ въ виду увеличенія числа учениковъ. На это увеличеніе указываетъ и Васько въ своей просьбѣ къ Сѣницкому о присылкѣ для школьной библіотеки „книгъ классическихъ", такъ какъ повѣтовыя училища обязаны были снабжать книгами только парафіальныя школы за деньги.

Постоянныя заботы о наилучшей постановкѣ парафіальныхъ школъ побудили гр. Плятера обратиться съ слѣдующимъ циркуляромъ къ повѣтовымъ училищамъ (3 января 1812 г.): „Парафіальныя школы имѣютъ ближайшее вліяніе на просвѣщеніе, отъ нихъ правительство ожидаетъ благихъ послѣдствій своихъ стараній; отъ начальниковъ школъ наиболѣе зависитъ выполнить тѣ великія начертанія, которыя стремятся къ счастію и благу современныхъ семей черезъ просвѣщеніе нарождающихъ поколѣній. Отъ васъ зависитъ, начальники школъ, приложить стараніе, чтобы парафіальныя школы отвѣчали ожиданіямъ того достойнаго вашего уваженія мужа, который первый подалъ Великому Монарху проектъ учрежденія парафіальныхъ школъ. Въ губерніи Подольской уже опредѣлены фундуши па-

рафіальныхъ школъ; штаты ихъ и списокъ внесены въ акты учебнаго вѣдомства. Всякое необходимое въ этомъ отношеніи объясненіе начальники училищъ могутъ получить легко и своевременно, посѣщая управленіе волынской гимназіи или канцелярію коммиссіи эдукаційной; я-же прошу наиусерднѣйше, чтобы—сколько возможно—школы парафіальныя были посѣщаемы, чтобы рапорты отъ нихъ были провѣряемы на мѣстѣ и чтобы предъ концемъ года было присылаемо заключеніе посѣщающаго школы, выполняется-ли цѣль фундаторовъ и желаніе правительства. Ревизоръ долженъ дать заключеніе о личности завѣдующаго школой, объ его пригодности къ дѣлу и о средствахъ, которыми онъ пользуется для просвѣщенія юношества, долженъ сообщить о потребностяхъ школы, съ указаніемъ, какую нужно оказать помощь и какой помощи нужно ожидать отъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, поручаю заботливости начальниковъ училищъ собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми могло-бы интересоваться правительство въ отношеніи этихъ заведеній".

Позднѣйшая переписка, относящаяся къ 1824 г., сохранила нѣсколько свѣдѣній о томъ, что гр. Плятеру удалось таки обезпечить нѣкоторыя парафіальныя училища фундушами.

Между тѣмъ на запросъ директора Кіевской гимназіи Петрова начальнику Уманскаго училища о доставленіи свѣдѣній о фундушахъ, числящихся за парафіальными школами, послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Въ м. Лысянкѣ Звенигородскаго повѣта, имѣніи наслѣдниковъ Моржковскаго, предсѣдателя польскаго главнаго суда, имѣется парафіальная школа, содержимая о.о. францишканами, о которой префектъ Уманскаго училища ксендзъ Граціанъ Микулинскій 24 февраля 1821 г. донесъ коммисіи эдукаційной въ Кременцѣ, что нѣкій благодѣтель учредилъ фундушъ, пожертвовавши о.о. францишканамъ 200 золотыхъ для ежегодной выдачи жалованья учителю; о.о. францишкане присоединили къ этому пожертвованію домъ о двухъ комнатахъ для класснаго помѣщенія и для квартиры учителя.

Въ д. Монастыркѣ около м. Лысянки имѣется также парафіальная школа, содержимая о.о. базиліанами. Княгиня Тео-

фила-Сапѣжанка Яблоновская, владѣлица м. Лысянки, пожертвовала, согласно запискѣ отъ 3 авг. 1803 г., занесенной въ острожскія земскія книги, для парафіальной школы о.о. базиліанъ подъ м. Лысянкой 650 морговъ земли для образованія вѣчнаго фундуша на содержаніе этой школы, о чемъ она сообщила владѣльцу Лысянки Моржковскому, архіеп. Сестренцевичу, уніатскому еп. Левинскому и графу. Ѳ. Чацкому.

Въ м. Тетіевѣ, владѣніи Островскихъ, на парафіальную школу воеводина Людвика Ледваговская опредѣлила выдавать, согласно записи, занесенной въ акты гродскіе винницкіе подъ 3 февраля 1793 г., по 15 р. ежегодно въ жалованье учителю школы.

Завѣдываніе повѣтовыми училищами Кіевской губерніи лежало—согласно Высочайшему указу Сенату отъ 2 октября 1810 г.—на обязанности директора Кіевской гимназіи; а потому, по сохранившейся перепискѣ за время 1811—1812 г., можно судить до нѣкоторой степени о вопросахъ, возникающихъ въ жизни повѣтовыхъ школъ. Такъ, директоръ Кіевской гимназіи Мышковскій, заботясь о снабженіи библіотеки Уманскаго училища, выслалъ разновременно въ училище слѣд. книги: 1) Словарь миѳологіи Алоиза Осинскаго, 2) №№ XXIV—XXVI „Періодическаго изданія о движеніи просвѣщенія въ краѣ“, 3) 11 экз. сочиненія Смита „О политической экономіи“, въ переводѣ Зноско (ц. 85 к.), 4) 5 экз. періодич. изданія „Улей“ (2 р. ас. за экз.), 5) Журналъ Фридриха II (ц. 1 р.), 6) Курсъ общей исторіи въ 3 томахъ, соч. проф. педаг. института Зябловскаго (8 р. ас.) и 7) „О прививкѣ оспы“ соч. Бекло. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мышковскій просилъ выслать дубликаты, находящіеся въ училищной библіотекѣ, для разсылки въ другія училища.

20 декабря 1810 г. въ м. Брусиловѣ получено предписаніе гр. Ѳ. Чацкаго о совершеніи въ училищахъ и парафіальныхъ школахъ заупокойнаго богослуженія по скончавшемся 10 дек. 1810 г. директорѣ волынской гимназіи Іосифѣ Чехѣ, съ

произношеніемъ приличнаго случаю слова и съ препровожденіемъ копіи протокола о всемъ происшедшемъ и. д. директора Антонію Янковскому, для храненія въ архивѣ гимназіи.

Въ 1811 г. разослана копія распоряженія М. Нр. Пр. о томъ, чтобы никто, не имѣющій званія профессора, не именовалъ-бы себя таковымъ, подъ страхомъ строгаго наказанія.

12 февраля 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что Высочайше повелѣно употреблять во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ бумагу, изготовленную въ Россіи.

27 февр. 1811 г. гр. Плятеръ отъ имени гр. Чацкаго выражаетъ благодарность учителямъ Уманскаго училища за успѣшныя занятія учениковъ.

9 апр. 1811 г. гр. Плятеръ увѣдомляетъ, что согласно вновь установленному съ 1805 г. ученическому суду—во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть собраны всѣ учащіеся для выбора предсѣдателя суда и судей. Согласно положенію объ этихъ судахъ, ученики, получившіе похвальные листы, до разсмотрѣнія ихъ проступка въ судѣ и лишенія по суду похвальнаго листа и соединенной съ нимъ льготы, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію. Похвальный листъ могъ быть возвращенъ обратно провинившемуся ученику лишь по удостовѣренію учителей въ томъ, что онъ исправился.

1 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы, согласно распоряженію Министра Н. П., воспитатели юношества не подвергали учащихся тѣлесному наказанію.

21 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы учащіеся не имѣли при себѣ огнестрѣльнаго оружія и не принимали участія въ охотахъ.

21 мая 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ о назначеніи директоромъ Волынской гимназіи и школъ Волынской губерніи Яна-Непомука Лернета, члена Виленскаго университета и Варшавскаго общества любителей наукъ.

7 іюня 1811 г. гр. Плятеръ предлагаетъ озаботиться лучшей постановкой, „dozorców domowych“ (туторовъ) въ „кон-

виктахъ“ (общежитіяхъ), находящихся подъ надзоромъ учебной администраціи.

3 января 1812 г. гр. Плятеръ предлагаетъ, чтобы префектъ Уманскаго училища имѣлъ особенное наблюденіе за произнесеніемъ проповѣдей учащимися и чтобы при этомъ не ограничивались темами, присланными университетомъ въ количествѣ 20 проповѣдей, а чтобы совѣтъ училища задавалъ и свои темы. Проповѣди эти, предварительно произнесенія ихъ учащимися, прослушивались префектомъ.

12 февраля 1812 г. гр. Чацкій, посѣтившій училище, выражаетъ благодарность префекту и преподавателю математики ксендзу Граціану Микулинскому за блестящее состояніе училища и успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ, а въ особенности по математикѣ.

21 іюля 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что директоромъ Волынской гимназіи съ 15 іюля утвержденъ учитель высшей математики Сциборскій.

2 ноября 1812 г. Мышковскій отъ имени гр. Чацкаго для обывателей Волын., Подольск., и Кіевской губерніи, а также Тарнопольскаго округа препровождаетъ увѣдомленіе, которое онъ наз. „лучемъ новой надежды“, о томъ, что волынская гимназія по милости Царской по-прежнему остается въ Кременцѣ и что занятія начнутся со 2 января 1813 г., а вакаціи съ 1 іюня и что будетъ приложено стараніе къ наверстанію пропущеннаго.

4 декабря 1812 г. Мышковскій предлагаетъ учителямъ повѣтовыхъ училищъ составлять учебныя записки по отечественной исторіи, топографіи, статистикѣ, минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, домоводству, технологіи, метеорологіи и физикѣ.

11 декабря 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, чтобы праздновались слѣд. дни: 6 декабря и 9 мая, день Сошествія Св. Духа, 26 сентября, 1 и 22 октября.

Сообщ. Н. С.

Хвесь, преславный гайдамака.

1.

Гей, у Луцьку, славнимъ мисти,
Тамъ зійшлось не сто, не двисти,
А зибрався людъ увесь:
Подывытысь коженъ хоче,
Якъ то смерти тутъ доскоче
Гайдамака славный Хвесь.

2.

Вже збудовано й помосты,
Де даютъ страшнòи хлосты;
Катъ зъ сокырою стоить;
Кругъ помосту—то не жарты!—
Воякы пыльнують вэрты—
Шабля въ кожного блыщыть.

3.

Бакалэры и рахмистры,
Пышни лавныкы й бурмистры
Зъ патерыцямы въ рукахъ;
Швець, зирвавшысь одъ роботы,
Недошыти кынувъ боты,—
Поспишае такъ, що страхъ!

4.

И дивчата полохливи,
Молодыци уродливи
И перекупкы миськи́;
Мовъ метелыкъ мижъ квиткамы,—
Мижъ дивоцьтвомъ и жинкамы
Вьются жевжыкы метки́.

5.

А въ передній самій лави
Страхъ моторни и цикави:
Дивка Хыма й жиночкы.
И про Хвеся, що винъ злючый
И рудый, и поганючый,
Ихъ лепечуть языкы.

6.

Хыма, дивка соромлыва,
Додае й свого ще дыва:
«Кажуть—кровъ людськую пье!..
Бо якъ йисты сяде тилько,—
Джура кровы—не горилкы—
Повный кухоль подае».

7.

— «Отъ собака! Отъ катюга!»—
Верещыть одна и друга...
Ажъ у-разъ гукають: «Цыть!»
Вся жинота понимила:
Бый тебе небесна сыла!—
На помости Хвесь стоить.

8.

Станъ высокый, усъ козацькый,
Чорни бровы и юнацькый

Подглядъ смилывый палкый:
Такъ тымъ поглядомъ проймае,
Мовъ у душу зазырае,
Мовъ звелиты хоче ій.

9.

Отъ якъ люде набрехалы!..
А панъ возный взявъ шпаргалы
Та й почавъ чытаты зъ ихъ,
Що сей Хвесь йе гайдамака,
Престрашенный розбишака,
Наробывъ грихивъ тяжкыхъ:

10.

Розбывавъ панивъ добренькыхъ,
Убывавъ ксёндзивъ святенькыхъ,
Забиравъ жинокъ, дивчатъ,
И за сее, по статуту,
Тую «голову зонсуту»
Видрубаты мае катъ.

11.

«Разъ на свитъ родыла маты,
Тилько разъ и умираты!»
Хвесь якъ гримне у той часъ:
«Прощавайте, громадяне!
Ну, катюго! Сылы стане,
Щобъ утяты шыю вразъ?

12.

Хвесь схылывся до колоды,
Катъ сокыру вгору зводе...
Щось тоди якъ закрычыть!
Оттакого ще вамъ дыва:
Хыма, дивка соромлыва,
На помости вже стоить.

13.

«Пострывай, катюго клятый!..
За дружыну Хвеся взяты
Хочу я... його пустить!..»
Вся громада занимила
Зъ дыва зъ Хымыного дила,
Катъ не знае, що робыть.

14.

Але возный а ни гадкы:
Артыкулы зна й порядкы,
И рече судовый панъ:
«Колы дивочка учтыва
Взять забойцю, мылостыва,
У малженськый хоче станъ,—

15.

«То и право, и статуты
Намъ велять те слово вчуты
И декретъ такый вчынить:
Заразъ ихъ обохъ узяты,
Швыдче въ церкви повинчаты
Та й на волю видпустыть!»

16.

Катъ сердытый зажурывся,
Людъ, зрадившы, звеселывся,
Хыма рада, ажъ скака!
Хвесь поглянувъ на дивчыну—
Запъялась...— «А скынь хустыну:
Хочу глянуты—яка».—

17.

Хустка впала. Та й не гарна!..
И руда, и нечупарна,

Ще й кырпатый нисъ чудный...
— «Якъ такую взять почвару,—
Краще вже прыйматы кару!..
Кате! гей, рубай мерщій!» —

18.

Гупъ сокыра на колоду!..
Скрыкъ озвавсь середъ народу...
Покотылась голова...
Катъ радіе, звеселывшысь,
Людъ похнюпывсь, зажурывшысь,
Хыма пада й зомлива...

19.

Ой за Луцькомъ, мистомъ славнымъ,
Та й звычаємъ стародавнимъ
Поховалы козака:
Тамъ долына— гей шырока,
Тамъ могыла— гей высока,
Гей высока и стрымка!

20.

Витеръ віе по долыни,
Розхылае листъ калыни,
Що у Хвеся въ головахъ;
И сида орелъ крылатый
На могыли спочываты,
Налитавшысь по степахъ.

21.

Сяе зъ неба сонце ясно,
И цвите калына красно,
А красу козакъ любывъ!..
Добре тамъ йому лежаты:
Все прыбралось въ пышни шаты,
Соловейкывъ чуты спивъ...

Б. Гринченко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мазепина церковь въ с. Дегтяровкѣ. Въ 12-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, немного влѣво отъ «шляха» на Сосницу, почти на границѣ уѣздовъ Новгородъ-Сѣверскаго и Кролевецкаго, лежитъ довольно большое село Дегтяровка. Раскинувшись частью по склону горы, частью по прилегающей непосредственно къ горѣ обширной равнинѣ, оно имѣетъ очень живописный видъ. Покрытая у села густыми зарослями лозы и вербняка, равнина переходитъ затѣмъ въ прекрасный лугъ, который, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, привольно тянется до самой Десны. На противоположной сторонѣ ея кое-гдѣ бѣлѣютъ церкви, желтѣютъ мелкими участками пески да сосновые лѣса, окутанные синей дымкой, постепенно уходятъ вдаль и гдѣ-то далеко-далеко сливаются съ горизонтомъ...

Это живописное сельцо и нѣкоторые сосѣдніе съ нимъ—Горки, въ 5 верстахъ вверхъ по Деснѣ, Игнатовка, почти въ такомъ-же разстояніи внизъ—играли въ былое время нѣкоторую роль въ исторіи Малороссіи. Осенью 1708 года Карлъ XII-й, вступивъ въ предѣлы Гетманщины, расположился главною своею квартирою въ Горкахъ. Сюда же спѣшилъ и Мазепа, переправившійся 25 октября у с. Оболонья чрезъ Десну. Тутъ-то, въ Горкахъ, и произошло первое свиданіе и знакомство престарѣлаго гетмана съ могучимъ властелиномъ сѣвера, такъ картинно описанное у Адлерфельда и затѣмъ у Костомарова. Это было 29 октября.

На слѣдующій день—30-го, Карлъ переноситъ свою временную резиденцію немного внизъ по теченію Десны—въ Дегтяровку. Вѣроятно, здѣсь Мазепа представилъ своихъ сторонниковъ—козаковъ

и начальныхъ людей—Карлу и принялъ присягу на вѣрность своему новому государю. Объ этомъ пребываніи Мазепы въ Дегтяровкѣ мы имѣемъ документъ—это извѣстное письмо его Стародубскому полковнику Скоропадскому.

Въ этомъ письмѣ, изложивъ обстоятельно причины, побудившія рѣшиться на такой рискованный шагъ, какъ измѣна царю, Мазепа въ заключеніи пишетъ: «Ваша Милость, яко естесь правдивый отчизны своей сынъ, не зичачи оной крайней погибели, знищенія и руины, берись до единого зъ намы согласія и до сполной тоей жъ отчизны своей обороны». Посланіе помѣчено внизу—«Зъ Дегтирувки, Октоврія 30 року 1708».

Наконецъ Игнатовка—внизъ по Деснѣ—тоже временное мѣстопребываніе Карла: 31 октября онъ былъ уже здѣсь и вмѣстѣ со своею свитою выбиралъ мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе было переправить свои и козацкія войска на ту сторону Десны. Переправа эта происходила 4 и 5 ноября между сс. Игнатовкой и Мезиномъ.

Это, кажется, и все, что мы можемъ извлечь изъ документальныхъ данныхъ относительно Дегтяровки и двухъ сосѣднихъ съ нею с лъ.

Однако, кромѣ этихъ данныхъ, въ самой Дегтяровкѣ и теперь есть кое-что, что можетъ навести на мысль объ отношеніи къ ней гетмана Мазепы не только въ роковой для него 1708 годъ, но и гораздо раньше.

Особнякомъ отъ села, на высокой горѣ, стоитъ Дегтяровская церковь въ честь Покрова Пресв. Богородицы. Уже при первомъ взглядѣ на эту церковь невольно можно залюбоваться какъ оригинальнымъ положеніемъ ея, такъ и архитектурой. Это что-то мощное, крѣпкое, вѣковое, возникшее въ тѣ далекіе годы, когда подобныя сооруженія не «строила», а именно «созидала», часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, руками своихъ же доморощенныхъ мастеровъ-плотниковъ, мастеровъ-каменщиковъ малороссійская знать того времени. Сама церковь каменная, сложенная, повидимому, изъ крупнаго камня, т. н. «дикаря», конечно предварительно тщательно отесаннаго и выровненнаго, довольно высока, при чемъ кажется особенно высокою, если смотрѣть на нее издали, верстъ за 10—12: она тогда доминируетъ надъ всѣми окрестными холмами и возвышеніями (въ такомъ видѣ представляется она отъ перевоза на рѣкѣ Деснѣ у Пироговки, при съѣздѣ съ такъ называемой «Путивльской горы»—дорога на Нов-

городъ-Сѣверскъ). Архитектурой своей (форма креста, пятиглавая, сжатая съ боковъ и какъ-бы стремящаяся въ высь, съ большими куполами формы удлиненной луковицы) она во многомъ напоминаетъ Новгородъ-Сѣверскій Успенскій соборъ до его передѣлки въ концѣ 70-ыхъ или началѣ 80-ыхъ годовъ. Дегтяровская церковь—это тотъ-же Новгородъ-Сѣверскій соборъ, только не такъ широко задуманный, болѣе суженный со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Если войти внутрь ея, то и тутъ живое дыханіе старины чувствуется на каждомъ шагу: размѣромъ она крайне не велика и разсчитана, конечно, на наличность тогдашняго населенія Дегтяровки, полъ—чугунный, изъ плитъ рѣдкой величины, окна высокія и очень узкія, въ алтарѣ и предѣлахъ—массивныя желѣзныя скрѣпы, по сторонамъ клиросовъ—нѣсколько стоекъ, быть можетъ для монаховъ, а скорѣе всего для самого «фундатора» храма, его семьи или свиты, если онъ принадлежалъ къ числу знати того времени—полковой старшины.

Кѣмъ же построена эта церковь?

Если заглянуть въ хранящіяся при церкви клировыя вѣдомости, то тамъ значится: «храмъ Дегтяровскій въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, какъ гласитъ народное преданіе, построенъ малороссійскимъ гетманомъ Іоанномъ Степановичемъ Мазепою, неизвѣстно какого года. Документовъ же на сіе при церкви не имѣется никакихъ».

Таково переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію преданіе, занесенное въ оффиціальный церковный источникъ и имѣющее, какъ увидимъ, свое основаніе.

Приведу нѣкоторыя данныя въ пользу достовѣрности народнаго преданія и передамъ сущность ходячихъ въ средѣ мѣстнаго населенія легендъ, косвеннымъ образомъ могущихъ подтвердить справедливость этого преданія.

Предшественникомъ нынѣшняго священника въ Дегтяровкѣ былъ его братъ, не одинъ десятокъ лѣтъ священствовавшій тутъ. Люди, близко знавшіе покойнаго о. Л., передаютъ, что послѣдній еще засталъ на одной изъ наружныхъ стѣнъ церкви надпись, подтверждавшую предположеніе о томъ, что Дегтяровская церковь построена именно Мазепою. Надпись эта, выложенная изъ кирпичей, состояла всего изъ трехъ словъ—«Иванъ Степановичъ Мазепа». Съ теченіемъ времени кирпичи вывалились и надпись изчезла. Не могу утверждать, живетъ-ли въ устахъ мѣстнаго населенія передаваемая южно-русскими лѣто-

писцами и позднѣйшими историками, столь распространенная въ малороссіи легенда о томъ, что Мазепа, перейдя на сторону Карла, открыто ругался надъ православной святыней—изображеніемъ Богоматери, какъ говорили одни, Дегтяровской, другіе—Балыкинской, знаю только, что эту легенду я часто слышалъ еще мальчикомъ. Въ устахъ же дегтяровцевъ и окрестнаго населенія сохранилось болѣе близкое и болѣе возможное, въ смыслѣ дѣйствительности его, преданіе, что Мазепа, перейдя къ шведамъ, явился въ построенную имъ церковь въ Дегтяровкѣ и присягнулъ тутъ предъ мѣстно чтимой иконой Богоматери въ вѣчной вѣрности своему новому государю—Карлу XII.

Къ этому, быть можетъ на самомъ дѣлѣ имѣвшему мѣсто, факту услужливая фантазія толпы пристегнула анализъ душевныхъ движеній вѣроломнаго человѣка—получилась такимъ образомъ легенда о бѣгствѣ Мазепы: страшась-ли Божьяго гнѣва, мучась-ли угрызеніями совѣсти, несчастный гетманъ, послѣ этой страшной клятвы убѣгаетъ изъ своей церкви чрезъ особую дверь въ алтарѣ... И теперь эта, такъ называемая, «Мазепина дверца» въ южной стѣнѣ алтаря церковнаго остается наглухо запертой и своимъ видомъ темной заплаты среди ярко бѣлѣющихъ стѣнъ какъ-бы говоритъ о той тяжелой душевной борьбѣ, которую на закатѣ дней своихъ пришлось вынести старому гетману...

Я уже упомянулъ, что Дегтяровская церковь, вслѣдствіе своего особаго положенія, видна часто за 10 и 12 в. Это обстоятельство послужило поводомъ, чтобы приписать ей особое значеніе стратегической обсерваторіи во время гетманства Мазепы. Среди окрестныхъ жителей Дегтяровки, среди многихъ жителей Новгородъ-Сѣверска и Кролевца и теперь еще можно услышать мнѣніе, что Дегтяровская церковь видна изъ двухъ крайнихъ пунктовъ Черниговской губ.: на югѣ—Батурина, на сѣверѣ—Стародуба (что, конечно, невозможно, т. к. оба эти пункта лежатъ отъ Дегтяровки по крайней мѣрѣ на разстояніи 80—90 верстъ каждый). И вотъ, говоритъ молва, въ роковой для Мазепы 1708 годъ эта-то церковь и служила мѣстомъ подачи сигналовъ: на куполѣ ея въ извѣстное время появлялись и исчезали особые условные знаки. Гетманъ, сидя въ своей резиденціи—Батуринѣ, могъ знать, что дѣлается не только въ Стародубскомъ полку, но и въ самомъ полковомъ городѣ его—Стародубѣ; съ другой стороны и сторонники гетмана въ Стародубскомъ полку, если такіе были, могли постоянно знать положеніе дѣлъ въ столицѣ Гетманщины.

Въ этомъ наивномъ представленіи народа о способѣ взаимныхъ сношеній между гетманомъ и однимъ изъ подвѣдомыхъ ему полковъ, нельзя не обратить вниманія вотъ на что: не заключается-ли тутъ косвеннаго и крайне туманнаго намека на первоначальное участіе въ замыслахъ Мазепы и Стародубскаго полковника, будущаго гетмана, Скоропадскаго.

На западѣ отъ церкви, во рвахъ, какъ говоритъ народъ, были Мазепины «цегельни» (кирпичные заводы).

Таковы обрывки постепенно тускнѣвшаго народнаго воспоминанія о быломъ родной страны и связанныхъ съ нею личностяхъ и событіяхъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, косвенныхъ доказательствъ отношенія Мазепы къ Дегтяровской церкви, въ самой церкви сохранилась одна вещь—драгоцѣнное для потомства свидѣтельство, что Мазепа былъ если не основателемъ, то во всякомъ случаѣ щедрымъ жертвователемъ Дегтяровской церкви.

Надъ царскими вратами, на расшитомъ узорами продолговатомъ платѣ, виситъ чудотворный образъ Дегтяровской Богоматери. Самый образъ средней величины, заключенъ въ кіотъ, писанъ на доскѣ и изображаетъ Богоматерь, обнимающую обѣими руками приклонившагося къ ней младенца—Христа. Вверху иконы выгравированы слѣдующія слова: «радуйся Обрадованная во успеніи твоемъ насъ не оставляющая». «Риза на Богоматери и младенцѣ—Христѣ серебряная, вызолоченная; въ двухъ или трехъ мѣстахъ на ней, въ видѣ отдѣльныхъ украшеній, сгруппированъ жемчугъ.

Кіотъ съ образами помѣщенъ среди затѣйливо вырѣзанныхъ орнаментовъ липовой доски и имѣетъ съ обѣихъ сторонъ рельефныя изображенія святыхъ: съ правой—Арх. Михаила, съ лѣвой—Іоанна Крестителя—патрона Мазепы.

Все это—и риза, и жемчугъ и все, что относится непосредственно къ образу—даръ Ивана Степановича, доказательствомъ чего служитъ его гербъ, помѣщенный внизу кіота.

Съ этимъ гербомъ, какъ сообщилъ мнѣ мѣстный священникъ о. Ст , когда-то давно-давно вышла исторія такого рода.

Каждый разъ по окончаніи богослуженія икона спускалась для поклоненія, народъ, приложившись къ ней, въ простотѣ душевной считалъ необходимымъ поцѣловать и въ блестящій «лычманъ»—гербъ, тѣмъ болѣе, что въ срединѣ его явственно вырисовывался крестъ.

Старикъ священникъ обратилъ на это вниманіе («нкъ же такы можна знаменуваться въ Мазепу») и задумалъ отучить отъ этого своихъ наивныхъ прихожанъ. Сколько однако ни говорилъ батюшка, крестьяне по привычкѣ продолжали цѣловать гербъ. Тогда батюшка рѣшилъ просто... соскоблить источникъ соблазна. Пустили въ ходъ напильникъ—и началась работа, къ счастью довольно безуспѣшная: прекрасно выгравированный гербъ не стирался; правда, онъ потускнѣлъ, кое-что исчезло почти совсѣмъ (какъ инициалы гетмана), но многое и осталось на немъ, да еще налѣво отъ креста напильникомъ пропилили небольшую дырочку.

Но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась: народъ, въ силу-ли постояннаго примѣра дѣдовъ и отцовъ, по привычкѣ-ли, продолжалъ цѣловать блестящій «лычманъ съ хрещыкомъ». Тогда утомленный борьбою батюшка приказываетъ на то мѣсто, гдѣ въ гербѣ виднѣется крестъ, наложить освященный серебряный крестикъ немного большей величины. Въ него теперь и цѣлуютъ Дегтяровцы.

Самый гербъ, какъ я сказалъ, находится внизу кіота и имѣетъ видъ выпуклаго медальона. Онъ повидимому бронзовый—темно-желтаго цвѣта. По сравненію съ извѣстными до сихъ поръ двумя образцами гербовъ Мазепы (см. замѣтку кн. А. В. Дабижи въ «Кіевской Стар.» за 1885 г. № 12—«Мазепа—князь и его шляхетскій и княжескій гербы»), онъ отличается болѣе простой структурой и представляетъ какъ-бы упрощенное соединеніе двухъ извѣстныхъ доселѣ гербовъ Мазепы: отъ 1-го герба (у Дабижи подъ буквой А) онъ отличается тѣмъ, что имѣетъ вмѣсто полумѣсяца съ лѣвой стороны—шестиугольную звѣзду, а отъ 2-го (у Дабижи—В) тѣмъ, что расположеніе въ немъ полумѣсяца и звѣзды обратное. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестъ на нашемъ гербѣ совершенно простой, не имѣющій двухъ характерныхъ для гербовъ Мазепы у Дабижи развѣтвленій. Не видно также, чтобы они были тутъ стерты.

Странна, конечно, эта простота герба, гдѣ нѣтъ никакихъ аксесуаровъ ни княжескаго, ни дворянскаго достоинства Мазепы, что такъ бросается въ глаза на его гербахъ у А. В. Дабижи.

Въ гербѣ, по сторонамъ креста, виднѣются мѣста, гдѣ были стертыя буквы—инициалы гетмана. Ихъ всего шесть, возстановить ихъ теперь очень трудно: съ одной стороны видно **I**, съ другой повидимому латинское **S**, есть также и **M**. Скорѣе всего это латинскіе инициалы, а не русскіе, ибо, если принять во вниманіе полный ти-

тулъ Мазепы («Иванъ Мазепа гетманъ его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго»), то иницаловъ будетъ шесть, какъ въ нашемъ гербѣ.

Въ заключеніе упомяну объ одномъ памятникѣ старины въ Дегтяровской церкви. Въ напрестольномъ Евангеліи Кіевской печати 1697 года, внизу на поляхъ, читаемъ: «Азъ Тихонъ Андреевичъ писарь суду войсковаго енеральнаго сіе св. евангеліе сооружилъ коштомъ и накладомъ власнымъ и надаю до церкве пр. Богородицы Чудотворной Дегтяровской, року 1702».

С. Рклицкій.

Какъ звали гетмана Бородавку. М. А. Максимовичъ въ своемъ изслѣдованіи о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (Москвитянинъ, 1843, № 10, стр. 347—370; Полн. Собр. Сочин., I, 336—357), говоря о смерти гетмана (глава 4, стр. 350), приводитъ поминальную запись рода Сагайдачныхъ изъ стараго помянника Кіево-Михайловскаго монастыря, писаннаго въ 16 и первой половинѣ 17 вѣка (въ 4 д. л., написано киноварью на 98 листѣ); но выпись эту онъ приводитъ съ очень крупной ошибкой, которую исправилъ недавно О. Щуровськый (въ т. XXXIII «Записок наукового Товариства ім. Шевченка, отд. Miscellanea, стр. 1—2) и далъ, такимъ образомъ, возможность сдѣлать нѣсколько довольно интересныхъ выводовъ.

Запись буквально слѣдующая:

„Року ҂ахкв, апрнлѧ і҃ днѧ.“

„Благоуестивый моужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска его кр. мл. Ꙁапороꙁского, по многихъ ꙁнаменитыхъ военныхъ послугахъ и ꙁвитѧꙁствахъ, на ложи своемъ простеръ ноꙁѣ свои, приложисѧ къ отцемъ, съ добрымъ исповѣданїемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыне въ Кїеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ уестно, въ домоу братства церковного“.

Помѧни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона, Єлисеѧ (при этомъ приписано съ боку: „Каꙁновского“), Ѧковл гетмана (возлѣ этого имени приписано съ боку: „Бородавка; не родичъ“).

У Максимовича приписокъ совсѣмъ нѣтъ, а слово «гетмана» испорчено въ «Германа». Очевидно Максимовичъ самъ помянника не видѣлъ, но воспользовался чьей-то услугой; въ противномъ случаѣ онъ не могъ-бы не обратить вниманія на современныя приписки, сдѣланныя тѣмъ-же черниломъ и той-же рукой (только болѣе мелкимъ полууставомъ и курсивомъ), какими произведена помянная запись.

Кому-же принадлежатъ неизвѣстныя имена Елисея и Якова? Максимовичъ не зналъ, кому они принадлежали; изъ имѣвшагося у него акта о завѣщаніи Сагайдачнаго явствовало, что послѣ гетмана осталась только *жена*, а о сыновьяхъ ничего не сказано. О. Щуровськый въ своей замѣткѣ предполагаетъ, что имя «Елисей» должно принадлежать тестю Сагайдачнаго; что-же касается имени «Якова», то, какъ оказывается изъ приписки, оно относится къ гетману Бородавкѣ.

Почему-же имя гетмана Бородавки внесено въ помянникъ рядомъ съ именемъ Сагайдачнаго? По мнѣнію О. Щуровського, потому, что запись произведена послѣ смерти гетмана и, быть можетъ, по распоряженію его жены, знавшей, что Петро Конашевичъ поминалъ на молитвѣ и Якова Бородавку, своего противника, котораго онъ, какъ разсказывается въ одномъ изъ дневниковъ (Pamiętnik o wyprawie Chocimskiej, стр. 18, 23, 83, 144), „за окрыкомъ всего войска“, велѣлъ обезглавить, 8 сент. 1621 г. [1]). Это убійство могло лежать бременемъ на душѣ Сагайдачнаго; онъ могъ записать имя гетмана Бородавки въ свой собственный помянникъ и молиться за него.

Какъ бы то ни было, но мы получаемъ два новыхъ факта, во-первыхъ:—неизвѣстное понынѣ имя гетмана Бородавки было *Яковъ* и, во-вторыхъ: убійство Бородавки Сагайдачнымъ заставило послѣдняго чувствовать нѣкоторую моральную связь съ нимъ.

---

[1]) Максимовичъ, раздѣляя взглядъ Величка на виновника гибели Бородавки („по военному суду обезглавленъ за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, гонявшись въ походѣ за добычею“, Собр. Сочин., I, стр. 369 и примѣч. тамъ-же), оправдываетъ отчасти Сагайдачнаго и добавляетъ: „Итакъ Бородавку убилъ не самъ собою Сагайдачный“!

Погибшіе матеріалы. Во время извѣстнаго, имѣвшаго мѣсто въ этомъ году, весенняго наводненія въ Елисаветградѣ, какъ намъ передали, погибли почти цѣликомъ цѣнные этнографическіе матеріалы покойнаго В. Н. Ястребова, хранившіеся у вдовы покойнаго.

Владиміръ Николаевичъ успѣлъ при жизни издать только меньшую часть собраннаго; а весь богатый пѣсенный матеріалъ по Елисаветградскому и Александрійскому уѣздамъ Херсон. губ. нужно считать потеряннымъ.

М. Васильевъ.

Т. Шевченко въ легендѣ. Особенность многихъ легендарныхъ сказаній о реформаторахъ и народныхъ герояхъ состоитъ въ томъ, что конецъ дѣятельности этихъ лицъ окутывается таинственностью или покрывается ореоломъ чудеснаго; легенда не допускаетъ конечнаго состоянія въ примѣненіи къ личности и дѣятельности героя; она оставляетъ мѣсто для упованій и надеждъ на лучшее будущее, на доведеніе ими до конца дѣла эмансипаціи массъ отъ жизненныхъ тяготъ по пути къ общему счастью.

Помянутый только что легендарный мотивъ, въ нѣсколько ослабленной степени, пріуроченъ народомъ и къ личности Т. Шевченка; въ печати (на стр. Кіев. Стар.) уже неоднократно были приводимы толки и слухи, циркулирующіе въ народѣ о Шевченкѣ, о его, будто-бы, мнимой смерти, о настоящемъ содержимомъ его могилы; появленіе таковыхъ показываетъ, что Шевченко дѣлается народнымъ героемъ, что его дѣятельность не только цѣнится во все болѣе и болѣе расширяющемся кругѣ интеллигентныхъ людей, но что она пріобрѣтаетъ значеніе и въ глазахъ народныхъ массъ, что народная масса связываетъ свои интересы съ поэзіей и дѣятельностью Шевченка. Приводимыя записи, произведенныя нами на дняхъ въ Елисаветградѣ (Херсон. губ.), еще болѣе подтверждаютъ сказанное.

Бесѣдуя съ однимъ лицомъ, соприкасающимся съ народомъ и «опростившимся», я былъ удивленъ взглядомъ на смерть Шевченка, усвоеннымъ моимъ собесѣдникомъ; меня изумило то обстоятельство, что собесѣдникъ увѣренно заявилъ, что поэтъ умеръ только въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, что все время, отъ момента его мнимой смерти въ 61-мъ году и до послѣдняго времени, онъ жилъ въ Англіи, куда выѣхалъ послѣ освобожденія, крестьянъ «щобъ гвалту не було».

«щобъ люде не шумилы». Онъ не находитъ здѣсь ничего невѣроятнаго, такъ какъ Шевченку въ такомъ случаѣ было-бы около 80-ти лѣтъ. Увѣренность въ справедливости этихъ свѣдѣній мой собесѣдникъ почерпнулъ изъ данныхъ, сообщенныхъ ему земляками Тараса Шевченка, Кирилловскими крестьянами, пріѣзжающими въ Елисаветградъ въ ярмарочное время для продажи грушъ и яблокъ.

Крестьяне сообщали, что поэтъ, вернувшись изъ Англіи, принялъ фамилію Михаила Адамовича Кречмера и подъ такимъ именемъ явился въ Кирилловку. Старики, видѣвшіе когда-то Шевченка, «признавали» въ Кречмерѣ покойнаго поэта; «одягався винъ и по панськи и по малороссійски»; многимъ помогалъ; изъ Кіева и Харькова къ нему часто пріѣзжали паны.

Неоднократно старики, помнившіе Шевченка, напрямикъ обращались къ Кречмеру: «та це Вы Тарасе Григорьевичу, прызнавайтесь!» —Что вы?—изумленно отвѣчалъ Кречмеръ.

Помимо сходства, которое находили старики между Шевченкомъ и Кречмеромъ, на мысль о полномъ тождествѣ этихъ двухъ лицъ наводили крестьянъ тѣ замѣчанія, которыя выражалъ Кречмеръ и которыя запечатлѣвались въ подозрительныхъ головахъ.

Кречмеру приписываютъ слѣдующую подозрительную для крестьянъ просьбу: «якъ умру я, такъ насыпте мени въ Кириловци таку могылу, якъ насыпалы моему товарышови у Каневи». (Кречмеръ былъ уроженецъ Кириловки). Шевченку, т. е. Кречмеру, приписываютъ и слѣдующую пророческую фразу:

«Якъ не буде у Днипри мышей, ракивъ,
Тоди не буде у насъ ни жидивъ, ни полякивъ».

Мой собесѣдникъ такъ коментировалъ это двустишіе: «якъ раки заведешъ, та вже николы воны не выведутся, такъ и на Васъ повикъ будуть йиздыть жиды и поляки—бо вы дурни». Что Шевченко не лежалъ въ могилѣ, а проживалъ вдали отъ родины, это становилось для простолюдина вполнѣ вѣроятнымъ, когда ему приходилось познакомиться со слѣдующимъ разсказомъ: къ могилѣ Шевченка, подлѣ Канева, подходитъ неизвѣстный человѣкъ и спрашиваетъ сторожа: «що ты тутъ стережешъ?—«Та тутъ Тарасъ захованный»; на это неизвѣстный замѣтилъ: «Винъ (Шевченко) бувъ дуже хитрый чоловикъ, винъ давно вже дирочкою зъ могылы вылизъ».

Таковы тѣ данныя, на которыхъ мой собесѣдникъ построилъ свое убѣжденіе въ томъ, что Шевченко былъ живъ до послѣдняго времени и что смерть его была фиктивна, въ видахъ предупрежденія возможныхъ народныхъ волненій (см. сообщеніе Крымскаго въ Кіев. Стар. 1898 г. 2. 263 на ту же тему).

М. К. Васильевъ.

Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ? Помѣщенная въ январьской книжкѣ «Кіев. Ст.» замѣтка В. Василенка «Изъ Полтавской рукописной литературы», съ приложеніемъ трехъ стихотвореній, пробудила и во мнѣ воспоминанія о годахъ моей юности.

О двухъ изъ приложенныхъ къ замѣткѣ г. Василенка стихотвореній, я могу дать кое-какія указанія. Авторъ ихъ былъ лично мнѣ извѣстенъ: это Петръ Михайловичъ Иляшенко-Кирпловичъ, изъ села Гусинаго, что при сліяніи Сулы съ Днѣпромъ, ниже Жовнина и Еремѣевки. Я познакомился съ Петромъ Михайловичемъ, бывши уже студентомъ,—примѣрно въ 65-мъ году; въ то время онъ былъ членомъ Полтавской Губернской Земской Управы, въ первое трехлѣтіе ея существованія, замѣнивъ собою, выбывшаго до срока, члена Самойлова (слѣпого на одинъ глазъ).

Петръ Михайловичъ, отставной кавалеристъ, служившій также въ козакахъ, былъ старый холостякъ, народникъ, простакъ и до старости юнецъ. Когда въ тѣ годы я ставилъ въ Полтавѣ любительскіе спектакли на малорусскомъ языкѣ и конкурировалъ съ другимъ кружкомъ любителей, такъ называемымъ, аристократическимъ, который мѣшалъ намъ воспользоваться театральной залой Дворянскаго собранія, единственной тогда удовлетворявшей требованіямъ театральнаго дѣла, то Петръ Михайловичъ, приставъ на нашу сторону, принималъ участіе въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ нами противному кружку.

Держась молодежи, онъ нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ пріютъ въ своей квартирѣ; любилъ ее, любилъ дѣлить съ нею свои взгляды и симпатіи... Любилъ писать и написаннымъ дѣлиться лишь въ интимномъ кружкѣ. Приложенные г. Василенкомъ два стихотворенія слыхалъ я изъ устъ его два раза: у него на квартирѣ и въ домѣ извѣстной тогда Елисаветы Ивановны Милорадовичъ, урожденной Скоропадской.

Писалъ онъ не для имени и славы, а только для себя; писалъ много, а больше велъ современную ему хронику кутка своего и родичей. Съ содержаніемъ этой его работы я знакомъ отчасти. При жизни своей онъ не желалъ дразнить гусей и трудъ свой держалъ подъ-спудомь, а передъ смертью, кажется, передалъ Н, Н. Миклашевскому, бывшему тогда Золотоношскому Уѣздному Исправнику, служившему также въ малороссійскихъ козакахъ шестидесятыхъ годовъ.

А. Цыссъ.

Бердичевскія подземелья. (Извлечено изъ архивнаго дѣла). Въ 1867 году Бердичевскій городовой архитекторъ, при производствѣ въ городѣ работъ, наткнулся на подземные ходы въ видѣ катакомбъ, о чемъ донесъ начальнику губерніи. Губернаторъ, принимая во вниманіе торговое значеніе Бердичева и удобства, которыя представляютъ подобныя подземелья для контрабандистовъ, образовалъ для ихъ обслѣдованія особую слѣдственную коммиссію. Генералъ-Губернаторъ, съ своей стороны, поручилъ состоявшему при немъ для порученій саперному офицеру подробно изслѣдовать подземные ходы и уничтожить тѣ изъ нихъ, кои не служатъ для храненія припасовъ, а составляютъ притоны, или-же, не будучи одѣты камнемъ, угрожаютъ обвалами.

27 Октября слѣдственная коммиссія, послѣ тщательнаго осмотра подземнаго Бердичева, подписала актъ, коимъ удостовѣрила, что въ подземныхъ ходахъ складовъ контрабанды не найдено, воровскихъ вещей и подозрительныхъ личностей, которыя скрывались-бы въ тѣхъ подвалахъ, не обнаружено.

Подземелья сняты на планъ, подробно описаны и распредѣлены коммиссіею на категоріи: 1) оставляемыя въ настоящемъ ихъ видѣ, 2) подлежащія задѣлкѣ, частью, или полностью, и, наконецъ, 3) требующія засыпки.

Открыто 130 подземныхъ ходовъ и 78 погребовъ, всего 208 подземныхъ помѣщеній, принадлежащихъ 182 отдѣльнымъ владѣльцамъ.

На улицахъ Кармелитской, Махновской, Бѣлопольской и на Соборной площади, другими словами—въ древнѣйшей части города, отдушины подземелій найдены на самой серединѣ улицы; въ другихъ частяхъ города онѣ обнаружены ближе къ домамъ.

Первоначально предполагалось, что направленіе галлерей тождественно съ направленіемъ улицъ, но въ дѣйствительности оказалось, что идутъ онѣ подъ улицей поперегъ, отъ одного дома къ другому (иногда и во дворъ), но сообщенія между собою, вообще, не имѣютъ; исключеній всего лишь два (подземелья въ этихъ двухъ случаяхъ разобщены запертыми на замокъ дверями).

Древнѣйшему подземелью не менѣе 200 лѣтъ; ведетъ оно отъ дома Ланды къ дому Зелинскаго подъ Соборною площадью, имѣя до 75 аршинъ длины, на $2^1/_2$ вышины и 2 ширины; кирпичемъ не обложено и выведено въ видѣ стрѣльчатой арки, чѣмъ и объясняется его прочность. Перпендикулярно къ главному, идетъ боковой ходъ, одинаковой профили, длиною 15 аршинъ, съ двумя отъ него колѣнами въ 15 и 18 аршинъ. Всѣ 4 хода должны быть отнесены къ одной и той-же эпохѣ. Къ нимъ примыкаютъ 7 ходовъ, сравнительно недавнихъ.

На Кармелитской улицѣ и въ сосѣднемъ переулкѣ обращаютъ на себя вниманіе двухъ-ярусные каменные подвалы съ арками; изъ нижнихъ ярусовъ идутъ, обложенные камнемъ, подземные ходы, выведенные несомнѣнно при самой постройкѣ домовъ, въ началѣ прошлаго вѣка, вполнѣ прочные, одинаковые, правильной профили, высотою 3 арш. въ началѣ и $2^1/_2$ арш. въ концѣ; шириною отъ 2—$2^1/_2$ арш. Въ каждомъ имѣются боковыя ниши, отъ 1 до 15 арш. Длина ходовъ главныхъ—отъ 9 до 60 аршинъ; боковыхъ—отъ 6 до 27 аршинъ.

Самое замѣчательное изъ подземныхъ помѣщеній находится подъ срединою Соборной площади, при домѣ Шенфельда: оно, кромѣ главнаго, имѣетъ круговой ходъ, въ двухъ мѣстахъ соединяющійся съ первымъ. Въ концѣ магистрали имѣется комната длиною 17 арш., вышиною 3 и шириною отъ $2^1/_2$, въ началѣ, до $5^1/_2$ аршинъ въ концѣ.

По длинѣ не имѣетъ соперниковъ подземелье при домѣ Нехамкеса, мѣрою 79 аршинъ; а на Махновской улицѣ, при усадьбѣ Шмуля Боршака, обнаруженъ цѣлый лабиринтъ.

При входѣ въ подземелья, отъ поверхности земли до пола—отъ 4 до 6 аршинъ, а въ концахъ (въ возвышенной части города) подошва ихъ углубляется до 18 арш. и отнюдь не менѣе 10 арш. (въ самой низменной части Бердичева). Паденіе подошвы хода чаще 2—4 вершка на погонную сажень, но доходитъ и до 6.

Даже не будучи обдѣланы камнемъ, ходы, вообще, весьма прочны; обвалы случаются лишь въ новѣйшихъ, нѣсколько болѣе широкихъ, и имѣющихъ дугообразный сводъ. Каменные—несравненно сырѣе и холоднѣе земляныхъ. Встрѣчаются также ходы, стѣны коихъ забраны досками, какъ это дѣлается въ минныхъ галлереяхъ.

Изъ 208 изслѣдованныхъ подземелій, въ 24 оказалось вино (русское въ бочкахъ и иностранное въ бутылкахъ); въ 1—хлѣбное вино, въ 1—стекла, въ 1—рогожи, въ 2—аптекарскіе товары, въ 7—пустыя бочки изъ-подъ бакалеи, а 172—совершенно пустыя (осенью заполняются овощами и съѣстными припасами).

Хотя преданіе и гласитъ, будто этими ходами пользовались во время осады козаки, пробиравшіеся къ Гнилопяти за водою, но произведенное обслѣдованіе даетъ право съ положительностію утверждать, что при ихъ сооруженіи имѣлись въ виду чисто хозяйственныя цѣли. Густота населенія въ старыхъ городахъ, ютившихся подъ защитою укрѣпленій, вынуждала строиться безъ разрывовъ, безъ дворовъ и службъ, при чемъ подвалы для складыванія запасовъ [1]) были необходимы. Дальнѣйшему расширенію подземелій способствовали: съ одной стороны—необходимость добывать глину для приведенія въ порядокъ домовъ передъ Пасхою и осенними холодами, а съ другой—потребность въ обширныхъ складахъ для окрестныхъ пановъ, которые въ началѣ 60-хъ годовъ снимали ихъ у евреевъ.

Теперь (въ 1867 году) подземелья не приносятъ дохода, ибо событія послѣднихъ лѣтъ сократили помѣщичьи запасы; они приходятъ въ упадокъ, такъ какъ, съ постройкою гостиннаго двора, въ городѣ имѣются несравненно лучшіе магазины и кладовыя для храненія товаровъ.

Предположенія лицъ, видѣвшихъ въ подземныхъ помѣщеніяхъ убѣжища для контрабандистовъ, по заключенію изслѣдователей, лишены всякаго основанія: температура въ подземельяхъ настолько низка, даже въ лѣтнія жары, что сколько-нибудь продолжительное въ нихъ пребываніе совершенно невозможно.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

---

[1]) Одного вина, по исчисленію г. Конанскаго, въ шабашъ потребляется до 25 тысячъ бутылокъ (еженедѣльно).

Людвикъ Житинскій. *(Некрологъ).* 9-го марта 1900 года скончался въ своемъ имѣніи, хуторѣ Лагодовкѣ Волынской губ. Дубенскаго уѣзда, одинъ изъ интеллигентныхъ воспитанниковъ Кіевскаго университета, шестидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія—Людвикъ Константиновичъ Житинскій. Покойный родился въ 1836 году въ зажиточной дворянской волынской семьѣ; воспитывался въ Кіевской 2-й гимназіи и затѣмъ въ 1860 году окончилъ историко-филологическій факультетъ Кіевскаго университета; несмотря на родовыя семейныя традиціи, подъ животворнымъ вліяніемъ какъ университетскаго образованія, такъ и всеобщаго оживленія, вызваннаго благотворными реформами того времени, покойный отказался отъ многихъ предразсудковъ, господствовавшихъ въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Претерпѣвъ въ началѣ своей самостоятельной жизни значительныя невзгоды и получивъ при раздѣлѣ съ братьями среднюю поземельную собственность, покойный усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ на новыхъ раціональныхъ началахъ; соединивъ сельскохозяйственный трудъ съ заводскою промышленностью (онъ основалъ черепичный заводъ), онъ успѣлъ не только избѣжать крушенія, которому подвергались многочисленныя среднія дворянскія имѣнія, но и достигъ возможнаго при его средствахъ благосостоянія и обезпеченности. Въ сношеніяхъ съ окружающимъ его обществомъ, покойный отличался отсутствіемъ всякой нетерпимости и эксклюзивности сословной или національной; при вполнѣ добрыхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, онъ сохранилъ дружелюбныя отношенія съ сосѣдями помѣщиками—русскими, поляками и чехами—и, безразлично къ ихъ національности, встрѣчалъ ихъ равнодушно и привѣтливо.

Но хозяйственныя заботы и общественныя сношенія не поглотили цѣликомъ времени Л. К. Житинскаго. Онъ находилъ возможнымъ значительную часть своего труда и времени посвятить наукѣ; занятія его сосредоточились на изученіи мѣстной исторіи и археологіи; онъ составилъ: прекрасную историческую библіотеку, коллекцію мѣстныхъ древностей и коллекцію литовскихъ монетъ, на которыхъ онъ сосредоточилъ свои нумизматическіе труды; онъ изслѣдовалъ многочисленные курганы своей мѣстности и результаты своихъ изслѣдованій помѣщалъ въ изданіяхъ краковской академіи, въ запискахъ, археологическо-нумизматическаго краковскаго общества, а также въ трудахъ Виленскаго и Кіевскаго русскихъ археологическихъ съѣздовъ

въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, представляя рефераты о своихъ раскопкахъ и доставляя на выставку съѣзда свои коллекціи.

Послѣ смерти покойника остался капитальный трудъ, который онъ едва успѣлъ закончить передъ смертью, но издать который судьба ему не дозволила—это историко-географическое описаніе поселеній въ бассейнѣ р. Стыра. Судя по довольно объемистымъ отрывкамъ, которые прочитывалъ мнѣ покойный Л. К., трудъ этотъ принадлежитъ къ числу монографій весьма тщательно отдѣланныхъ и весьма полезныхъ для уясненія исторической судьбы Волыни. Было-бы крайне желательнымъ, чтобы этотъ результатъ многолѣтней усердной работы не остался неизданнымъ.

Во всякомъ случаѣ покойный Л. К. Житинскій, какъ по своей частной дѣятельности, такъ и по научнымъ трудамъ, заслуживаетъ сочувственнаго воспоминанія всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ дорого изученіе юго-западнаго края и установленіе въ немъ интеллигентныхъ и разумныхъ отношеній.

В. Антоновичъ.

Е. И. Борисовъ. *(Некрологъ).* 6-го мая, скончался редакторъ «Херсонскаго Земскаго Сборника» Е. И. Борисовъ. Родился покойный въ семьѣ священника Кіевской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ Кіевѣ въ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ Новороссійскаго университета и кончилъ въ немъ въ 1877 году курсъ со степенью кандидата. Энергичный, способный и хорошо подготовленный, онъ смѣло могъ съ успѣхомъ вступить на обычный путь служебной дѣятельности, но она его не влекла; его симпатіи были опредѣлены давно... Его всего, еще на студенческой скамьѣ, захватили вопросы современной жизни, вопросы малороссійской деревни, вопросы земства, бытъ крестьянина и дѣло его просвѣщенія—вотъ, что ему было дорого, вотъ на пользу чего онъ хотѣлъ работать и дѣйствительно работалъ. Выступивъ съ цѣлымъ рядомъ статей по различнымъ вопросамъ изъ этой области въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» еще въ бытность студентомъ, Е. И. по окончаніи университетскаго курса весь отдается газетной работѣ, занимаясь въ то-же время и собираніемъ матеріаловъ по обычному русскому праву, по этнографіи и проч. Въ 1891 году онъ получилъ мѣсто секретаря елисаветградской земской управы. Онъ при-

мѣнилъ на этомъ мѣстѣ къ давно излюбленному дѣлу всѣ свои знанія по земскимъ вопросамъ и съ обычной добросовѣстностью посвящалъ свои силы служебнымъ занятіямъ. Результатомъ дѣятельности его въ Елисаветградѣ, между прочимъ, явилась и книга почти въ 1000 печатн. страницъ, въ которой онъ съ большимъ умѣніемъ далъ систематическій сводъ постановленій елисаветградскаго земскаго собранія за 1865—1895 гг. (изд. въ Елисаветградѣ въ 1895 г.). Работа надъ этой книгой дала Е. И., какъ знатоку земства, еще больше извѣстности, и онъ былъ приглашенъ редакторомъ Херсонскаго Земскаго Сборника. Покойный, кромѣ того, извѣстенъ и въ малорусской литературѣ: его имя встрѣчается въ галицкихъ изданіяхъ 80-хъ гг.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1652 р. 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й), вновь пожертвовано: разными лицами въ Могилевѣ губ.—29 руб., А. Н. Истоминой—2 р., К. К. Истоминымъ—2 р., Ахмедъ-бекъ Агаевымъ—1 р., Г. Г. Кибальчичемъ—2 р., Д. И. Кисилевичемъ—2 р., Д. И. Мѣрнымъ 1 р., Ѳ. И. Михалевскимъ—2 р., всего *41 рубль*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ *1693 р. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Юбилей проф. В. Б. Антоновича. 18-го мая исполнилось 30-тилѣтіе профессорской и 40-лѣтіе ученой и общественной дѣятельности Владиміра Бонифатьевича Антоновича. Пять лѣтъ тому назадъ Кіевъ торжественно отпраздновалъ 25-тилѣтній юбилей профессорства нашего уважаемаго ученаго, и тогда нашъ журналъ посвятилъ нѣсколько страницъ выраженію дани признательности этому почтенному работнику на полѣ науки и общественной жизни (см. № 6-й 1895 годъ). Къ сказанному тогда мы только можемъ теперь на́ново повторить наши искреннія пожеланія, чтобы силы и здоровье еще на много лѣтъ сохранили его прежнюю энергію и бодрость духа для трудовъ на пользу науки и родного намъ края.

Пережитки старины. Недавно въ «Сынѣ Отеч.» приводились свѣдѣнія о пережиткахъ старины, какими являются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вол. губ. остатки церковныхъ обычаевъ. По этому поводу анонимный авторъ дѣлится въ той-же газетѣ еще слѣдующими имѣющимися у него свѣдѣніями. «Лѣтъ пять тому назадъ—пишетъ авторъ замѣтки,—мой отецъ (нынѣ покойный) былъ назначенъ священникомъ при соборѣ въ г. Кобринѣ, гродненской губ. (на границѣ съ волынской) и засталъ тамъ слѣдующее учрежденіе. Около церкви сконцентрировались пережившіе свое гражданское существованіе остатки ремесленныхъ цеховъ и церковныхъ братствъ, выродившихся въ очень своеобразную форму. Городскіе мѣщане, потомки прежнихъ братчиковъ и цеховщиковъ, выбирали отъ себя администрацію (старосту и совѣтъ), имѣли «хоронгви» (знамена), поставленныя въ церкви, и держали для себя громадныя восковыя свѣчи. Главный денежный доходъ получался братчиками отъ похоронъ; участіе въ похоронахъ братчиковъ, несущихъ знамена и свѣчи, считалось необходимымъ для каждой приличной печальной процессіи, и каждый мечталъ, по своей смерти, быть похороненнымъ съ такимъ именно торжествомъ, для чего копились послѣдніе рубли. Братчики брали за свое участіе въ печальной процессіи не мало, но все-таки смотря по состоянію средствъ покойнаго; пользуясь монополіей, они могли взыскать съ семейства покойнаго до 100 руб. Деньги не попадали, конечно, въ церковь, а шли на попойку; малая ихъ часть, впрочемъ, удѣлялась на свѣчи, съ которыми братчики возстояли въ храмѣ въ торжественные дни. Какъ ни странно, но при церкви имѣлась книга, гдѣ записывался приходъ и расходъ братчиковъ въ такомъ, напр., родѣ: При похоронахъ такого-то получено 100 руб., изъ нихъ 90 р. на «консоляментъ» (утѣшеніе) и 10 р.—на свѣчи. Какого рода «утѣшеніе»—неизвѣстно; оно совершалось братчиками въ популярномъ кабачкѣ города. Отецъ мой, при принятіи церковныхъ дѣлъ, возсталъ противъ такого порядка вещей, арестовалъ «хоронгви» и донесъ объ этомъ начальству, чѣмъ страшно поднялъ противъ себя мѣщанъ всего города. Возгорѣлась борьба съ угрозами и доносами и т. д. Однако ему все-таки удалось уничтожить это старинное цеховое вымогательство. Подобныя «братства», по слухамъ, держатся еще во многихъ мѣстечкахъ западнаго края».

Завѣщаніе галицкаго митрополита Саса-Куиловскаго. 21 апрѣля скончался во Львовѣ митрополитъ галицкій Юліанъ Сасъ-Куиловскій на 75 году своей жизни и на второмъ году епископства.

Въ завѣщаніи, вскрытомъ послѣ смерти, оказалось, что большая часть имущества, оставшагося послѣ него, завѣщана львовскому *митинскому* архіепископству, а также на постройку костеловъ и часовенъ (тоже католическихъ). Одежду и бѣлье завѣщалъ раздать, а не продавать, «щоби жиди по Зарваницї не ростягали фіолетів». (Руслан, ч. 90).

Съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съ 7 по 17 сентября нынѣшняго года въ Полтавѣ устраивается съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Въ настоящее время разсылаются приглашенія въ губерніи: Харьковскую, Черниговскую, Курскую, Кіевскую и Полтавскую. (Программу съѣзда см. въ объявленіяхъ).

Украинская труппа въ Америкѣ. Въ Пенсильваніи, въ Мт. Кармель, составилось украинское драматическое общество, имѣющее своей цѣлью давать театральныя представленія. Для перваго раза разучили пьесу г. Макара «Амерыканський шляхтычъ».

Здѣсь-же основалось и другое украинское общество—музыкальное, изъ однихъ лишь молодыхъ людей. («Свобода»).

Почетный отзывъ за ученый трудъ. На годичномъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества 22 апрѣля присужденъ почетный отзывъ начальнику кіевскаго центральнаго архива древнихъ актовъ и глубокому знатоку южно-русскихъ архивовъ И. М. Каманину за составленный имъ «Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма XV—XVIII столѣтій». (Сѣверный Курьеръ, № 171).

Лекція проф. Студинскаго. Первая лекція вновь назначеннаго во Львовскій университетъ на историко-филологическій факультетъ профессора Студинскаго «Про полемичну літературу руску» прошла

съ большимъ успѣхомъ. Авторъ, указавши на начальныя проявленія полемической литературы въ XI и XII в.в. и застой въ слѣдующихъ XIII и XIV столѣтіяхъ, подробно остановился на эпохѣ развитія ея въ XV и XVI в., при чемъ отмѣтилъ причины, вызвавшія это развитіе. («Руслан.»).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщеніямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка (см. №№ 4 и 5), добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

I. *Въ Галиціи:*

Въ Снятинѣ 22 апрѣля данъ былъ концертъ «Мищанською Читальнею». Въ концертѣ принимали участіе одни лишь мѣщане и мѣщанки. Публика состояла также изъ мѣщанъ и крестьянъ.

Въ Черновцахъ 7 мая Бурсой Товарищества «Русский Народний Дімъ» устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ Бродахъ 9 мая устроенъ былъ въ залѣ Товарищества Музичного концертъ русскими товариствами въ Бродахъ при участіи проф. Друкера, Товарищества Музичного и Кружка співацького.

Въ Городенци, въ залѣ «на Курцеривці» состоялся 12 мая концертъ.

II. *Въ Россіи:*

Въ Черниговѣ (время и мѣсто не указаны) устроителемъ вечера явился г. Ладога. Любителями была представлена пьеса Т. Г. Шевченка «Назаръ Стодоля».

III. *Въ Америкѣ*, въ Пенсильваніи, въ Шамокинѣ въ началѣ мая состоялось «виче и вечерокъ» въ память 39 годовщины смерти Шевченка въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 8 ч. утра—богослуженіе, на которомъ члены мѣстнаго общества Т. Шевченка присутствовали въ парадной формѣ. Послѣ богослуженія—панихида. Въ $9^1/_2$—виче, на которомъ были прочитаны рефераты: 1) Справи просьвітні, 2) Справи церковні, 3) Справи робітничі, 4) Про руско-народний эміграційний дім въ Америці. Въ 7 ч. вечера—литературно-вокальный вечеръ, съ участіемъ хора, и въ заключеніе—дѣтская оперетта «Коза-дереза» («Свобода»).

Памятникъ Котляревскому. Начальникъ полтавской губерніи сообщилъ городской управѣ, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ постановкѣ въ г. Полтавѣ, на городскомъ бульварѣ, по Протопоповской ул., памятника поэту И. П. Котляревскому. Немедленно была созвана коммиссія, которая постановила войти въ переговоры съ скульпторомъ объ изготовленіи барельефовъ и украшеній для памятника. Такъ какъ ко дню открытія памятника ожидается много делегатовъ изъ Галиціи и другихъ мѣстъ, гдѣ дорога память поэта, то рѣшено изготовить жетоны для раздачи почетнымъ гостямъ и лицамъ, принимавшимъ участіе въ постройкѣ памятника. На одной сторонѣ жетона будетъ изображенъ рельефъ памятника, а на другой—извѣстное четверостишіе изъ «Наталки Полтавки»:

«Де згода въ семействи,
Де миръ и тышина,
Щастливи тамъ люде,
Блаженна сторона».

(Кіев. Газета, № 152—153).

Пѣсенная коммиссія Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ первомъ засѣданіи названной коммиссіи послѣ смерти ея учредителя, Т. И. Филиппова, подъ предсѣдательствомъ А. С. Танѣева прочтенъ былъ интересный докладъ о полезной дѣятельности учрежденной Т. И. Филипповымъ въ 1884 г. коммиссіи для собиранія образцовъ народнаго пѣсеннаго творчества, а въ 1897 году другой коммиссіи для изданія пѣсенныхъ сборниковъ. На засѣданіи обсуждался, между прочимъ, проектъ г. Бигдая, дѣйствительнаго члена кубанскаго и терскаго статистическихъ комитетовъ, «о необходимости собранія и изданія пѣсеннаго матеріала во всѣхъ козачьихъ войскахъ и средствахъ для того». Относительно этого предложенія, пѣсенная коммиссія, ознакомившись съ приложенными къ докладной запискѣ г. Бигдая 10-ю выпусками «Пѣсни кубанскаго войска», хотя и не усмотрѣла въ указанныхъ пѣсняхъ, записанныхъ, очевидно, лицомъ, мало подготовленнымъ къ такого рода дѣятельности и не музыкантомъ, достаточнаго матеріала для сужденія о сохранившихся еще въ народной памяти древнихъ пѣсняхъ, тѣмъ не менѣе признала всю важность организаціи дѣла собиранія и изданія пѣсенъ козачьяго

войска въ интересахъ сохраненія памятниковъ старины и нашла предложенную г-мъ Бигдаемъ систему записи текстовъ пѣсенъ путемъ предварительныхъ сношеній съ лицами, близко стоящими къ народу, цѣлесообразной. При обсужденіи докладной записки г. Бигдая, С. М. Ляпуновъ указалъ на необходимость заручиться помощью постоянныхъ корреспондентовъ (мѣстныхъ сельскихъ учителей, священниковъ и др.), выработавъ планъ предварительныхъ запросовъ. («Сынъ Отечества», № 126).

Е. П. Боярская (Богемская). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ скончалась извѣстная малорусская артистка Боярская (Евдокія Прокофьевна Богемская), начавшая въ Одессѣ свою артистическую карьеру, гдѣ она дебютировала въ качествѣ любительницы на сценѣ бывшаго Маріинскаго театра въ январѣ 1885 г., въ дивертисментѣ, въ малорусской труппѣ М. П. Старицкаго подъ режиссерствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ томъ-же году на той-же сценѣ ей была поручена первая въ ея жизни роль Наталки въ пьесѣ «Наталка-Полтавка»; съ Пасхи того-же года ей назначили уже жалованье, и она стала профессіональной артисткой. Когда произошло распаденіе малорусской труппы, г-жа Боярская осталась у М. П. Старицкаго, поручившаго ей амплуа драматическихъ ролей, которое сохранилось за нею до самой ея кончины. Въ послѣднее время у Боярской было горячее желаніе перейти на русскую сцену, и ей удалось было осуществить свое желаніе: въ прошломъ году ее приняли въ свою труппу г. Коршъ, но послѣ первыхъ-же репетицій контрактъ пришлось расторгнуть,—малорусская «звѣзда» оказалась совсѣмъ непригодной для русскихъ пьесъ.

Лучшими ролями покойной были главныя роли въ пьесахъ: „Глытай", „Докы сонце зійде", Не такъ склалось", „Ой не ходы, Грыцю" и т. д. Изъ южныхъ городовъ она играла въ Кіевѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Керчи, Ѳеодосіи, Ялтѣ, Тифлисѣ, Батумѣ, Екатеринодарѣ и др.

Умерла Е. П. въ г. Читѣ на 38 году жизни (родилась въ Могилевѣ-Подольскомъ въ 1862 г). (Приднѣпр. Край, 823).

Библіографія.

Изъ украинской старины. *Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснительный текстъ профессора Д. И. Эварницкаго. Изданіе А. Ф. Маркса СПБ. 1900,* in 2^0.

Предпріимчивый петербургскій издатель «Нивы» и разныхъ другихъ иллюстрированныхъ изданій Марксъ выпустилъ роскошный альбомъ, посвященный украинской старинѣ, при чемъ цѣль изданія въ передовой статьѣ, озаглавленной «Къ Альбому Украинской Старины», объясняется такимъ образомъ: «южно-русскіе козаки, боровшіеся съ многочисленными врагами за православную вѣру, за русскую народность, за свободу совѣсти, за человѣческія права, не знавшіе у себя раскола, никакихъ ересей, отличавшіеся высокою религіозностью и въ то-же время чуждые крайней нетерпимости; козаки, создавшіе множество высоко-художественныхъ думъ и высоко-нравственныхъ историческихъ пѣсенъ, составляющихъ, въ соединеніи съ напѣвомъ, цѣлыя баллады, цѣлыя поэмы чувствъ; козаки, создавшіе богатую историческую литературу, свято хранившіе всѣ дорогіе завѣты своихъ предковъ, выступавшіе въ качествѣ носителей высшей гражданственности, поражавшіе современниковъ, поражающіе и потомковъ своею замѣчательною дальновидностью, эти козаки, наконецъ, прекрасно понимавшіе и цѣнившіе красоты природы,—по справедливости заслуживаютъ того, чтобы всѣ ихъ дѣянія представлены были въ обстоятельной, живой и художественной исторіи, и ихъ военный и домашній бытъ, какъ и главнѣйшіе историческіе дѣятели ихъ, были изображены въ наглядныхъ образахъ и художествен-

ныхъ иллюстраціяхъ; послѣдняя задача и положена въ основаніе настоящаго изданія».

Художественная часть альбома состоитъ изъ 21 листа, на которыхъ имѣются исполненные акварельными красками рисунки, изображающіе портреты или типы, а вокругъ или около этихъ раскрашенныхъ рисунковъ, въ видѣ виньетокъ, помѣщены рисунки перомъ съ изображеніями, имѣющими то или иное отношеніе къ портрету или типу.

Первые (раскрашенные) рисунки принадлежатъ С. И. Васильковскому и даютъ слѣдующія изображенія: 1) гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный,—2) Богданъ Хмельницкій (по гравюрѣ Гондіуса),—3) воевода Адамъ Кисель (по современному портрету),—4) полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ (по изображенію на знаменахъ),—5) хорунжій (по современному портрету),—6) уманскій сотникъ Иванъ Гонта (по совр. портрету),—7) писарь войсковой (по Калинскому),—8) пушкарь времени Мазепы съ мортирой, литой по его приказанію и находящейся въ настоящее время въ артиллерійскомъ музеѣ въ СПБ.,—9) вартовой козакъ,—10—12) три типа запорожцевъ,—13) Задунайскій Запорожецъ (по Valerio, изъ альбома, принадлежавшаго Наполеону III),—14) сѣчевой дидъ абшитованный (отставной),—15) мѣщанинъ (по Ригельману)—16) посполитый (по Ригельману),—17) козачка (по Калинскому)—18) именитая госпожа (полковница по соврем. портрету)—19) Григорій Савичъ Сковорода (по современ. портрету),—20) Кобзарь—слѣпецъ съ мальчикомъ-поводатаремъ.

Виньетки (рисунки перомъ) исполнены Н. С. Самокишемъ и посвящены слѣдующимъ изображеніямъ: 1) одна изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ,—2) козачій отрядъ въ походѣ,—3) церковь-замокъ въ Сутковцахъ,—4) атака на козачій обозъ польскихъ панцырныхъ гусаръ,—рушницы, копья, келепа, сабли, пистолеты, пороховницы (изъ собраній Г. П. Алексѣева и А. Н. Поля),—6) эпизодъ изъ взятія гайдамаками Умани,—7) принадлежности писаря: чернильница, печать, фоліанты, универсалъ, кресты (изъ собранія Г. П. Алексѣева), —8) козачьи акты и ретрашементы,—9) внутренность козачьяго обоза: возы, знамя, литавры (въ Артилерійскомъ музеѣ и въ собраніи А. Н. Поля)—10) бунчуки, копья, лукъ, сагайдакъ и бердышъ (изъ собранія клейнодовъ въ Преображенскомъ соборѣ въ СПБ., А. Н. Поля въ Екатеринославѣ и Краковскаго му-

зея),—11) сцена изъ жизни въ Запорожской Сѣчи: судъ надъ преступникомъ,—12) мѣсто бывшей Чертомлыцкой Сѣчи и нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ,—13) Дунавецкая Запорожская Сѣчь (по наброску Лупулеску),—14) сѣдла, уздечки, пороховница, натруски (изъ собраній А. Н. Поля и Г. П. Алексѣева),—15) Ярмарка въ Малороссіи,—16) зимовникъ козачій,—17) сцена у колодца: проводы козака въ войско,—18) путешествіе на богомолье знатной особы въ XVIII в.,—19) малороссійскій пейзажъ,—20) группа кобзарей и лирниковъ,—21) убитый конь.

Рисунки въ большинствѣ случаевъ исполнены прекрасно и, хотя не всѣ даютъ вполнѣ типичныя изображенія, но заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Въ общемъ изданіе имѣетъ очень изящный видъ. Не можемъ только одобрить заглавной картинки на обложкѣ, изображающей какого-то всадника иконнаго типа, куда-то въ ужасѣ мчащагося среди «наваринскаго дыма съ пламенемъ».

Судя по заключительнымъ словамъ предисловія, въ основаніе настоящаго изданія положена задача—представить въ наглядныхъ образахъ и художественныхъ иллюстраціяхъ военный и домашній бытъ украинскихъ козаковъ и главнѣйшихъ историческихъ ихъ дѣятелей. Если такъ, то нужно признать, что настоящее изданіе лишь отчасти выполняетъ эту задачу, такъ какъ оно иллюстрируетъ почти исключительно военный бытъ козаковъ, преимущественно запорожцевъ. Если-бы не изображеніе на 17-й таблицѣ молодой козачки и на 18-й именитой госпожи, то можно было-бы составить ошибочное представленіе, будто въ старой Украинѣ совсѣмъ не было женщинъ. А между тѣмъ сохранились подлинные портреты и жены Палѣя, и жены Павла Полуботка и многихъ другихъ извѣстныхъ малороссіянокъ XVII—XVIII вв. Почему-бы имъ не найти мѣста въ художественномъ воспроизведеніи въ настоящемъ изданіи? Точно такъ же недостаетъ полноты и въ выборѣ для иллюстрацій историческихъ дѣятелей старинной Украины. Почему издатели ограничились лишь портретами Сагайдачнаго, Хмельницкаго, Киселя, Гонты и философа Сковороды? Если они намѣренно игнорировали Острожскихъ, Вишневецкихъ и другихъ историческихъ дѣятелей старой Малороссіи XVI ст., и имѣли въ виду иллюстрировать исключительно исторію козацкой Украины, то и въ такомъ случаѣ ихъ выборъ далекъ отъ полноты: имѣются вѣдь достовѣрные портреты и другихъ гетмановъ и старшинъ, а еще больше сохранилось портретовъ духовныхъ лицъ

старой Малороссіи. Впрочемъ, все это говорится не въ упрекъ составителямъ сборника: мы знаемъ, какъ дорого стоятъ подобныя художественныя изданія, и можемъ лишь выразить пожеланіе, чтобы современемъ появились дальнѣйшіе выпуски настоящаго изданія, а за матеріалами для художественнаго воспроизведенія остановки не будетъ.

А вотъ въ чемъ смѣло можно упрекнуть редактора изданія: онъ проглядѣлъ двѣ грубыя ошибки или опечатки, и при томъ въ самомъ перечнѣ таблицъ. Въ объясненіи къ 1-й таблицѣ сказано, что Петръ Сагайдачный—гетманъ XVI вѣка; а виньетка къ 3-й таблицѣ объяснена такъ: «Церковь-замокъ въ Сутковицахъ, Волынской губ.». Здѣсь сугубая ошибка: село называется *Сутковцы* и находится въ Летичевскомъ у. *Подольской* губ.—Кстати замѣтимъ: почему къ портрету Адама Киселя выбрана виньеткой церковь Сутковецкая, къ которой онъ не имѣлъ никакого отношенія? Не умѣстнѣе-ли была-бы здѣсь, тоже старинная, церковь с. Низкиничъ (Владиміръ-Вол. у. Волынской губ.), которую Кисель самъ строилъ и въ которой доселѣ существуетъ его гробница? А церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ такъ оригинальна въ архитектурномъ отношеніи, что заслуживала-бы болѣе детальнаго воспроизведенія, не въ видѣ лишь аксессуара къ изображенію крестнаго хода. Желательно, чтобы она нашла мѣсто въ томъ выпускѣ настоящаго изданія, которое будетъ посвящено архитектурнымъ памятникамъ старой Малороссіи.

Рисункамъ въ альбомѣ предшествуетъ напечатанный на 98 страницахъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ) объяснительный текстъ, состоящій изъ 20-ти статей или главъ и составленный Д. И. Эварницкимъ. «Пояснитѐльнымъ текстомъ» эти статьи названы на заглавномъ листѣ альбома, но на самомъ дѣлѣ онѣ не всегда строго соотвѣтствуютъ этому названію: это—скорѣе рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, но не объясненіе рисунка и его деталей. Возьмемъ для примѣра 1-ю таблицу альбома, изображающую гетмана Сагайдачнаго *во весь ростъ*. Читатель не слыхалъ о *такомъ* портретѣ гетмана—онъ знаетъ лишь гравюру 1621 года, изображающую его на конѣ, и хочетъ найти разъясненіе своего недоумѣнія въ «пояснитѐльномъ текстѣ»,—но тамъ объ этомъ нѣтъ и упоминанія. Виньетка къ этой-же таблицѣ изображаетъ «одну изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ». Опять хочется знать: что это—фантазія художника, или произведеніе какой-либо современной картины или

гравюры? Но авторъ «пояснительнаго» текста не даетъ никакихъ объясненій. Иные изъ его очерковъ имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ рисункамъ. Наприм., на XV таблицѣ находится превосходное изображеніе (по Ригельману) малороссійскаго мѣщанина XVIII в., въ очень оригинальномъ костюмѣ. Въ пояснительномъ текстѣ вы разсчитываете прочесть, по меньшей мѣрѣ, историческій очеркъ о мѣщанахъ, о майдебургіи, о войтахъ, ратманахъ, или о старинной малороссійской торговлѣ; но вмѣсто этого г. Эварницкій даетъ вамъ собственнаго сочиненія поэтическое описаніе ярмарки въ Малороссіи—описаніе, что и говорить, яркое, колоритное, въ стилѣ юношескихъ очерковъ Гоголя, но описаніе ярмарки *современной*, слѣдовательно къ «Украинской Старинѣ» мало относящееся, а къ данному историческому рисунку и вовсе не имѣющее отношенія.

Но если мы оставимъ отношеніе объяснительнаго текста къ рисункамъ и будемъ разсматривать его, какъ рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, то мы должны отдать полную справедливость г. Эварницкому: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о запорожцахъ, ихъ старинномъ бытѣ, вооруженіи, обычаяхъ и т. под.,—тамъ авторъ является на высотѣ своей задачи, и его очерки блещутъ яркостью, живостью, знаніемъ предмета и любовнымъ къ нему отношеніемъ. Недурно составлены также біографическіе очерки Гонты и Сковороды. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи Малороссіи до Хмельницкаго, о религіозной, національной и культурной борьбѣ южнорусовъ съ Польшею, о старинномъ южно-русскомъ дворянствѣ XVI—XVII в.,—тамъ авторъ, видимо, не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, и его разсказы объ этихъ временахъ (въ біографіяхъ Хмельницкаго и Киселя) блѣдны и неточны, а кое въ чемъ и невѣрны. Откуда онъ взялъ, наприм., будто Адамъ Кисель былъ родомъ изъ Брусилова *«возлѣ Чернигова»*? А какъ онъ невѣрно понимаетъ извѣстный терминъ въ гетманскихъ подписяхъ: «рука *власна*»! «Вездѣ онъ (Сагайдачный) дѣйствовалъ открыто, твердо и увѣренно и, издавая отъ себя универсалы, подписывалъ ихъ «власною рукою» (стр. 4). Автору, видимо, чуется въ этомъ словѣ терминъ современныхъ публицистовъ: «властная рука», но это напрасно: гетманъ (да и всякій другой въ XVI—XVIII вв.) этимъ словомъ просто обозначалъ, что сдѣлалъ подпись *собственноручно*; да и въ современномъ украинскомъ языкѣ слово *власный*, *власность* обозначаетъ тоже са-

мое: собственный, собственность. А въ другомъ мѣстѣ авторъ, описывая выступленіе запорожцевъ въ походъ, выражается такъ: «во главѣ самого войска на прекрасномъ аргамакѣ выступалъ «власный» кошевой атаманъ... За «власнымъ» кошевымъ атаманомъ выступала пѣхота, конница...» (стр. 50). Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ этихъ выраженіяхъ слово «власный», взятое имъ въ ковычки, какъ техническое или цитируемое изъ документа или народнаго языка, совершенно не имѣетъ смысла.

Но все это мелочи. Въ общемъ-же мы считаемъ нововышедшій альбомъ весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей столь бѣдной хорошими иллюстраціями литературѣ по исторіи Украины и не можемъ не выразить талантливымъ художникамъ С. И. Васильковскому и Н. С. Самокишу, равно и Д. И. Эварницкому глубокой признательности за предпринятый ими трудъ и пожелать его продолженія въ близкомъ будущемъ.

Ш. Л.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ. *Спб. 1898 г., стр. 1—269; 1—35; 1—131.*

Настоящій отчетъ, какъ и всѣ предшествовавшіе, составленъ по установленному въ Императорской Публичной Библіотекѣ плану и распадается на три главные отдѣла: 1) данныя о личномъ составѣ служащихъ въ библіотекѣ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о хозяйственной части, о пріобрѣтеніяхъ въ библіотеку, о библіографическихъ работахъ и о пользованіи библіотекой; 2) данныя о расходахъ библіотеки въ 1895 году, при чемъ для сравненія приводится таблица, показывающая данныя о Британскомъ Музеѣ, Національной Библіотекѣ въ Парижѣ и Королевской Берлинской Библіотекѣ; статистическія таблицы о числѣ посѣщеній библіотекъ, числѣ выдачъ, числѣ выданныхъ сочиненій и томовъ и пр.; 3) приложенія, въ которыхъ напечатаны письма къ Н. И. Гнѣдичу разныхъ лицъ и письма князя П. А. Вяземскаго.

Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ, кромѣ свѣдѣній о новомъ штатѣ для Библіотеки, который введенъ только съ 1 января 1896 года въ значительно усиленномъ размѣрѣ, для насъ наибольшій интересъ представляетъ глава о пріобрѣтеніяхъ библіотеки, и конечно

въ той части ихъ, которая касается матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи. Всѣ эти матеріалы мы имѣли случай разсмотрѣть, посѣтивъ въ текущемъ году Библіотеку, и потому считаемъ умѣстнымъ познакомить съ ними и нашихъ читателей.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить пожертвованный кн. А. М. Орбеліани сборникъ начала нынѣшняго вѣка, содержащій, между прочимъ, данныя *о началѣ основанія города Полтавы* (стр. «Отчета» 182-я). Сборникъ этотъ (Е. IV, № 730) въ интересующей насъ части даетъ слѣдующія свѣдѣнія.[1]) Статья «О началѣ г. Полтавы» объясняетъ, какъ и почему составлены эти свѣдѣнія, а именно: противъ запроса Его Пр—ва, Господина Генералъ-маіора, Правителя Екатеринославскаго намѣстничества, и кавалера Ивана Максимовича Синельникова, объясненнаго въ сообщеніи здѣшняго городничаго, господина Коллежскаго Асессора Сухины, въ Полтавскомъ уѣздномъ судѣ выписано іюня 3-го дня 1786 года». Далѣе идетъ текстъ свѣдѣній по пунктамъ:

1-ый пунктъ. «Городъ Полтава съ котораго точно времени воспринялъ свое начало; кто былъ основателемъ онаго; почему дано оному нынѣшнее наименованіе и какія сей городъ имѣетъ привилегіи». Отвѣтомъ на этотъ пунктъ служатъ слѣдующія свѣдѣнія. «Городъ Полтава, по имѣющимся въ уѣздномъ архивѣ запискѣ и особо выпискѣ, имѣетъ свое основаніе съ 1608 года, когда Малая Россія присоединена была еще къ Коронѣ Польской и обыватели распространяли свои селенія внизъ по рѣкѣ Днѣпру. Въ то время изъ бывшаго Миргородскаго Малороссійскаго полку зашедшій съ 6-ю семьями козакъ по прозванію Масло, первоначально поселился на мѣстѣ томъ, гдѣ нынѣ городъ; названъ Полтавою по протекающей чрезъ городъ малой рѣчкѣ Полтавкѣ. При умноженіи жителей, для безопасности отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ, безпокоившихъ сіи пограничныя мѣста, новое селеніе обведено валомъ и укрѣплено палисадникомъ, а напослѣдокъ сіи укрѣпленія приведены обывателями въ лучшее оборонительное состояніе. Въ 1708-мъ и 709-мъ годахъ, при наступленіи въ Малороссію шведскихъ войскъ, городъ сей отъ самаго своего начала состоялъ въ числѣ десяти малороссійскихъ полковыхъ городовъ, кои суть: Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Стародубъ, Прилука, Гадячъ, Лубны, Переяславъ, Миргородъ, Полтава, и потому

[1]) Выписываемъ дословно изъ рукописи.

оный съ уѣздомъ доселѣ пользуется всѣми тѣми правами и преимуществами, каковыя имѣла Малая Россія, будучи присоединена къ коронѣ Польской, и которыя во время присоединенія ея, въ 1654 году, гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ въ державѣ Россійской подтверждены ей договорами статьями и высокомонаршими грамотами, именно: 1) Въ грамотѣ Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, данной гетману Богдану Хмельницкому и всему народу малороссійскому отъ сотворенія міра въ 7162 году, марта 13-го дня, между прочимъ сказано, что великій Государь, Его Царское Величество, гетмана Богдана Хмельницкаго (со всѣмъ малороссійскимъ народомъ) пожаловалъ велѣлъ имъ быть подъ Его Царскаго Величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковыя имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивать ничѣмъ не велѣлъ, а судиться имъ велѣлъ отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) Въ грамотѣ-жъ Его Царскаго Величества въ томъ же 7162-мъ году марта 24 дня, данной, написано: «шляхтѣ, которая пребываетъ въ Его Царскаго Величества отчинѣ, Малой Россіи, повелѣлъ Его Величество быть по прежнихъ ихъ правамъ и привилегіямъ и вольности отъ королей польскихъ и вольностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не нарушивать не велѣлъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и градскіе выбирать между себя самихъ и маетностями своими владѣть позволилъ». 3) Въ грамотѣ Государя Императора Петра Перваго 1708 года ноября въ 5-ый день, данной въ Глуховѣ, напечатано: «и можемъ непостыдно рещи, что никоторый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалиться не можетъ, какъ о нашей Царскаго Величества милости, Малороссійскій, ибо ни единаго пѣнязя въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краѣ съ нихъ брать не повелѣваемъ». 4) Вслѣдствіе того высочайшею грамотою, за подписаніемъ собственныя руки, 1708 года октября въ 28-й день данною, Его Величество Государь Императоръ Петръ Первый повелѣлъ оставить всѣ аренды и поборы, на малороссійскій народъ наложенные». 5) Въ грамотѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра I-го, 1709 года февраля въ—день данной въ Сумахъ, напечатано: «Малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца Его Величества, блаженныя памяти великаго государя Его Царскаго Величества руку свято содержывали и впредь со-

держивать будемъ, и оные вѣрные наши подданные по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ; отъ насъ-же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ». 6) Тѣ-же самыя права и преимущества подтверждены кромѣ того малороссійскому народу грамотами Государя Императора Петра I го 1708 года ноября въ 1-ый день, о избраніи вольными голосами гетмана на мѣсто измѣнившаго Мазепы, 1711 года генваря въ 5-ый день на утвержденіе гетманскаго достоинства гетману Скоропадскому. 7) Грамотою Государя Императора Петра 2-го въ 1728 году сентября въ 7-ый день на утвержденіе гетманскаго уряда гетману Апостолу. 8) Рѣшительными пунктами верховнаго тайнаго совѣта въ 1728 году августа 22 дня на поданное прошеніе гетмана Апостола 9) Грамотою Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1734 года генваря 31-го дня за подписомъ собственныя руки. 10) Грамотами Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1749 года декабря 15-го дня, о избраніи гетмана, и въ 1751 году мая 22 дня на утвержденіе гетманскаго достоинства графу Разумовскому. 11) Благополучно царствующей нынѣ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ разныхъ указахъ подтверждены тѣ-же права, вольности и преимущества всему вообще малороссійскому народу, которыми и городъ Полтава съ уѣздомъ, какъ и выше сказано, доселѣ пользуется шляхетство по силѣ привилегій, въ книгѣ статута напечатанныхъ. 12) Кромѣ того, въ особенности городу Полтавѣ за претерпѣніе долговременной отъ шведскихъ войскъ осады и другія понесенныя тяжести, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій въ 1718 году августа 12 дня подтвердилъ полковнику съ старшиною на дачу деревень, гетманами наданныхъ.

Хотя въ вышеприведенныхъ да ныхъ ничего особенно новаго и не встрѣчаемъ, но мы считали умѣстнымъ выписать ихъ въ виду того, что видимъ явно обнаружившееся желаніе у составителя записки о Полтавѣ подвести итоги всѣмъ тѣмъ привилегіямъ, для Малороссіи которыя ко времени составленія записки уже отсутствовали.

Пунктъ 2-ой. Имѣетъ-ли гербъ и по чьему точно повелѣнію присвоенный? Отвѣтъ на этотъ пунктъ краткій: «Городъ Полтава печать имѣлъ донынѣ лукъ, напряженный стрѣлою, окруженный звѣздами; таковъ гербъ, какъ по выправкамъ означено, бывшія здѣшнія правительства, полковая канцелярія и судъ земскій, имѣли съ дав-

нихъ лѣтъ, когда еще поддался подъ всероссійскую державу гетманъ Богданъ Хмельницкій».

Пунктъ 3 ій. На какомъ мѣстѣ имѣетъ свое положеніе означенный городъ Полтава? На этотъ пунктъ отвѣтъ данъ самый слабый: «оный городъ Полтава при рѣкѣ Ворсклѣ, положеніемъ на гористомъ мѣстѣ.

Другимъ представляющимъ для насъ нѣкоторый интересъ матеріаломъ являются рукописи, поступившія отъ библіотекаря Императ. Публичной Библіотеки В. В. Стасова и представляющія сборникъ бумагъ отца его, придворнаго архитектора Василія Петровича Стасова. Въ этомъ собраніи находятся по преимуществу записки и проекты о разныхъ постройкахъ храмовъ, дворцовъ, общественныхъ зданій и пр. Среди нихъ находимъ и его записку о сооруженіи Десятинной церкви въ Кіевѣ, писанную въ 1828 году, а также чертежи для производства работъ этой церкви (Отчетъ, стр. 188; въ Библіотекѣ зарегистровано: F. XIII, № 23, л. л. 82—89). Здѣсь находимъ подробное разсмотрѣніе техники предположенныхъ работъ, разсчитанныхъ на 7 лѣтъ; но такъ-какъ главный интересъ этихъ записокъ можетъ быть только для спеціалистовъ техниковъ, то мы болѣе подробно на нихъ останавливаться не будемъ.

Можно отмѣтить еще письмо М. А. Милорадовича (впослѣдствіи графа), писанное 30 іюня 1812 года къ Ник. Мих. Стороженку, бывшему много лѣтъ Черниговскимъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. Письмо Милорадовича, бывшаго тогда кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, касается вопроса объ образованіи украинскаго козачьяго войска въ 4-хъ полкахъ «изъ обывателей бывшей Польской Украины, заключающейся въ 12 уѣздахъ кіевской губерніи да 4 Каменецъ-Подольской». Просьба Милорадовича къ Стороженку оказать содѣйствіе къ поступленію въ эти полки извѣстныхъ ему отставныхъ и въ милиціи служившихъ офицеровъ. (Отчетъ, стр. 197-я).

Поступило въ библіотеку письмо и другого Милорадовича (Андрея Степановича), героя въ сраженіи съ турками подъ Мачинымъ въ 1771 году; но письмо это, написанное въ 1795 году къ управлявшему его Лукашовскимъ имѣніемъ корнету Кулешову, имѣетъ совершенно частный характеръ, касаясь имущественныхъ вопросовъ. (Отчетъ, стр. 197-я)

Если прибавимъ еще нѣсколько мелкихъ пріобрѣтеній, какъ-то: 1) собственноручное письмо Іосафата Кунцевича, писанное къ какому-

то игумену въ 1621 году (литографированное fac-simile этого письма было извѣстно раньше—см. Отчетъ Библіотеки за 1892-й годъ, стр. 219); 2) рукописный сборникъ конца XVIII вѣка, въ которомъ помѣщены между прочимъ стихотворенія Василія Рубана на побѣды надъ турками въ 1770 году; 3) Литовскій статутъ и Трибуналъ, скоропись 1738 года,—то вотъ, кажется, и все, чѣмъ обогатилась Императорская Публичная Библіотека въ 1895 году по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ Югу Россіи.

В. Н—ко.

С. Гамченко. *Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стуга», близъ с. Студенца, Житомірскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 8⁰ (Оттискъ изъ XIII-ой книги „Чтеній въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца»).*

Настоящая работа, снабженная многочисленными планами является результатомъ тщательныхъ изслѣдованій г. Гамченка въ мѣстности на высохшей рѣчкѣ Стугѣ, вблизи с. Студенца. Изслѣдованія произведенныя въ 1892 г., обняли собой раскопку островка, на которомъ обнаружены слѣды поселка, и 15-ти кургановъ изъ 30-ти, расположенныхъ по близости поселка. Работа распадается на части: въ первой данъ географическій очеркъ и внѣшнее описаніе мѣстности, изложены способы и пріемы раскопокъ, дана характеристика похороннаго обряда встрѣченной культуры, объяснена зависимость поселка и могильника. Вторая часть заключаетъ подробный дневникъ раскопокъ. Курганы въ дневникѣ раздѣляются на большіе, средніе, малые и едва примѣтные; каждый изъ нихъ окруженъ ровикомъ. Покойники хоронились въ насыпи, на горизонтѣ земли и ниже послѣдняго, причемъ погребеніе въ насыпи кургана примѣнялось только къ дѣтямъ; иногда въ одномъ курганѣ встрѣчались два скелета—мужской и женскій, а въ насыпи еще дѣтскій, такъ что такіе курганы можно считать семейными. Покойники клались на спину, въ вышеупомянутомъ положеніи, головой на западъ; хоронились въ гробахъ, сколоченныхъ изъ дубовыхъ досокъ или выжженныхъ колодахъ. Находки предметовъ въ насыпяхъ, курганахъ и при скелетахъ очень незначительны: желѣзные гвозди, которыми сбиваются гробы, черепки

отъ сосудовъ, серебряныя проволочныя кольца на пальцахъ и у висковъ, серебряная бусинка. Кромѣ того, въ могилахъ, встрѣчались угли и обожженные комки земли, присутствіе которыхъ, какъ и черепковъ, авторъ считаетъ принадлежностью похороннаго обряда; онъ говоритъ: „Первоначально было обычаемъ жечь костеръ на уровнѣ погребенія, что являлось остаткомъ или переживаніемъ болѣе древняго обряда — сжигать трупъ на кострѣ. Впослѣдствіи сжиганіе костра замѣнилось посыпаніемъ гроба покойника и погребальной ямы углями". Островокъ, гдѣ сдѣланы раскопки канавами и траншеями, не великъ: 300 шаговъ длины и 100 ширины: на одной трети длины островъ перерѣзанъ сѣдловинкой, представляющей изъ себя искусственный ровъ, наполнявшійся водою р. Стуги; съ остальной возвышенностью островокъ соединялся плотиной; т. о. островокъ имѣлъ назначеніе укрѣпленнаго пункта. Въ культурномъ слоѣ, встрѣченномъ въ почвѣ островка, найдены черепки глиняной посуды, куски жернововъ ручныхъ мельницъ—гранитный и изъ плотной кирпичной массы, желѣзные ножики, ножницы, гвозди, желѣзный шлакъ, осколки, повидимому, стеклянныхъ браслетовъ, обожженныя кости животныхъ и, наконецъ, остатки очага. Культурные остатки островка, указывающіе на необитаемость его, вполнѣ аналогичны найденнымъ въ курганахъ, отсюда само собой вытекаетъ заключеніе, что курганная группа служила кладбищемъ поселку. Авторъ считаетъ могильникъ принадлежащимъ племени древлянъ и относитъ его къ VII—IX столѣтію. Не имѣя ничего противъ перваго, мы не можемъ вполнѣ согласиться со вторымъ положеніемъ: какъ способъ погребенія, такъ и особенно культура поселка указываютъ скорѣе на XI—XII в. Въ заключеніе мы должны сказать, что настоящій трудъ г. Гамченка, какъ и прежнія его работы, въ описываемой части исполненъ безукоризненно: все описано и измѣрено до мелочей, даже пожалуй, подробности, въ которыя вдается авторъ, напр. при описаніи гвоздей, черепковъ, занимающія цѣлыя страницы, представляются и излишними.

Б.

Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. *Древности русскія. Кресты и образки. Вып. 2-й. Кіевъ. 1900. 4°.*

Въ прошломъ году вышелъ 1-й вып. этого роскошнаго изданія, въ настоящемъ уже слѣдуетъ другой, заключающій массу снимковъ

(на 16-ти таблицахъ) съ крестиковъ, энколпіоновъ и образковъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства въ Россіи по XVIII в. включительно. И этотъ выпускъ даетъ очень много цѣннаго матеріала, по большей части еще неизданнаго. Въ изданіе включены какъ снимки съ предметовъ, составляющихъ новыя пріобрѣтенія собранія Ханенка, такъ и хранящихся въ другихъ собраніяхъ г. Кіева. Большинство падаетъ на долю собранія владѣльца; предметы происходятъ гл. образ. изъ Кіевской губ.—изъ городищъ, расположенныхъ вблизи устья р. Роси и мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву; многіе изъ нихъ составляютъ часть собранія покойнаго Н. П. Чернева, пріобрѣтеннаго г. Ханенко. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ нововведенію, какое заключаетъ настоящій выпускъ, именно—къ изданію предметовъ и не принадлежащихъ собранію Ханенка, благодаря этому много рѣдкихъ экземпляровъ, наконецъ, увидало свѣтъ. По времени большинство таблицъ пополнено снимками съ предметовъ X—XIII в., на долю остальныхъ вѣковъ осталось всего 2—3 таблицы, и нужно сознаться, что предметы, тамъ изображенные, не отличаются особенной типичностью. На нашъ взглядъ, болѣе раціональнымъ было-бы совсѣмъ не включать этихъ послѣднихъ въ настоящій выпускъ, а посвятить имъ спеціальный, куда помѣстить болѣе характерные предметы и съ большимъ выборомъ; матеріала-же, принимая во вниманіе указанное выше нововведеніе, нашлось-бы достаточно. Снимки, какъ и въ первомъ выпускѣ, снабжены описаніями предметовъ съ указаніями на эпоху и мѣсто находки. Въ небольшомъ введеніи, предпосланномъ выпуску, дана общая характеристика различныхъ видовъ этихъ религіозныхъ памятниковъ старины.

Б.

И. Мыронъ. *Абу-Кàземови капци (Арабська казка). № 12. У Черкассахъ, 1899 р. стр. 1—64. Цина 5 коп.*

Среди крупныхъ произведеній беллетристическаго характера, въ малорусской литературѣ появляются иногда небольшія, но талантливыя вещицы, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе. Къ таковымъ, по всей справедливости, можно отнести небольшую, но замѣчательно художественную передѣланную И. Мыромъ сказку въ стихахъ— «Абу-Кàземови капци».

Сюжетомъ этой общеизвѣстной сказки являются похожденія Абу-Кàзема, или, вѣрнѣе, его „капцивъ“ (туфель). Въ рядѣ остроумныхъ и художественно выдержанныхъ сценъ—повѣствуется, какимъ образомъ „капци“ Абу-Кàзема, благодаря различнымъ счастливымъ (или для Абу-Кàзема—несчастливымъ) стеченіямъ обстоятельствъ, всякій разъ возвращаются обратно къ ихъ обладателю, какъ только онъ пожелаетъ отъ нихъ освободиться. Въ уплатѣ штрафовъ за ущербы, причиняемые его злополучными капцями, Абу-Кàземъ, наконецъ, теряетъ все свое богатство. Это обстоятельство совершаетъ въ немъ переломъ, и онъ совершенно нравственно перерождается.

Въ первыхъ строфахъ сказки Абу-Кàземъ рисуется, какъ

. . . „стара катрага
„Та такый вамъ скупердяга,
„Що шукать по всій земли“.

Послѣ-же неудачныхъ попытокъ сбыть свои „капци“, которые онъ считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій, съ нимъ происходитъ перемѣна,—онъ вдругъ

. . . „ставъ правдыво
„Щырымъ, дійснымъ жебракомъ,
„Вулицямы волочывся,
„Пидъ мечетямы молывся,
„Трычи въ Мекку йшовъ пишкомъ... и т. д.

Слава его росла, и по смерти—„винъ турецькымъ ставъ святымъ“.

Книга эта во всякомъ случаѣ съ интересомъ прочтется какъ дѣтьми, такъ и взрослыми. Для народнаго чтенія она вполнѣ доступна, легка и занимательна.

С. Р.

Galicya w obrazach. *Zebrał i wydał K. Wozniak. Zbior fotografij naibardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starozytnosci i dzieł sztuki. Krakow, 1900, in 4°. Zeszyt 1.*

Объ этомъ изданіи, выходящемъ въ Краковѣ и поставившемъ себѣ задачу—посредствомъ фототипическихъ снимковъ, исполненныхъ

по фотографіямъ, представитъ «Галицію въ картинахъ»,—мы пока не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ до сихъ поръ полученъ въ Кіевѣ только первый его выпускъ. Онъ заключаетъ въ себѣ общій видъ Львова и виды разныхъ зданій львовскихъ и краковскихъ. Снимки сопровождаются краткимъ объяснительнымъ текстомъ, который напечатанъ мелкимъ шрифтомъ подъ самыми рисунками. Если и слѣдующіе выпуски, также какъ и первый, будутъ заключать въ себѣ исключительно виды зданій, интересныхъ при томъ болѣе для поляковъ, чѣмъ для русиновъ, то это изданіе не представитъ для нашихъ читателей особеннаго интереса. Впрочемъ подождемъ—увидимъ.

Н. Ш.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Европы, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 3; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 5; 7) Ateneum № 5; 8) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 9) Slovanský přehled, № 8 (5); 10) Научное Обозрѣніе, № 5; 11) Восходъ, № 4; 12) Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3; 13) Извѣстія Общества Арх., Ист., Этнографіи № 3; 14) Wisła, № 3—4; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1, 2, 3 и 4; 17) Русская Мысль, № 4 и 5; 18) Biblioteka Warszawska, № 5; 19) Русская Школа, № 4; 20) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

Русскій Архивъ № 5.

На стр. 82—92 помѣщенъ сочувственный отзывъ С. Кедрова о трудѣ проф. В. Ключевскаго «Краткое пособіе по русской исторіи».

Русская Старина № 5.

П. ф. К. Къ исторіи русской литературы. Собственноручныя письма А. А. Краевскаго—Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ-Основьяненко (стр. 293—301).

4 письма А. А. Краевскаго 1839—1840 годовъ, представляющія интересный матеріалъ для исторіи «Отечественныхъ Записокъ».

Волынское Дворянство въ 1812 году.

Письмо А. Д. Балашова—графу А. А. Аракчееву отъ 23 августа 1812 года за № 44 и записка графа Аракчеева А. Д. Балашову (стр. 260).

Вслѣдствіе доношенія волынскаго губернатора А. Д. Балашову о томъ, что тамошнее дворянство вообще мало оказало усердія въ дѣлѣ ополченія, будучи, по мнѣнію его, даже готово «на большія пособія противной сторонѣ», Императоръ Александръ I, послѣ доклада ему объ этомъ, повелѣлъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Ополченію въ Волынской губерніи не быть.

2) Сію губернію и Подольскую, въ повинностяхъ набора рекрутъ, сравнить съ прочими губерніями, не имѣющими внутренняго ополченія; слѣдовательно, къ собираемымъ уже со ста душъ по одному рекруту, дать указъ, собирать съ оныхъ губерній, по послѣднему о наборѣ рекрутъ манифесту, еще со ста душъ по одному.

3) Позволить въ обѣихъ сихъ губерніяхъ вмѣсто рекрута отдавать четырехъ строевыхъ лошадей, положивъ правиломъ, дабы непремѣнно лошадей собрано было не менѣе въ каждой губерніи, какъ за половину рекрутъ.

4) Для пріема сихъ лошадей въ обѣихъ губерніяхъ назначенъ будетъ особый воинскій генералъ, который получитъ особую себѣ инструкцію, съ которой копія доставится министру полиціи (24 авг. 1812 года).

Въ «Библіографическомъ листкѣ» (на оберткѣ) даны отзывы о книгахъ: «Изъ Украинской Старины. Рис. академ. С. Васильковскаго и Н. Самокиша. Текстъ проф. Д. Эварницкаго. Изд. А. Ф. Маркса СПБ. 1900»; Н. Н. Каннвецкій «Изъ былого Черноморья». Екатеринодаръ 1900. Ц. 1 р.; «Григорій Саввичъ Сковорода, украинскій философъ-проповѣдникъ». Сост. Я. Д. Верховецъ. СПБ. 1899.

Историческій Вѣстникъ № 5.

В. Е. Рудаковъ. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (некрологъ) (стр. 617—632).

Въ некрологъ вошелъ полный перечень трудовъ покойнаго Л. Н. Майкова. Изъ относящихся къ Югу Россіи работъ можно ука-

зать: «О былинахъ Владимірова цикла» (СПБ. 1863); «Симеонъ Полоцкій» (Древняя и Новая Россія, 1875, т. III, также въ отдѣльной книгѣ: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ», 1889 г.) «Библіографическія замѣтки объ изданіи проповѣдей Лазаря Барановича» (Рус. Архивъ, 1875 т. III); «Челобитная Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу о напечатаніи сочиненія его «Трубы» (ib.); рецензія на редактированное проф. Д. И. Багалѣемъ «Собраніе сочиненій Гр. С. Сковороды», въ которомъ указано не мало ошибокъ въ обработкѣ матеріала и пропусковъ, особенно въ I главѣ («Журн. М. Н. Пр., 1894, № 12); «Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ» (по поводу появленія въ свѣтъ книги г. Горленка «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в.») (Журн. М. Н. Пр., 1893, № 5); «Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 г.г. Замѣтки о его судьбѣ («Русская Старина, 1876 г., т. XV); некрологъ И. И. Срезневскаго («Журн. М. Н. Пр., 1880, № 3), «Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 г.» (1868 г.).

Вѣстникъ Европы № 5.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» (стр. 369—374) помѣщена рецензія г. *Т.* на книгу «Л. Василевскій. Современная Галиція. СПБ. 1900».

Русская Мысль № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 131—132) данъ отзывъ о книгѣ «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Т. I. (до 1670)».

Въ отдѣлѣ библіографіи (№ 5) даны отзывы о книгахъ: Т. И. Осадчаго «Земля и земледѣльцы въ Юго-западномъ краѣ. Кіевъ, 1899» и В. Бертензона «По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки. Выпускъ III. Одесса, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 5.

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха (Посвящается незабвенной памяти Н. А. Лавровскаго и В. В. Болотова) (Продолженіе слѣдуетъ) (стр. 96—138).

Разбирая мнѣнія историковъ Погодина, Соловьева и др. о времени написанія поученія Мономаха, различныя у каждаго, авторъ полагаетъ, что вопросъ этотъ можно рѣшить,—только идти къ этому нужно инымъ путемъ, чѣмъ Карамзинъ и Погодинъ: надо вникнуть въ поученіе поглубже. Съ этой цѣлью онъ занимается сопоставленіемъ каждаго изъ упоминаемыхъ въ поученіи походовъ съ соотвѣтствующими указаніями лѣтописи и опредѣляетъ хронологію событій на основаніи подробныхъ изслѣдованій.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 5.

Отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской въ 1899 году (стр. 1—2).

Изъ отчета между прочимъ явствуетъ: I) что къ 1 января 1900 года въ Центр. Архивѣ состояло: a) актовыхъ книгъ—5920 b) вновь переплетенныхъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ документовъ—25, c) отдѣльныхъ документовъ въ связкахъ 441197, d) старыхъ дѣлъ—около 68538, e) разныхъ писемъ, записокъ и старыхъ дѣлъ текущаго столѣтія—2 связки. II)—Находилось на лицо 130 описей къ 130 актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 35994 отдѣльныхъ документа. Вътеченіе 1899 года составлено 30 описей къ 30 книгамъ (829 документовъ); итого—160 описей къ 160 книгамъ (36823 документа); изъ нихъ: 59 отпечатаны, 7 разрѣшены къ печати, 2 печатаются, а остальныя 92—приготовляются къ печати.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1—4.

И. Смирновъ. Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ (продолженіе) [1]) (стр. 13—108 въ № 1), 25—54 (въ № 4). Первыя упоминанія о славянахъ.—Появленіе славянъ на Дунаѣ и распаденіе на группы: словинскую и болгарскую (въ 3-й четверти V в.).—Славяне на Балканскомъ полуостровѣ (въ VI, а въ особенности въ началѣ VII в.).

Начало см. въ 7—8 кн. прошл. года, стр. 113—144 (I. Обзоръ географическихъ условій. Доисторическое прошлое Балканскаго полуострова. Ѳрако-Иллирійцы. Римская колонизація).

Отдѣлъ 1. Развитіе матеріальной культуры. Процессъ питанія (добываніе питательныхъ матеріаловъ и ихъ потребленіе).—Формы осѣдлости (жилища вообще).—Одежда.

II. Эволюція семьи и кровнаго союза.

Приложенія (№ 4).

В. Бѣлородицкій. Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ. Глава III. Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, съ физіологическими разъясненіями. (стр. 140). Въ раздѣлѣ: Аріо-европейскій праязыкъ авторъ дѣлаетъ попытку выразить въ цифрахъ діалектическія различія неударяемыхъ слоговъ въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія въ говорахъ и нарѣчіяхъ русскаго языка, судя по даннымъ неударяемаго вокализма въ этихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

Отношеніе слѣдующее:	Неударяемые слоги: Сила.	Высота.	Длительн.	Качество.
Общерус. (?!) и юж.-влр. .	1	2	3	1
Сѣв.-влр.	2	$2^1/_2$	3	2
Бѣлорус.	1	$1(1^1/_2)$	3	1
Малор.	$1^1/_2$	$1^1/_2$	3	2

Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки (Продолженіе) (стр. 673—704).—Харьковскіе профессоры: І. Шадъ, Л. Г. Якобъ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 5.

Е. Ф. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 153—192).

Изобрѣтеніе славянской кирилловской азбуки, сравненіе ея съ греческой. Типы письма: уставъ, полууставъ, скоропись. Начертаніе отдѣльныхъ знаковъ. Вопросъ о глаголицѣ у русскихъ. Знаки препинанія, знаки въ качествѣ нѣкотораго орнамента; нотные знаки.—Внѣшній видъ записаннаго листа; вязь, видъ подписей, заглавій книгъ и статей, заключеній, приписокъ. Акростихъ и другія рѣдкія формы письма.

Труды Кіевской Духовной Академіи № 4.

Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 579—610).

Въ настоящей статьѣ авторъ занялся провѣркой хода и результатовъ изслѣдованія г. Истомина объ упраздненной нынѣ лаврской стѣнописи, который придерживается того мнѣнія, что, «при каждомъ росписаніи лавры содержаніе историческихъ картинъ и св. иконъ, сюжеты ихъ и сопровождавшіе ихъ тексты св. Писанія передавались почти неизмѣнно изъ вѣка въ вѣкъ», отъ конца XI вѣка и до позднѣйшаго времени.

Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи за 1899 годъ (стр. 1—36). Составъ Общества.—Приращенія Музея и библіотеки.—Занятія Общества.—Денежныя средства Общества.—Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-Археологическое Общество.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 3.

М. Загирня и Б. Гринченко. Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ (1827—1843). (Біографическій очеркъ) (стр. 128—175).

Біографія Леонида Ивановича.—Литературная дѣятельность и изданія его произведеній.—Издательская дѣятельность Л. И. («Черниговской листокъ» на русскомъ и малорусскомъ языкахъ).—Разборъ басенъ Глѣбова.

Статья снабжена обстоятельнымъ библіографическимъ указателемъ печатныхъ малорусскихъ сочиненій Л. И. Глѣбова (въ Россіи и заграницей).

Въ «Приложеніи»—*Н. П. Василенко.* Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 49—80).

Літературно-Науковий Вістник № 5.

Із оповідань Наталки Полтавки. Кому яке діло?! (Оповіданне мого товариша) (стр. 129—133).

Психологическій очеркъ.

Із малюнків Надії Кибальчич. I. На полюванні. II. Весною. III. Десь грають IV. З громади V. Весільні співи. VI. Нарис (стр. 134—156).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 157—176).

Буденний хліб. Нариси Антона Крушельницького: I. На порозі життя. II. У родичів. III. Перший день IV. На авдиенціі. V. У пітьмі ночи (стр. 177—201).

Ескізи і малюнки: I. Хто винень? II. Божевільний—Михайла Галущинського (стр. 202—203), III. Така... дурна справа—Ореста Авдиковича (205—209), IV. Свічник—Івана Брика (стр. 209—212).

Із англійських повтів: Із Персі Біша Шеллі. З берега моря—перекл. А. Л. (стр. 213), Із Томаса Гуда, Феліціі Гімене, Роберта Нікколя, Альфреда Теннісона, Шекспіра, Томаса Мура, Андрія Парка—переклад Павла Грабовського (стр. 214—218).

Чукчи. Оповідане Вацлава Серошевського. Переклав з польского Антін Крушельницький (стр. 219—242).

Хліборобські спілки М. Левітського. Михайла Р—ва (стр. 65—76).

Интересная статья, знакомящая читателей съ исторіей развитія южно-русскихъ артелей, основанныхъ Н. Левитскимъ, а также съ практическими результатами ихъ примѣненія (экономическимъ улучшеніемъ быта крестьянъ).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (далі) (стр. 77—107).

Исторія произведеній Кулиша съ 1853—1864 г.г.—О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверною; Записки о южной Руси; Народныя пѣсни; Граматка; Проповѣди; Работы по изданію произведеній Гоголя, Квитки, М. Вовчка и Шевченка; Хата и Основа; Переводы; Повѣсть о южной Руси; Липовыя пущи; Майоръ; Исправницкая дочка; Украинскія незабудки; Другой человѣкъ; Дивоче серце; Тайна; Досьвитки; Историческія и литературно-критическія изслѣдованія; Мартынъ Гакъ; Браты.

Музей Василя Тарновського.—Немірича (стр. 108—125). Авторъ знакомитъ читателей съ богатымъ содержаніемъ коллекціи покойнаго В. В. Тарновскаго, при чемъ останавливается на изложеніи вопроса о принятіи и устройствѣ музея въ Черниговѣ; изъ послѣдняго можно заключить, что черниговское земство въ лицѣ значительнаго количества представителей его не доросло еще до сознанія полезности учрежденія музеевъ.

Хроніка і бібліографія (стр. 126—144).

Wisła, Tom XIV, zeszyt 2.

E. Majewski. Rodzina kruków (Corvinae), стр. 152—179.

Ворона (Wrona), гайворонъ (gawron), гава (kawa), сорока (sroka).

Отраженіе рода «круковъ» въ языкѣ, въ исторической и географической терминологіи (польскаго народа, преимущественно), въ этнографіи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i krytyka» (стр. 207—208) данъ отзывъ о книгѣ Alex. Stekert'a: «Przydomki polskie i rusińskie, 1896, Kraków».

Въ рубрикѣ «Z Akademji, Towarzystw i Muzeów» (стр. 228—231) разсмотрѣнъ интересный трудъ Д-ра J. Leciejewsk'аго «Kuny i pomniki runiczne slowiańskie». Авторъ главнымъ образомъ занялся разсмотрѣніемъ автентичныхъ руническихъ славянскихъ памятниковъ, которыхъ ему удалось собрать: 4—польскихъ, 2—чешскихъ, 1—словацкій, 2—русскихъ (rosyjski) и 1—украинскій (ruski). Послѣдній—урна, найденная въ с. Чехахъ, Бродскаго у.; вся надпись состоитъ изъ одной руны, вѣтвистой, означающей букву Л. Она свидѣтельствуетъ о большомъ употребленіи рунъ на Руси, ибо вѣтвистыя руны возникаютъ лишь тамъ, гдѣ обыкновенныя руны хорошо извѣстны. Окончательный выводъ автора тотъ, что славяне знали руническое письмо и употребляли его; что-же касается ихъ появленія у славянъ, то на южныхъ славянъ оказывали вліяніе южные германцы, на сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ—скандинавы.

На стр. 150 помѣщенъ хорошо исполненный фотографическій снимокъ «Typ włościan Podolskich» (изъ с. Мукши, нов. Каменецкаго)—мущины, женщины и мальчика, въ обычномъ костюмѣ.

Slovansky prehled, č. 8 (5).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy (стр. 399)—упоминается о дѣятельности Наукового Товарищества ім. Шевченка, о проектѣ основанія въ Коломыѣ малорусскаго высшаго женскаго училища; о спорѣ о малорусскомъ языкѣ (по поводу статьи проф. В. Антоновича).

Przewodnik naukowy i literacki, № 5.

Dr. Bronislaw Lozińsky. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 417—436).

Назначеніе Вацлава Залескаго губернаторомъ Галичины въ 1848 г. и его мѣропріятія для усмиренія возникавшаго движенія въ народѣ (обращеніе по этому поводу къ митрополиту Левицкому).

Бомбардированіе Львова.—Установленіе въ Галичинѣ военнаго положенія.—Административное раздѣленіе края.

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w rzeczypospolitej (Ciąg dalszy) (стр. 488—494).

Крой панталонъ и способъ ношенія ихъ (на тесмѣ=очкуръ). Обувь и шитье ея; матеріалъ для обуви (сафьянъ); употребленіе «онучъ» и соломенной подстилки.

Dr. Stanisław Kutrzeba. Podwody miast polskich do roku 1564 (стр. 495—509).

Очеркъ въ общихъ чертахъ институціи, извѣстной въ исторіи Польши: доставленіе подводъ.

Неясность происхожденія этой институціи.—Актъ Ягелла (1409 г.) по поводу вопроса о подводахъ. Значеніе этого акта для Руси (Львовъ, Перемышль, Коломыя).—Петиція шляхты (1492 г.) по поводу подводъ.—Декларація Сигизмунда I (1508 г.).—Универсалы о подводахъ 1564 и 1565 г.г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 23 и 24 (за минувш. годъ) словинскаго иллюстрированнаго журнала «Dom in Svet» въ статьѣ г. Podravsk'аго «Črtice iz maloruske književnosi» говорится объ украинской литературѣ въ 60 гг. (Вечерницi, Мета, Русалка, Правда) и затѣмъ—въ послѣднее время („Зоря", „Просьвіта", Общество Качковского, Товарищество ім. Шевченка). Изъ писателей авторъ упоминаетъ лишь Конисскаго и Федьковича.

Въ № 26 одесскаго журнала „Театръ" помѣщена статья Сергѣя Бердяева подъ загл. „Идейная малорусская драма" (письмо изъ Кіева), въ которой авторъ останавливается прежде всего на указаніи степени выработанности малорусскаго языка и его широкомъ примѣненіи (въ Австро-Венгріи), а затѣмъ даетъ обстоятельную оцѣнку драмы И. К. Карпенка-Карого «Сава Чалый».

Въ № 113 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" помѣщена статья Н. Левитскаго „Къ вопросу о земледѣльческихъ артеляхъ".

Въ виду того, что многіе обращаются къ автору за разъясненіями относительно изданнаго имъ пространнаго артельнаго договора

и артельнаго дѣла вообще, и во избѣжаніе недоразумѣній, уже имѣвшихъ мѣсто и могущихъ быть еще впереди, Н. Левитскій въ указанной статьѣ даетъ объясненія по поводу артельнаго дѣла вообще и въ частности—основного характера артельнаго договора.

—

Въ №№ 44—46 „Буковини" помѣщена статья Леси Украинки „Писателї—Русини на Буковинї" (рефератъ, читанный въ минувш. году въ Кіевскомъ Литературно-артистическомъ Обществѣ). Авторъ, задавшись цѣлью охарактеризовать буковинскихъ писателей—русиновъ, останавливается на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Осипа Федьковича, а также двухъ талантливыхъ писателей 90-хъ гг.—Ольги Кобылянской и Васыля Стефаныка.

—

Въ № № 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72 и 73 газеты «Волынь» помѣщена большая статья „Семейныя отношенія въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. (Лекція, прочитанная О. А. Фотинскимъ 19 марта, въ залѣ публичной библіотеки).

Исходя изъ того положенія, что XVI—XVII вв. являются въ исторіи нашего края эпохою борьбы между старыми и новыми идеями, авторъ, сдѣлавши краткое отступленіе для опредѣленія отличительныхъ особенностей родового быта вообще и его проявленій въ первобытной исторіи русскихъ славянъ, останавливается затѣмъ на особенностяхъ заключенія браковъ въ южной Руси въ разсматриваемую имъ эпоху (змовины, заручины, веселье, свободный выборъ и равноправность супруговъ, разводъ).

—

Въ № 6653 газеты „Южный Край" помѣщена статья «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», въ которой высказывается желаніе 1) привести въ извѣстность предметы древности, находящіеся въ частныхъ рукахъ у жителей харьковской губерніи, 2) произвести возможно большее число раскопокъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Въ послѣднемъ случаѣ желательно было бы, чтобы землевладѣльцы и другія лица, на земляхъ которыхъ имѣются курганы, обратились за научнымъ содѣйствіемъ для раскопки ихъ въ харьковскій предварительный комитетъ и согласились принять на себя сопряженныя съ раскопками издержки, которыя, вообще говоря, не могутъ быть особенно значительны.

Сообщать всѣ необходимыя свѣдѣнія о коллекціяхъ и отдѣльныхъ предметахъ древностей, а также обращаться съ предложеніями по производству раскопокъ кургановъ просятъ въ Харьковъ, университетъ, предварительному комитету, или предсѣдателю его—проф. Д. И. Багалѣю, или секретарю—проф. Е. К. Рѣдину.

—

Въ № 32 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщена любопытная статья „Слово правды о Буковинѣ". Начавъ со справедливаго замѣчанія о томъ, что «ошибаются тѣ, которые думаютъ, что малороссійское печатное слово, особенно заграничное, должно быть чѣмъ-то сепаратистическимъ и враждебнымъ по отношенію къ обще-русской государственной идеѣ», редакція газеты удѣляетъ затѣмъ мѣсто изложенію ненормальнаго положенія Буковины и Галичины, какъ въ сферѣ государственныхъ отношеній, такъ и церковныхъ, сочувствуетъ страданіямъ русиновъ, терпящихъ у себя на родинѣ „не отъ нѣмцевъ и не столько отъ поляковъ, сколько отъ своей же собственной братіи, всецѣло продавшей себя существующему режиму». До сихъ поръ газета права безусловно въ своихъ заявленіяхъ. Но когда далѣе затѣмъ въ числѣ общихъ враговъ австрійской Руси упоминаются Барвинскій и Смаль-Стоцкій, посвятившіе всю жизнь свою на благо и преуспѣваніе во всемъ родного имъ народа,—приходится призадуматься... Ясно, что редакція была введена въ заблужденіе сообщеніями австрійскаго quasi-малорусск. изданія „Правосл. Буковина", на которое ссылается редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", и характеръ котораго лучше всего можетъ быть понятъ изъ его-же словъ, цитируемыхъ въ данной статьѣ: „характерно, что за нами слѣдятъ найбольше наши сепаратисты, зовущіи себе украйнцами. *Ихъ доносы* на нашу *историческую* партію сталися классическими" (?!).

—

Въ № 126 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" помѣщена статья «Земледѣльческіе кружки въ Галиціи», основанная на данныхъ, заимствованныхъ изъ недавно вышедшей книги Л. Василевскаго «Современная Галиція» Спб. 1900.

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію (по 1 марта 1900 г.) 1) Клопоты. Комедія на три діи зъ мищанського побуту *А. Ф. Володского.* 2) Крадене щастя. Драматычни картыны зъ сельського

побуту у 5 діяхъ зъ спивамы, хорамы и танцямы. *М. Ѳ. Здановскои.* (Правит. Вѣстникъ, № 98).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акты Литовско-Русскаго государства, изданные М. Довнаръ-Запольскимъ. Вып. I (1390—1529). Москва, 1900, I—XII, 1—258, in 4⁰. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. Проф. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (По поводу статьи Т. Д. Флоринскаго). Кіевъ, 1900 г., 1—28. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Цѣна 20 к.

Барвинокъ Ганна. Вирна пара. Въ осены лито. Спасенна пара. (Съ портретомъ Г. Барвинокъ). Изданіе благотворит. Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 5. Спбр. 1900, 1—40, in 32⁰. Цина 3 к.

Бартошевскій Іоанъ. Проповѣди недѣльни для сельского народа. Друге доповнене выданє. Львовъ, 1900. Накладомъ автора. Изъ типографіи Ставропигійского Института. Стр. 416, in 8⁰. Ціна 2 зл. р.

Беренштамъ В. Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). Кіевъ, 1900, 1—12. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина.»

Бертенсонъ В. А. По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. III. Одесса, 1900. Ц 60 к.

Bolcewicz B. Katalog monet polsckich i z Polską styczność mających od czasów najdawniejszych do roku 1795. Warszawa, 1900.

Буря. Драма въ 5 діях А. Н. Островского. З росийского переклав і видав М. Павлик. Львів, 1900. З нар. друкарні Ст. Манецкого і Спілки.

Василевскій Л. Современная Галиція. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. С.-Петерб., т. т-ва «Народная Польза» 1900, I—IV, 1—231+карта Галиціи. Содержаніе: I. Историческій очеркъ. II. Страна и народъ. III. Города Галиціи. IV. Экономическое положеніе. V. Земледѣльческіе кружки. VI. Народное просвѣщеніе VII. Партійныя отношенія. VIII. Русинское движеніе IX. Литературная и умственная жизнь.

Верхратський Іван. Про говор долівський Львивъ, 1900, стр. 128, 8⁰. Ціна 65 кр.

Владиміровъ, П. В. Научное изученіе апокрифовъ, отреченныхъ книгъ, въ русской литературѣ во второй половинѣ XIX столѣтія. Кіевъ, 1900. Ц. 60 к.

Вовчокъ Марко. Павло Чорнокрылъ. Повѣсть о томъ, какъ мужъ жену убилъ и что изъ этого вышло. Москва, 1899. Тип. Товар. И. Д. Сытина, in 16°, 1—72.

Гавриловъ П. Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVIII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина)». Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Гнатюк Володимир. Русини Пряшівської епархіи і іхъ говори. Львів, 1900, ст. 70, in 8°. Ціна 35 кр.

Гринченко, Б. Народные спектакли. Черниговъ, 1900. Ц. 25 к.

Gryf. Administracya polityczna w Galicyi w świetlie prawdy, rzecz poświęcona J. Ex. Namiestnikowi hr. Leonowi Pinińskiemu, Lwów, 1900.

Dubiechi Maryan. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Дымчевскій, А. Думки. Стихотворенія. Ростовъ-на-Дону. 1899. Тип. Ф. Шульманъ, in 8°, 62+2 стр. Ц. 60 к.

Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго земства на 1898 годъ, Годъ 4. Полтава, тип.-лит. И. Дохмана, 1900, 1—176, 1—229, 1—36. Содержаніе: Отдѣлъ статистико-экономическихъ свѣдѣній о губерніи, отдѣлъ свѣдѣній по земскому хозяйству;—приложенія: Важнѣйшія постановленія земскихъ собраній Полт. губ. сессіи 1897 г. по народному образованію.

Житецкій П. И. Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Посвящается г. Полтавѣ, родинѣ И. П. Котляревскаго. Изд. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1900, 1—130, in 8°. Ц. 2 р.

Записки Науковою Товариства імени Шевченка. Томи XXXV и XXXVI. Зміст (реферати, призначені на київський археольогічний зізд,—друга половина: язик і істория літератури). 1) Передне слово (по німецьки) (ст. 5—6) 2) Резюме всіх зголошених рефератів із язикознавства и історії літератури (по німецьки) (ст. 7—23). 3) Передне слово (по руськи) (ст. 24—25). Реферати подани в скороченю: 1) Носови звуки въ словянських мовах, Олександра Барвінського (ст. 3—5). 2) Причинки до історії угро-руської мови і літератури, д-ра Олександра Колесси, ст. 6. 3) Причинок до пізнання роз-

витку народньої мови въ письменстві у Галицьких Русинів, Іллі Кокорудза, ст. 7—8. 4) Про наголос в українсько-руській мові, д-ра Володимира Охримовича, ст. 9. 5) Історичне тло Слова о полку Ігоревім, д-ра Володимира Коцовського ст. 10—12) 6) Карпаторуське письменство XVII—XVIII в. в., д-ра Івана Франка, ст. 13—14. Реферати подані въ цілости: 1) Про говор долівський, написав Іван Верхратський, ст. 128. 2) Русини Пряшівської епархіи і їх говори, написав Володимир Гнатюк, ст. 1—70. 3) Слово о Лазаревѣ воскресеніи, стародруська поема на апокріфічні теми,—розвідка д-ра Івана Франка, ст, 1—57. 4) Новий причинок до студий над Іваном Вишенським, його ж ст. 1—4. 5) Псевдо-Матвіеве евангеліе и дітство Маріи та його сліды в українсько-руській літературі, його ж, ст. 1—32. 6) Хто був автором 'Αντίῤῥησις'а? написав др. Кирило Студинський, стр. 1—20. 7) Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р., написав М. Павлик, ст. 1—44. Львів, 1900. Ціна 6 кор.

Игнатовичъ Л. Алфавитный указатель историческихъ мѣстностей съ обозначеніемъ времени событій. Спб. 1899, Ц. 40 к.

Karbowiak A. dr. prof. Szkoły dyecezyi chełmińskiej w wiekach średnich, Kraków, 1899.

Клосовскій А. Труды Метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1897 и 1898 г. г. 2-ое десятилѣтіе, вып. II и III. Одесса, 1899, 116 стр.

Конисскый-Перебендя О. Я. Творы. Томъ третій. Ялта, Друкарня Н. В. Вахтина, 1—421. Ц. 1 р., на веленевой бумагѣ—1 руб. 50 к. Змистъ: 1) Гришнякъ. 2) Спокуслива нива. 3) Сестра жалибныця. 4) Прыгоды въ дорози. 5) Смерть предателя. 6) Ранкомъ на Алупци. 7) Радощи и скорботы великого скрыпныка. 8) Пытання. 9) Зъ ранку до ночы. 10) Поэтка. 11) Стари люде. 12) Протестантъ. 13) Иванъ непомнящій родства. 14) Наймычка 15) То йому за чужи груши. 16) Хоча бъ була постати дожала. 17) Въ сели. 18) Пимста. 19) Спафаріева Рудка.

Кулишъ Олельковычъ Панько. Драмована трылогія. 1) Байда, князь Дм. Вышневецькый. 2) Гетьманъ Петро Сагайдашный. 3) Наказный Гетьманъ Северынъ Налывайко. Харькивъ, Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900, 1—150, 1—316. Ц. 2 р.

Кропивныцькый М. Передъ Волею. Драма въ 5 діяхъ. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—78.

Кузів Ілько. Короткий погляд на історию читальні рускоі дух. семинарии. У Львові, Передрук. з «Дѣла». Львів, 1900. З друкарні Ставропігійского інститута.

Котляревскій И. П. Москаль-Чаривникъ. Малороссійскій водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Изд. книгопрод. Т. Губанова, Кіевъ, 1899. Тип. И. Чоколова, in 16, 1—107.

Кулишъ П. А. Орыся (съ малюнкамы и портретомъ П. Кулиша). Изданіе благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 4. С.-Петербургъ, 1900, 1—16, in 32°. Цина 2 коп.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Съ предисловіемъ М. Комарова. Кіевъ, 1—38. (Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»).

Левицький Іван. Гетьманъ Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повѣстей подъ редакціею Ивана Белея. Томъ LXIV). Накладомъ редакціи «Дѣла». Зъ друкарни Института Ставропигійскаго. Львів, 1900, ст. 340, in 8°. Ціна 1.20 злот. р.

Левицькый Иванъ. Старосвитськи батюшки та матушкы (т. П. Збирныка творивъ). Кыивъ, друкарня С. В. Кульженка, 1—453. Цѣна 1 р. 50 к., на веленевой бумагѣ—2 р.

Лисенко Микола. Хор мішаний (з акомпаніяментом фортепіяну або орхестра) до слів поэзіи І. Франка «Ой що въ полі за димове?» (Вийшов у підручній бібліотеці «Львівського Бояна»).

Лучицкій И. проф. По поводу одного научнаго открытія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—12.

Малороссійскія переписныя книги 1666 г. Съ послѣсловіемъ Ал. Лазаревскаго (Оттискъ изъ XIII кн. Чтеній И. Общ. Нест. Лѣтописца). Кіевъ, 1900, 1—109. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Народна Бібліотека. Ч. 1—2. *Василь Стефаник:* Камінний хрест. Студні і образки. Львів, 1900, ст. 82, in 16. Цина 20 кр. накладом М. Яцкова и Спілки. Зъ друкарні Вільгельма Цукерпандля в Золочеві. Зміст: 1) Камінний хрест.—2) Засіданне.—3) З міста йдучи.—4) Сьвятий вечер.—5) Діти.—6) Підпис.—7) Лан.—8) Лист.—9) Вечірна година.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ ред. членовъ Совѣта б. С.-П. Комитета грамотности, І. Фальборка и В. Чарнолусскаго. Т. І: Статистическія таблицы по уѣздамъ, городскимъ поселеніямъ и селеніямъ Имперіи. Спб. 1900 (на русскомъ и франц. языкахъ). Ц. 6 р.

Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899 года. Изданіе исправл. и дополн. Москва, 1899. Тип. Г. Лиссенера и А. Гешеля, in. 4⁰. 1—32.

Окрестности Кіева «Пустыни». Сборникъ автотипій съ фотографіи Н. Бобиръ. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудшона. Кіевъ, 1900, 25 листовъ. Цѣна 2 руб.

Осадчій Т. Силы деревни. Хроника. 1870—1900 г. г. Москва, 1900. Ц. 80 к.

Оцѣночно-статистическое отдѣленіе екатеринославской губернской земской управы. *Матеріалы для оцѣнки земель Екатеринославской губерніи.* Томъ I. Екатеринославскій уѣздъ. Изданіе екатеринославской губернской земской управы. Екатеринославъ. Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899 г.

Павлик М. Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедий з 1619 р. Львів, 1900, стр. 44, in 8⁰. Ціна 20.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 годъ. Изданіе Кіевскаго Губернскаго статистическаго комитета. Годъ изданія восемнадцатый. Кіевъ, тип. Кіевск. Губ. Правл., 1899, I—X, 1—42, 1—460, 1—24, 1—101. Содержаніе: Астрономическія свѣдѣнія, календарныя, свѣдѣнія о губерніи; справочный отдѣлъ, адресъ-календарь губернія на 1900 годъ; приложенія: списокъ землевладѣльцевъ Кіевск. губ., списокъ фабрикъ и заводовъ. и др.

Первый Отчетъ Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. 1898—1899, Полтава, 1899, 25×17 см. 21 стр.

Видавництва Товариства «Просвіта». Ч. 238. кн. 3. І. *Староруське оповідання.* Вибрав і переповів Іван Франко. Зміст: Передне слово. 1) Оповідане про смертну трубу і чотири скриньки. 2) Оповідане про однорічних царів. 3) Оповідане про царя Аггея. 4) Оповідане про лакомого опікуна. II. *Справоздане з* діяльности товариства «Просьвіта» за час від 1 січня 1898 до 31 грудня 1899. У Львові, 1900. З друкарні наук. товариства ім. Шевченка, ст 19+53 +карта, in 8⁰. Ціна 20 кр.

Псалтир. Видав Іван Созанськнй. У Чернівцях, 1900 р. Ціна 35 кр.

Руссофилъ, П. (Хижняковъ). Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣдько А. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. (Брошюра-оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія»).

Сборникъ (иллюстрированный) Кіевскаго литературно-артистическаго Общества Т. I. Фото-типографія С. В. Кульженко. Кіевъ, 1900, 1—310+19 (ноты), in 4°. Въ числѣ другихъ, статьи: *Ор. Левицкаго.* Южно-русская женщина въ XVI—XVII столѣтіи (стр. 108—122); *А. Кучинскаго.* Жизнь и литературная дѣятельность Евг. Павл. Гребинки (стр. 219—234); *М. П. Старицкаго.* Панъ капитанъ (стр. (235—263).

Видавництво часописи «Свобода» (в Америці). Ч. 10. Американський шляхтичъ. Образъ зъ житя рускихъ робитниковъ въ 3 актахъ. Написавъ Стефанъ Макаръ. Mt. Carmel, Pa, 1900. З друкарни «Свободы», ст. 76, in 8°, ціна 15 центів.

Статистическія свѣдѣнія за январь 1899 года. (Матеріалы для статистики гор. Одессы.) Составлено статистическимъ бюро при городской управѣ. Изд. одесскаго городскаго общественнаго управленія. Одесса, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8°, III+523+IV. Ц. 3 р.

То-же,—за февраль. Одесса, 1899, in 8°, 1—16.

Статистическое описаніе Бессарабіи собственно такъ называемой или Буджака, съ приложеніемъ генеральнаго плана его края, составленное при гражданской съемкѣ Бессарабіи, производившей по Высочайшему повелѣнію размежеваніе земель на участки, съ 1822 по 1825 годъ. Изд. Аккерманскаго земства. Аккерманъ, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8°, III+523+IV. Ц. 3 р.

Студинський Кирило. Хто був автором 'Αντίῤῥησις'а з р. 1599? Львів, 1900, стр. 1—20, in 8°. Ціна 10 к.

Swiatowit, rocznik poświęcony archeologji przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i Słowianskiej wydawany staraniem Erazma Majewskiego. Tom II, częsc I—II, 1900. Warszawa, str. 261, 57 illstr. i XVI tablic. Treść: Badania nad dobą przedhistoryczną Galicji; G. Ossowski—Charakterystyka obszarów archeologicznych Galicji.—Jak rozkopywać cmentarzyska płaskie и много друг. Cena tomu II-go 2 rub.

Тарасъ-Бульба, или Запорожская Сѣчь. Историческая повѣсть изъ козачьей жизни. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. П. Булгакова и Е. Коноваловой, in 16°, 1—144.

Угадько (Украинскій Соломонъ). «Видповидныкъ» состоитъ изъ 287 отвѣтовъ. Харькивъ, печатня «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900. Цина 5 коп.

Франко І. Апокріфічне евангеліе псевдо-Матвія і його сліди в українсько-руськім письменстві. Львів, 1900, стр. 32, in 8°. Ц. 15 кр.

Франко И. Поэтъ измѣны. Переводъ съ польскаго изданія, дополн. предисловіемъ «Польскаго патріота». Варшава, 1900. Ц. 20 к.

Франко Іван. Слово о Лазаревѣ воскресеніи. Староруська поема на апокріфічні теми. Львів, 1900, стр. 56, in 8°. Ціна 25 кр.

Хребтовъ А. Памятная книжка для собирателей монетъ. Выпускъ IV. Монеты, чеканенныя въ царствованіе императора Николая I (1826—55 гг.). Съ 3 таблиц. рис. Спб. 1900, I—XVIII, 1—82, тип. А. Суворина. Цѣна 1 р. 35 к.

Хроніка Наукового Товариства імени Шевченка. Ч. І. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 116, in 8°. Зміст: 1) Погляд на розвій Товариства,—М. Грушевського; 2) Справоздання Товариства за р. 1899.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. XIV, вып. I. Содержаніе: I. Изложеніе содержанія статей: С. Т. Голубева. Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ; О. И. Левицкаго—Къ вопросу о польскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1831 г.; В. Б. Антоновича—Новое сочиненіе о гайдамачествѣ; В. Л. Удинцева—Изъ исторіи городовъ и купечества въ средніе вѣка на Западѣ и въ Россіи. II. Статьи: М. Ясинскій—Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.; В. Н. Перетцъ—Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи (Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу) и другія.

Шверинъ Т. В. Медико-санитарный обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ. за 1898 г. Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія. Изд. Елисаветградскаго уѣздн. земства. Елисаветградъ, 1899, 25×17 см., IV+134+155 стр. Съ картой уѣзда.

Шевченко Т. Катерина. (У тіеі Катерини хата на помості). Поема Т. Г. Шевченка на соля, хори і орхестру. Музика Й. Кишакевича. Перемишль, накладом автора. Ціна партитури з супроводомъ фортепіяновим 2 кор. (гульд.).

Шематизмъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальнои архидіецезіи львовскои на рокъ 1900. Львівъ. Изд. типографіи Ставропигійского Института. Стр. XX+278, in 8°.

«Южно-русскій Альманахъ» 1900 г. Годъ 6-й. Изданіе Ю. Самомирскаго. Одесса, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Jabłonowski Aleksander. Akademia Kijowsko-Mohilańska, zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi, Kraków, 1899—1900.

Яновская Л. На Зеленый Клынъ. Комедія у 5-ты діяхъ. Оттискъ изъ журн. «Кіев. Стар.». Кіевъ, 1900. Тип. Корчакъ-Новицкаго. 1—70.

Яновская Л. Смерть Макарыхы (повисть). Кіевъ, 1900, 1—38. (Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»). Цина 10 к.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26 апрѣля, въ актовомъ залѣ университета, состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ совмѣстно съ членами историко-филологическаго общества при университетѣ, въ присутствіи предсѣдателя Императорскаго московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой. Засѣданіе открылъ проф. Д. И. Багалѣй рѣчью, въ которой охарактеризовалъ выдающуюся дѣятельность гр. Уваровой на археологическомъ поприщѣ. Гр. П. С. Уварова благодарила собраніе и проф. Д. И. Багалѣя за честь, оказанную ей. Было прочитано отношеніе министерства народнаго просвѣщенія съ разрѣшеніемъ правилъ археологическаго съѣзда, по коимъ послѣдній имѣетъ состояться въ г. Харьковѣ въ 1902 г. съ 15 по 27 августа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.», въ которомъ указалъ на значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ показателей культуры даннаго времени, и обратился съ горячимъ призывомъ о сохраненіи ихъ. [1])

Преосвященный Иннокентій выразилъ сочувствіе пожеланіямъ докладчика и обѣщанія всякаго содѣйствія задачамъ предварительнаго

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ „Харьк. Вѣдом.“ № 112. настоящаго года.

комитета по полученію свѣдѣній о церковныхъ древностяхъ Харьковской губерніи и самыхъ этихъ древностей для выставки при археологическомъ съѣздѣ и для образованія особаго церковно-археологическаго отдѣленія при музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета. Послѣ замѣчаній проф. Д. И. Багалѣя, гр. П. С. Уваровой постановлено: а) обратиться къ епархіальному начальству съ просьбой о содѣйствіи въ распространеніи программъ церковныхъ древностей среди духовенства губерніи, и б) просить проф. Е. К. Рѣдина о совершеніи научныхъ экскурсій по губерніи для изученія церковныхъ древностей ея.

Проф. Д. И. Багалѣй, указавъ на значеніе этнографическихъ выставокъ и на ту роль, которую могла бы сыграть имѣющая устроиться при археологическомъ съѣздѣ такая этнографическая выставка, предложилъ, въ виду отсутствія спеціальныхъ средствъ у коммиссіи для устройства ея, обратиться къ просвѣщенному содѣйствію общества и земства съ просьбой—объ оказаніи предварительному комитету матеріальной помощи. Профес. Н. Ѳ. Сумцовъ присоединился вполнѣ къ заключенію проф. Багалѣя о необходимости оказанія такой матеріальной помощи; помощь—въ видѣ собиранія свѣдѣній чисто научныхъ по этнографіи мѣстнаго края оказывается охотно народными учителями, сочувствующими культурнымъ предпріятіямъ, и для предстоящаго съѣзда, конечно, необходима широкая ихъ помощь, и она, несомнѣнно, будетъ оказана; но по мнѣнію проф. Сумцова, необходима помощь и матеріальная со стороны нашего общества для пріобрѣтенія этнографическихъ предметовъ; намъ, конечно, далеко до Запада, гдѣ общество всегда откликается горячо на такія культурныя предпріятія, какъ устройство этнографической выставки, служащей показателемъ былой и настоящей жизни народа; но все-же можно надѣяться, что и у насъ къ съѣзду будетъ устроена выставка и что будетъ положено начало этнографическому музею. Попечитель учебнаго округа В. К. Анрепъ обѣщалъ свое содѣйствіе по собиранію свѣдѣній по программамъ при посредствѣ сельскихъ и городскихъ учителей, къ коимъ онъ можетъ обратиться съ соотвѣтствующей просьбой, а М. Е. Гордѣенко, какъ представитель земства, выразилъ принципіальное сочувствіе намѣченнымъ задачамъ комитета по устройству этногарфической выставки при съѣздѣ.

Согласно предложенію проф. Н. А. Максимейко—рѣшено обратиться къ г. Лазаревскому и черниговскому земству съ просьбой о при-

сылкѣ для выставокъ съѣзда первымъ—его собранія дѣтскихъ игрушекъ, а вторымъ—вещей собранія В. В. Тарновскаго.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго г-жей Радаковой, и согласно предложенію Д. И. Багалѣя, рѣшено обратиться съ просьбой къ г-жѣ Поль о представленіи части ея коллекціи на археологическую выставку. Проф. Д. И. Багалѣй указалъ на необходимость собиранія свѣдѣній о коллекціяхъ частныхъ владѣльцевъ. Г. А. Тобизенъ изъявилъ готовность оказать въ этомъ отношеніи коммиссіи свое содѣйствіе.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ проектомъ научныхъ экскурсій и раскопокъ, которыя предположено произвести настоящимъ лѣтомъ: 1) раскопки кургановъ въ Богодуховскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ, 2) кургановъ съ каменными бабами, около Чугуева, 3) кургановъ въ предѣлахъ Сумского уѣзда на средства П. И. Харитоненко 4) въ с. Райгородкѣ Изюмскаго уѣзда, 5) экскурсій по собиранію археографическихъ матеріаловъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Д. И. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго. Н. А. Федоровскій сдѣлалъ обзоръ предметовъ, находимыхъ близъ с. Райгородка, и, указавъ на то, что мѣстность эта достойна вниманія и изученія,—предложилъ организовать болѣе подробное и научное изслѣдованіе ея въ археологическомъ и геологотопографическомъ отношеніяхъ. Проф. М. Е. Халанскій указалъ на важность изученія діалектовъ населенія Курской губ., для каковаго имъ будетъ въ настоящее лѣто совершена специальная экскурсія; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были отмѣчены многіе выдающіеся памятники и отдѣльные пункты въ Курской губ., заслуживающіе изученія и изслѣдованія. Проф. Л. Ю. Шепелевичъ указалъ на пользу обращенія къ инженерамъ за содѣйствіемъ въ сообщеніи свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ. Проф. А. С. Лебедевъ отмѣтилъ выдающійся интересъ архива Курскаго монастыря и выразилъ желаніе привлечь его на археографическую выставку при съѣздѣ. Проф. С. В. Соловьевъ обѣщалъ свое содѣйствіе въ изученіи церковныхъ древностей Новооскольскаго уѣзда. Проф. А. С. Бріо, указавъ на важность и плодотворность научныхъ изысканій при личномъ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, откуда добываются предметы, выразилъ пожеланіе устройства возможно большаго количества экскурсій.

Гр. П. С. Уварова заявила, что согласно выраженному пожеланію харьковскаго предварительнаго комитета, ему будетъ отпущено московскимъ археологическимъ обществомъ на экскурсіи и различные

расходы на предстоящее лѣто двѣ тысячи руб. Для совершенія раскопокъ, кромѣ мѣстныхъ силъ, рѣшено обратиться къ проф. Антоновичу, г-жѣ Мельникъ, г. Богоявленскому, Ивановскому, Теплову. Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ проектъ работъ для комитетовъ въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ и другихъ городахъ. Для организаціи этихъ комитетовъ предположены поѣздки проф. Багалѣя въ Екатеринодаръ, проф. Сумцова въ Полтаву, г-жи Радаковой въ Екатеринославъ. Проф. Багалѣй доложилъ о проектѣ изданія ко времени съѣзда матеріаловъ южно-русской картографіи. Г. А. Тобизенъ выразилъ полное сочувствіе этому проекту и заявилъ, что таковое изданіе будетъ приготовлено губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Проф. А. С. Бріо выразилъ отъ лица собранія благодарность пр. Д. И. Багалѣю за его труды и хлопоты въ занятіяхъ комиссіи, благодаря которымъ, а равно трудамъ членамъ этой комиссіи и московскаго археологическаго общества, можно надѣяться, археологическій съѣздъ въ Харьковѣ принесетъ благіе результаты. (Харьков. Вѣд.).

Въ дополненіе къ вышеизложенному, помѣщаемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся съѣзда, любезно сообщенныя намъ гр. П. С. Уваровой.

Московское Археолог. Общ. постановило предоставить Харьковскому Придварит. Комитету для обработки весь матеріалъ, какой будетъ собранъ по мѣстнымъ архивамъ, а также метрики о церквяхъ Харьковск. и Курской губ. Рѣшено затѣмъ: просить г. Харитоненко о помощи при собираніи свѣдѣній о древностяхъ, имѣющихся въ его имѣніяхъ, и при раскопкахъ; г. Эварницкаго—собирать предметы запорожской старины для выставки и вообще свѣдѣнія о нихъ; обратиться къ Имп. Русск. Географическому Обществу съ просьбой направить въ настоящемъ и будущемъ году экспедиціи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, которые поступили-бы впослѣдствіи въ этнографическій музей; съ этой-же цѣлью просить Н. М. Могилянскаго, командированнаго Академіей Наукъ на югъ Россіи для собиранія этнографическаго матеріала, о содѣйствіи и попутномъ собираніи матеріала и для выставки съѣзда; просить губернаторовъ Курской, Воронежской, Полтавской и Екатеринославской губ. образовать при Статистическихъ Комитетахъ Комиссіи для оказанія Московскому и Харьковскому Предварит. Комитетамъ содѣйствія по собиранію свѣ-

дѣній о древностяхъ названныхъ губерній; ходатайствовать о помѣщеніи на выставкѣ съѣзда предметовъ запорожской старины изъ Эрмитажа, Оружейной Палаты, петербургскихъ церквей и военныхъ хранилищъ.

—

Въ настоящее время уже отпечатаны, — *программы*, составленныя Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ. Ихъ всѣхъ 6: 1) для собиранія свѣдѣній по первобытнымъ древностямъ, 2) по древностямъ историческимъ, 3) по церковнымъ древностямъ, 4) для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ, 5) для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ и 6) для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ. Программы составлены въ общемъ кратко, но удобопонятно и широкое распространеніе ихъ несомнѣнно будетъ имѣть результатомъ извѣстную сумму свѣдѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ, хотя конечно на многое разсчитывать нельзя,—объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ прошлыхъ съѣздовъ. Но при энергіи, которая чувствуется во всей дѣятельности лицъ, принимающихъ близкое участіе въ устройствѣ съѣзда, быть можетъ, здѣсь получатся желательные результаты.

Засѣданія обществъ.

3-го мая, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ мѣстной старины*, образованной при Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. По обсужденіи вопроса объ изданіи древностей Украины, въ связи съ работами послѣдняго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ и предстоящаго такого-же съѣзда въ Харьковѣ, признано правильнымъ ограничиться изданіемъ историческихъ памятниковъ XVI—XVIII в.в. 5-ти губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Для осуществленія этой задачи признано необходимымъ:

1) Просить московское археологическое общество, въ лицѣ предсѣдателя его, гр. Уваровой, озаботиться изданіемъ печатныхъ программъ описанія памятниковъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, съ указаніемъ выработанныхъ наукою и практикою наилучшихъ методовъ описанія, фотографированія или срисовки и съ поясненіемъ принятыхъ въ этихъ случаяхъ техническихъ пріемовъ и терминоло-

гіи. Общество Нестора Лѣтописца предполагаетъ испросить 300 экземпляровъ этихъ программъ для раздачи экскурсантамъ и всѣмъ лицамъ, могущимъ доставить свѣдѣнія по предмету систематическаго описанія древностей Украины. Подспорьемъ при составленіи такихъ руководствъ могутъ служить программы, выработанныя въ 1887 г. Имп. Академіей Художествъ и переданныя вмѣстѣ съ собранными по программамъ данными, въ Имп. Археологич. Комиссію.

2) Организовать предварительное собраніе матеріаловъ объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ по изданнымъ и неизданнымъ описаніямъ, церковнымъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ, для каждой губерніи отдѣльно, съ обозначеніемъ источника свѣдѣній.

3) В. А. Кордтъ предложилъ принять на себя собраніе и описаніе современныхъ гравюръ городовъ и замковъ XVII и XVIII в. по старинным изданіямъ.

4) Собираніе-же матеріаловъ и составленіе сводокъ ихъ изъявили желаніе принять себя: 1) по *Волынской губ.*: В. Б. Антоновичъ по уѣздамъ Новоградволынскому, Заславскому и Ровенскому, Н. П. Дашкевичъ—по у. Житомірскому, Овручскому и Староконстантиновскому и О. И. Левицкій—по остальнымъ шести уѣздамъ; 2) по *Кіевской губ.*: В. И Щербина, И. М. Каманинъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, по взаимному соглашенію; 3) по *Подольской губ.*: о. Е. Сѣцинскій, О. И. Левицкій и Н. В. Молчановскій, къ участію въ работѣ рѣшено привлечь секретаря подольскаго губернскаго статистическаго комитета В. К. Гульдмана; 4) по *Черниговской губ.*: А. М. Лазаревскій по уѣздамъ Конотопскому, Борзенскому, Остерскому, Козелецкому и Нѣжинскому и Н. П. Василенко—по остальнымъ 10-ти уѣздамъ, при участіи Ѳ. М. Уманца и П. Я. Дорошенко; 5) по *Полтавской губ.*: В. Г. Ляскоронскій по у. Прилуцкому, Лубенскому, Роменскому, Миргородскому и Хорольскому, сводку данныхъ по Переяславскому уѣзду предложено просить взять на себя А. В. Стороженко, по уѣздамъ Полтавскому, Кобеляцкому и Константиноградскому—В. И. Василенко, а по Кременчугскому—Ѳ. Д. Николайчика съ участіемъ И. Ѳ. Павловскаго. Общество Нестора Лѣтописца проситъ обратиться ко всѣмъ поименованнымъ лицамъ, не бывшимъ на засѣданіи, съ просьбой указать, какіе уѣзды они могутъ взять для обработки, а равно привлечь и другихъ лицъ по своему выбору.

5) Постановлено просить барона Ѳ. Р. Штейнгеля доставить Московскому Археологическому Обществу свѣдѣнія о результатахъ предположенной этимъ лѣтомъ научной экспедиціи отъ принадлежащаго ему Городецкаго Музея Волынской губ. въ Овручскій уѣздъ, относящихся къ историческимъ памятникамъ.

6) По обсужденіи вопроса объ устройствѣ экскурсій, предположено обратиться съ просьбами къ г. О. А. Фотинскому по *Волынской* и о. Е. Сѣцинскому по *Подольской* губ; по *Кіевской-же* взяли на себя: Н. Ф. Бѣляшевскій—уѣзды Черкасскій и Каневскій и южную половину Кіевскаго (распредѣленіе по соглашенію съ И. М. Каманинымъ), В. И. Щербина—Васильковскій, Уманскій, Таращанскій и половину Липовецкаго (по соглашенію съ В. Б. Антоновичемъ), И. М. Каманинъ—Радомысльскій, Чигиринскій, Сквирскій, Звенигородскій и половину Кіевскаго, В. Б. Антоновичъ—Бердичевскій и половину Липовецкаго. По *Черниговской губ.*—Н. П. Василенко—Новгородсѣверскій и сосѣдніе уѣзды, А. М. Лазаревскій—г. Конотопъ со окрестностями. По *Полтавской губ.*—В. Г. Лясковронскій уу. Прилуцкій, Лохвицкій, Пирятинскій, Роменскій и Лубенскій и А. М. Лазаревскій—г. Прилуки съ окрестностями. Такъ какъ не всѣ названныя лица присутствовали въ засѣданіи, то общество Нестора Лѣтописца взяло на себя трудъ снестись съ отсутствующими и озаботиться привлеченіемъ новыхъ лицъ для обозрѣнія мѣстностей, не упомянутыхъ выше.

7) Для облегченія задачи экскурсантовъ постановлено просить Московское Археологическое общество выдать имъ установленные для этого открытые листы, а также обратиться къ гг. губернаторамъ упомянутыхъ губерній съ просьбами объ оказаніи содѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Кромѣ того, принести соотвѣтственныя просьбы г. Генералъ-Губернатору, высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту Кіевскому и Галицкому, преосв. Иларіону, епископу Полтавскому и преосв. Антонію, епископу Черниговскому и Нѣжинскому.

—

Въ засѣданіи *Истор. Общества Нестора Лѣтописца*, 6-го мая, *г-жей Е. И. Де-Витте* было сдѣлано сообщеніе—«*Археологическая находка въ с. Ласковъ, Владиміръ-Волынск. у., въ 1610 году*».

Въ небольшомъ вступленіи докладчица указала во 1-хъ, на важность собиранія свѣдѣній о находкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ дав-

нее время, и во 2-хъ, на сравнительно большое число находокъ такого рода, о чемъ имѣются свидѣтельства какъ въ актахъ (напр. о «копачахъ» XVI в., разрывавшихъ городища и могилы въ угодьяхъ каневскихъ жителей), такъ и въ узаконеніяхъ того времени (литовскіе статуты), регулирующихъ отношенія владѣльцевъ земли и находчиковъ кладовъ. Дѣло, давшее матеріалъ для доклада, состояло въ слѣдующемъ. Въ 1610 г. крестьянинъ с. Ласкова Божко нашелъ кладъ, заключавшій золотые и серебряные предметы; находку эту у него купилъ еврей г. Владиміръ-Волынска Хаскель, объ этомъ узналъ владѣлецъ села Михаилъ Войно-Оранскій и предъявилъ искъ; еврей сдалъ находку въ замокъ бургграбію Андрею Мисевскому. Дѣло затянулось; въ дальнѣйшемъ мы находимъ уже обвиненіе Войно-Оранскимъ Мисевского въ присвоеніи находки; въ 1621 г. дѣло разбиралась въ Владимірскомъ Земскомъ судѣ, осудившемъ Мисевского; дѣло переносится въ Люблинскій Трибуналъ; Мисевскій представляетъ записку владимірскаго старосты кн. Януша Острожского въ томъ, что послѣдній взялъ представленное въ судъ золото и серебро; въ концѣ концовъ Оранскій признаетъ невиновность Мисевскаго. Кладъ повидимому такъ и остался у кн. Острожскаго. Въ дѣлѣ имѣется и реестръ клада; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ 18-ти золотыхъ и серебряныхъ вещей: 1) серебряной чарки, 2) двухъ вещей «на подобіе раковъ», усаженныхъ гранатовыми камнями, 3) четырехъ серебряныхъ вызолоченныхъ дощечекъ—бляхъ, 4) четырехъ серебряныхъ крестиковъ, 5) четырехъ большихъ золотыхъ червонцевъ, похожихъ на португалы, но съ ушками, 6) двухъ золотыхъ червонцевъ гораздо меньшихъ и также съ ушками и 7) одного золотого червонца съ ушкомъ, очень небольшого, «на подобіе головы св. Іоанна» [1]). Докладчица относитъ этотъ кладъ къ великокняжеской эпохѣ, основываясь на томъ, что во 1-хъ, въ описи большая часть найденныхъ предметовъ не названа собственнымъ именемъ, слѣдовательно назначеніе предметовъ стало уже непонятнымъ, во 2-хъ, помимо стоимости металла, вещамъ придавалась особенная цѣнность—изъ за нихъ судебный процессъ тянется 16 лѣтъ, ими заинтересованы представители образованнаго класса общества, какъ Оранскій и Острожскій,

[1]) И въ настоящее время крестьяне находимые римскіе монеты съ изображеніями головъ императоровъ называютъ „Ивановыми головками".

и въ 3-хъ, мѣсто находки—с. Ласково лежитъ въ 12—15 вер. отъ княжескаго Владиміра [2]).

Въ концѣ доклада г-жа Де-Витте въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовала отношеніе общества и правительства того времени къ археологическимъ находкамъ, при чемъ, противопоставила узаконенія Литовскаго Статута, признававшаго такія находки частной собственностью, практикѣ московскаго правительства, назначавшаго въ такихъ случаяхъ «сыски», даже съ пытками.

Проф. В. Б. Антоновичъ доложилъ «*О книгѣ г. Талько-Гринцевича: Антропологія украинскихъ кургановъ.* (Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy. W Krakowie, 1899)». Сдѣлавъ общее и вполнѣ справедливое замѣчаніе, что на антропологическій матеріалъ при раскопкахъ обращалось очень мало вниманія, г. Талько-Гринцевичъ, въ указанной работѣ, изложилъ результаты измѣреній 157 индивидуумовъ, добытыхъ изъ раскопокъ гр. Бобринскаго, Любы-Радзиминскаго, Гамченко, проф. Антоновича и др. Матеріалъ происходитъ изъ кургановъ 3-хъ различныхъ эпохъ: 45 изъ древнѣйшихъ, относящихся къ каменному и началу металлическаго вѣковъ, 15 изъ т. н. скифскихъ и 97 изъ славянскихъ—древлянскихъ и полянскихъ. Пріемы автора отличаются строгой научностью, не рѣдко онъ дѣлаетъ и сравнительныя характеристики.

Работа раздѣлена на двѣ части: кости туловища и спеціально—голова и лицо. Ростъ у древнѣйшаго населенія оказывается и самымъ высокимъ: въ I-ой группѣ средній ростъ—1,73 м., во II-ой—1,78 м., въ III-ей, славянской—1,67 м. Если сравнить ростъ первой группы съ таковыми западно-европейскаго населенія той-же эпохи, то выше будетъ лишь т. н. Кро-маньонская расса, у остальныхъ—ниже. Ростъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ роста мужчинъ. У доисторическаго населенія Украины, также какъ и въ другихъ странахъ, встрѣчаются аномаліи въ строеніи костей, признаваемыя теперь общей принадлежностью вообще всѣхъ первобытныхъ народовъ, именно: просверлина въ нижней части плечевой кости, колон-

---

[2]) Мы, съ своей стороны, не считаемъ возможнымъ отнести кладъ безусловно къ княжескому времени: въ кладѣ, судя по описи, правда, очень несовершенной, не было ни одного предмета, типичнаго для той эпохи, между тѣмъ, среди массы другихъ кладовъ, всегда имѣются характерные предметы, какъ напр. серьги, браслеты и т. п.

чатое бедро, мечевидная голень. Вообще-же всѣ длинныя кости толсты и крѣпки, мускульные бугры очень развиты. Что касается типа головы, то во всѣхъ трехъ группахъ преобладаетъ типъ длинноголовый, причемъ наибольшая длинноголовость наблюдается у череповъ первой группы и славянскихъ, у скифскихъ она меньше; въ процентномъ отношеніи длинноголовыхъ въ I-ой группѣ—71%, во II-ой—43%, въ III-ей—96%. Діаметръ верхней части лба у каждой изъ послѣдующихъ группъ становится все шире и шире и, наоборотъ, лицевыя кости постепенно съуживаются. Въ позднѣйшія времена типъ головы населенія Украины подвергся значительнымъ измѣненіямъ, т. о. въ наиболѣе древнихъ курганахъ, наряду съ преобладаніемъ длинноголовости, встрѣчаются и короткоголовые, въ славянскихъ черепахъ уже господствуетъ длинноголовость, но затѣмъ, въ болѣе близкія къ намъ эпохи, этотъ типъ все болѣе и болѣе сталъ поглощаться короткоголовымъ, и въ настоящее время населеніе Украины представляетъ совсѣмъ другую группировку, чѣмъ это мы находимъ въ славянскихъ курганахъ: измѣренія современнаго населенія показываютъ, что при общемъ типѣ короткоголовомъ, чѣмъ далѣе на востокъ, къ Москвѣ, все чаще встрѣчается примѣсь длинноголовыхъ. Фактъ этотъ объясняется большинствомъ антропологовъ и историковъ колонизаціей съ запада короткоголоваго славянскаго типа, но объясненіе это требуетъ еще болѣе тщательныхъ и обширныхъ изслѣдованій.

Въ годичномъ засѣданіи *Имп. Московскаго Археологическаго Общества*, 29-го февраля, Д. Я. Самоквасовъ выступилъ съ сообщеніемъ «О славянскомъ элементѣ въ языкѣ древнихъ скиѳовъ», повторяя уже не разъ высказанное имъ мнѣніе, что скиѳо-сарматы были славяне, и что въ ихъ странѣ, въ Южной Россіи, надо искать прародины славянъ, особенно русскихъ. Утверждая, что славянство скиѳовъ принималось издавна нашими предками, и что только со временъ Байера, въ прошломъ вѣкѣ отождествлявшаго скиѳовъ съ хазарами и доказывавшаго, что послѣдніе говорили турецкимъ языкомъ, получила начало теорія о не славянствѣ скиѳовъ, референтъ подвергъ разсмотрѣнію доводы Байера, основывавшагося на разборѣ названій рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, какъ онѣ записаны Константиномъ Порфирородnымъ, и старался доказать, что въ нихъ, въ противность Байеру, нѣтъ ничего турецкаго, и что названія эти

могутъ быть съ одинаковымъ правомъ объяснены и изъ славянскаго языка. Методъ, приложенный референтомъ, вызвалъ однако возраженія со стороны филологовъ, профессоровъ В. Ѳ. Миллера и Р. Ѳ. Брандта, В. Е. Щепкина и другихъ, которые выразили даже предположеніе, что референтъ хотѣлъ только вышутить Байера, приводя еще болѣе невозможныя филологическія толкованія. Только Д. И. Иловайскій, самъ защищающій славянство скиѳовъ, выступилъ защитникомъ взглядовъ и методовъ г. Самоквасова. (Истор. Вѣстн.).

Въ общемъ собраніи *Имп. Русскаго Археологическаго Общества*, происходившемъ 2-го февраля, проф. Н. И. Веселовскимъ былъ сдѣланъ докладъ о раскопкахъ въ Кубанской Области лѣтомъ 1899 года. Изслѣдована была область, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до рѣки Кубани. Найденные въ могилахъ предметы относятся ко II—III вв. по Р. Х. и сработаны какъ римскими и греческими, такъ и мѣстными мастерами.

Въ засѣданіи того-же общества, 4-го марта, А. А. Спицынымъ былъ прочитанъ рефератъ—«Обозрѣніе предметовъ съ выемчатой эмалью, найденныхъ въ Россіи». По мнѣнію референта, техника эмали возникла въ Малой Азіи и Александріи и черезъ Византію распространилась на востокъ и западъ Европы. На Днѣпрѣ она была въ большомъ употребленіи, занесенная сюда аланами. Здѣсь попадаются нагрудныя цѣпи, конскіе уборы и др. предметы. (Ист. Вѣстн.).

Изслѣдованія и раскопки.

Погребальныя поля въ Кіевской губерніи. Изслѣдователи доисторическаго прошлаго славянъ не разъ высказывали недоумѣніе, что до сихъ поръ на территоріи Россіи не обнаружены поля погребальныхъ урнъ и погребеній, давно открытыя въ другихъ мѣстахъ на территоріи западныхъ славянъ, включая сюда Галичину и Царство Польское. Высказывалось также мнѣніе, что такого рода поля должны существовать, и что они не найдены лишь благодаря недостаточности археологическихъ изслѣдованій. Мнѣніе это теперь подтвер-

дилось: погребальныя поля, заключающія въ себѣ сожженіе въ урнахъ и погребенія, найдены, и этимъ открытіемъ мы обязаны неутомимому изслѣдователю южно-русской доисторической старины В. В. Хвойкѣ.

Еще осенью прошлаго года у с. Ромашекъ, Васильковскаго у., и у с. Зарубинецъ, Каневскаго у., по словамъ В. В. Хвойки, имъ были обнаружены слѣды такихъ полей, но болѣе серьезные результаты достигнуты лишь весной настоящаго года, при раскопкахъ въ мѣстности, лежащей между сс. Жуковцами, Веремьемъ и Черняховымъ, вблизи м. Триполья, Кіевскаго у. Здѣсь, въ мѣстности, неимѣющей никакихъ наружныхъ признаковъ могильника, открыты на глубинѣ отъ 40 стм. до $3^1/_2$ м. погребальныя урны съ сожженными костями и погребенія. Урна съ пепломъ покойника бываетъ обыкновенно окружена рядомъ другихъ сосудовъ, разной величины и формы, числомъ до 10-ти. Помимо урнъ съ пепломъ, встрѣчались сожженныя кости и не въ сосудахъ, а на точкахъ, также въ сопровожденіи сосудовъ и предметовъ. Погребенія заключали въ себѣ скелеты, головой на западъ, въ вытянутомъ положеніи; у головы, пояса и ногъ скелетовъ располагались сосуды, отъ 12—до 15-ти. Предметы, найденные какъ возлѣ урнъ съ сожженіями, такъ и на скелетахъ, совершенно одинаковы, только находившіеся при сожженіяхъ испорчены огнемъ. Тутъ мы имѣемъ арбалетовидныя фибулы двухъ видовъ, стеклянныя бусы, желѣзные и одинъ мѣдный ножики, костяные гребни съ бронзовыми гвоздиками; изъ серебряныхъ предметовъ—только привѣски—одна въ видѣ лунницы, другая въ видѣ кружка. Встрѣтился еще одинъ предметъ изъ оленьяго рога—нѣчто въ родѣ кирки, со сквознымъ отверстіемъ и съ многочисленными небольшими дырочками, проходящими чрезъ кость въ разныхъ направленіяхъ и б. м. даже не искусственнаго происхожденія. Особенно интересны сосуды; большинство ихъ изъ глины, приготовлены главнымъ образомъ на кругѣ; поражаетъ разнообразіе формъ: здѣсь есть горшечки, плошки, миски, нѣчто въ родѣ кувшиновъ и т. д., начиная отъ самыхъ миніатюрныхъ и кончая сравнительно большими. Поверхность нѣкоторыхъ сосудовъ выглажена и отполирована (у сосудовъ, сдѣланныхъ отъ руки, которыхъ немного), есть и орнаменты—поразительные по совершенству рисунковъ, воспроизведенныхъ путемъ отпечатковъ. Кромѣ глиняныхъ найдено нѣсколько и стеклянныхъ сосудовъ, въ видѣ стакановъ, съ чудной игрой стекла.

Инвертарь этаго погребальнаго поля даетъ намъ указанія на II—III в. по Р. Х. и пожалуй, какъ думаетъ В. В. Хвойка, еще и на болѣе позднее время. Черепа длинноголовые, одинъ изъ нихъ деформированный. Очень заманчиво, конечно, отнести поле къ славянамъ. Большинство ученыхъ, по отношенію къ такимъ памятникамъ Западной Европы, такъ и дѣлаетъ, хотя и въ видѣ предположенія. Нѣтъ основаній не принять этого опредѣленія и по отношенію къ нашему могильнику; но, въ видахъ выясненія и окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимы какъ дальнѣйшія изслѣдованія, такъ и опубликованіе точныхъ фактовъ и наблюденій, добытыхъ настоящими раскопками.

Раскопки кургановъ при с. Аксютинцахъ, Роменскаго у. Полтавской г. Извѣстный по прежнимъ раскопкамъ могильникъ при с. Аксютинцахъ, относящійся къ скиѳо-сарматской эпохѣ, послужилъ мѣстомъ раскопокъ и въ настоящемъ году. Раскопки производили Н. Е. Бранденбургъ и В. В. Хвойка. Всего было вскрыто 12 кургановъ, заключавшихъ погребенія и сожженія на площадкахъ, иногда совмѣстно въ одномъ и томъ-же курганѣ. Всѣ курганы оказались ограбленными въ древности, такъ что находки предметовъ были въ общемъ незначительны; найденъ лишь одинъ предметъ, насколько намъ извѣстно, встрѣтившійся въ инвентарѣ даннаго типа кургановъ впервые, именно, чаша, сдѣланная изъ верхняго щита рѣчной черепахи.

Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской г. барона Ѳ. Р. Штейнгель. По примѣру прошлаго года барономъ Ѳ. Р. Штейнгель въ текущемъ мѣсяцѣ будетъ снаряжена экскурсія въ Овручскій уѣздъ. Въ экскурсіи приметъ участіе болѣе 10-ти человѣкъ, распредѣлившихъ между собой различныя отрасли изслѣдованія, куда м. п. входятъ этнографія, археологія и памятники историческіе. Маршрутъ экскурсіи—отъ с. Могильно по берегамъ рѣкъ Уша, Жерева и Норина до г. Овруча. Экскурсія продолжится нѣсколько недѣль и можно надѣяться, что за это время будетъ обслѣдовано много какъ доисторическихъ, такъ и историческихъ памятниковъ.

Случайныя находки.

Ни одинъ годъ не обходится безъ того, что бы земляныя работы, производимыя въ Кіевѣ, не дали какихъ нибудь находокъ; къ сожалѣнію, почти всегда объ этихъ находкахъ узнается слишкомъ поздно, въ результатѣ чего бываетъ уничтоженіе, утрата и порча предметовъ или въ цѣломъ составѣ, или части ихъ.

Весной настоящаго года, при выемкѣ земли на Старомъ Городѣ, вблизи Золотыхъ Воротъ, была сдѣлана очень интересная находка. Какъ можно было узнать изъ разспросовъ, здѣсь найденъ скелетъ въ шлемѣ и панцырѣ, возлѣ котораго находились: мечъ, боевой топоръ, стремена, бляхи отъ пояса и нѣкоторые другіе предметы. Изъ всего этого удалось собрать лишь слѣдующіе. 1) Желѣзный мечъ, обоюдоострый, конецъ утерянъ; длина съ ручкой въ теперешнемъ видѣ 83 стм., длина ручки 17 см.; лезвее меча отдѣляется отъ ручки перекладиной, 11 стм. длины, верхъ ручки снабженъ массивной закругленной желѣзной шишкой; ручка обложена серебряной пластинкой, сплошь покрытой гравированнымъ орнаментомъ въ видѣ повторяющихся розетокъ; на верхней шишкѣ замѣтны слѣды сученой серебряной проволоки, которой вѣроятно была обтянута вся эта часть меча; ширина лазвея у рукоятки—5 $^1/_2$ стм.; повидимому посрединѣ лезвея шелъ желобъ. 2) Желѣзный боевой топоръ, съ длиннымъ и узкимъ лезвеемъ, на топорѣ замѣтны отпечатки матеріи, повидимому холста. 3) 15 серебряныхъ бляхъ, цѣлыхъ и въ кускахъ, сердцевидной формы, 7 стм. дл. и 5 $^1/_2$ шир; на бляхахъ выбиты штампомъ розетки; углубленія штамповъ вызолочены; это, по всей вѣроятности, наборъ отъ пояса, на что указываютъ и придѣланные съ оборотной стороны шпиньки и остатки кожи при нихъ. 4) 15 сердцевидныхъ и 3 четыреугольныхъ небольшихъ бляшки, такой-же работы—наборъ отъ ремня. 5) Три стекляныхъ шарика и игральная кость въ видѣ удлиненнаго четыреугольника, съ кружками на всѣхъ сторонахъ. Всѣ эти предметы относятся къ IX—X в., причемъ, мечъ и бляхи скорѣе всего восточнаго происхожденія; повидимому могила принадлежала кому-нибудь изъ видныхъ представителей кіевской дружины,—жаль, что не удалось ее обслѣдовать въ нетронутомъ видѣ.

—

Другая находка сдѣлана также на Старомъ Городѣ, въ Кіевѣ, какъ говорятъ на углу Мало Владимірской и Житомірской улицъ. Это—мѣдное блюдо X—XI в., 30 стм. въ діаметрѣ и 4 стм. глубиной. Средній кругъ блюда занятъ довольно грубымъ гравированнымъ изображеніемъ: посрединѣ, на подставкѣ, стоитъ Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей правой; по бокамъ Спасителя два стилизованныхъ дерева, совершенно аналогичныхъ таковымъ-же на гробницѣ Ярослава. По ободку блюда идетъ греческая надпись: «Пріидите, ядите, сіе есть Мое тѣло, иже за вы ломимое во оставленіе»...—конецъ текста не умѣстился. Судя по изображенію и надписи, надо полагать, что блюдо было въ церковномъ употребленіи. Находки такого рода предметовъ очень рѣдки. (Блюдо поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

—

Недалеко отъ *м. Никополя*, Екатериносл. губ., крестьянинъ откопалъ въ курганѣ большой каменный гробъ съ какой-то надписью. Фотографія съ гроба послана въ Археолог. Комиссію, гробъ-же находится въ Никополѣ, при сельскомъ управленіи.

—

Приставомъ г. *Очакова* привезенъ въ Херсонъ, по словамъ газ. «Юга», *кладъ серебряныхъ монетъ*, найденный однимъ изъ рабочихъ, рывшихъ по распоряженію очаковской управы канаву на городской площади для спуска дождевыхъ водъ. По распоряженію г. губернатора, кладъ этотъ былъ разсмотрѣнъ хранителемъ губернскаго археологическаго музея В. И. Гошкевичемъ. Большой мѣдный турецкій кофейникъ доверху наполненъ монетами, величиною каждая немного больше нашего рубля. Всѣхъ монетъ 494, изъ нихъ 491 турецкая, а 3—австрійскія. Турецкія монеты—бешалыки, всѣ чекана 1487 г. по магометанскому лѣтоисчисленію, что соотвѣтствуетъ нашему 1773 г., въ которомъ вступилъ на престолъ султанъ Абдулъ-Гамидъ I (1773—1789); австрійскія монеты—талеры Маріи-Терезіи, всѣ 1780 г. Такимъ образомъ, кладъ этотъ зарытъ былъ, вѣроятно, въ послѣдніе годы Кара-Керменя (такъ назывался по-турецки Очаковъ), быть можетъ, именно во время послѣдней осады его русскими войсками. Зданіе очаковскаго собора, въ 18 саж. отъ котораго и найденъ кладъ, въ то время было мечетью, а вокругъ нея высились дома знатныхъ турокъ.

Музеи и собранія древностей.

Собраніе Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Въ майской книжкѣ «Літературно-наукового Вістника» помѣщена очень интересная статья г. Немірича—«Музей Василя Тарновського», гдѣ вкратцѣ перечислено богатое содержаніе музея и подробно разсказано про тѣ мытарства, какимъ подвергся вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ. Мы уже сообщали (см. «Лѣтопись» за февраль н. г.) объ окончательномъ рѣшеніи вопроса на послѣднемъ земскомъ собраніи; тамъ упоминалось и о неудачномъ выборѣ мѣста для музея. Изъ данной статьи теперь ясно, что, дѣйствительно, мѣсто выбрано совсѣмъ не подходящее: для музея предназначено одно изъ зданій спротскаго дома, находящагося на краю Чернигова, на такъ наз. Бобровицѣ, такъ что посѣщенія музея будутъ сопряжены съ большой тратой времени. Вслѣдствіе этого, конечно музей не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію, какъ просвѣтительное учрежденіе. Кромѣ того, и самое зданіе, приспособляемое для музея, настолько мало, что едва-ли въ немъ можно размѣстить собраніе и въ теперешнемъ его составѣ, не говоря уже о дальнѣйшемъ пополненіи. На содержаніе музея управа (новаго состава) предложила ассигновать ежегодно по 800 руб., въ томъ числѣ жалованья хранителю музея 300 руб.,—какъ видимъ, сумма не большая, и авторъ статьи вполнѣ правъ, говоря, что за такую плату едва-ли можно будетъ найти хотя маломальски подходящее лицо для должности хранителя.

Намъ пришлось видѣть проектъ зданія, предназначенного для собранія В. В. Тарновскаго. Мы не можемъ не выразить удивленія по поводу стиля зданія—стиль готическій! Принявъ въ соображеніе, что этотъ стиль хорошъ лишь для монументальныхъ сооруженій, что въ приложеніи къ малымъ постройкамъ онъ требуетъ массы тонкихъ украшеній, широкой разработки деталей, и только при такихъ условіяхъ зданіе можетъ хотя отчасти удовлетворять художественнымъ запросамъ, станетъ понятнымъ, какъ будетъ выглядѣть небольшое зданіе музея, на постройку котораго ассигнована также очень небольшая сумма. Если къ проектированному зданію прибавить небольшую башенку съ куполомъ, то оно будетъ очень напоминать деревенскій костелъ, какихъ много можно встрѣтить напр. въ селахъ Царства

Польскаго,—какая тутъ связь съ музеемъ украинской старины—трудно объяснить...

—

Донской историческій музей. Музей открытъ въ Новочеркасскѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ благодаря, главнымъ образомъ, усиліямъ одного человѣка, страстнаго любителя донской старины—Х. И. Попова, которому начальникомъ края поручено храненіе и пополненіе коллекцій музея. Первая мысль объ устройствѣ мѣстнаго музея возникла еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ средѣ донского статистическаго комитета; не смотря на энергію бывшаго тогда секретаремъ комитета А. М. Савельева, не смотря также на открытіе затѣмъ въ области цѣлаго ряда цѣнныхъ археологическихъ находокъ, мысль о музеѣ не получила осуществленія. Вопросъ этотъ былъ снова поднятъ въ 1882 г., когда предполагалось организовать общество любителей донской старины, и въ 1884 г., когда вмѣсто общества предложено учредить архивную комиссію, но за отсутствіемъ средствъ, начинанія эти не привели ни къ чему.

Не смотря на всѣ эти неудачи, Х. И. Поповъ продолжалъ дѣло собиранія памятниковъ мѣстной старины и въ настоящее время возможно было учредить и открыть музей, обладающій разнообразными и цѣнными коллекціями: каменнаго, бронзоваго и другихъ доисторическихъ періодовъ, монетъ, христіанскихъ памятниковъ IX—XII в., донской старины (портреты, оружіе, жалованные предметы), каменныхъ бабъ, историческихъ документовъ и т. п. (Истор. Вѣстн.).

Разныя извѣстія.

Актъ въ Археологическомъ Институтѣ. 7 мая, въ спб. археологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ. Кромѣ учебнаго персонала института, собралось много членовъ и другихъ приглашенныхъ лицъ. Окончило въ настоящемъ году курсы 42 человѣка, которымъ и были выданы аттестаты и свидѣтельства на званія дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Директоръ института проф. Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ истекшемъ 1899—1900 году. Изъ отчета видно, что количество слушателей достигло въ отчетномъ году небывалой еще цифры 294 (на двухъ

курсахъ). Въ число почетныхъ членовъ въ теченіи года избранъ оказавшій большія услуги институту, главнымъ образомъ въ устройствѣ художественно-археологической и иконографической выставки, профессоръ архитектуры А. А. Парландъ, Въ члены-сотрудники избрана первая женщина—Ю. Г. Гендуне. Число преподаваемыхъ предметовъ увеличилось славяно-русской археографіей. На XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ находилось около 20 представителей института, принимавш..хъ участіе въ работахъ съѣзда. Раскопки въ истекшемъ, году производились членами и слушателями института близъ ст. Вруда, балтійской жел. дороги. Въ заключеніе проф. *Н. И. Веселовскій* сдѣлалъ сообщеніе „*О каменныхъ бабахъ*“. Эти загадочные памятники ставились нѣкогда на могильныхъ курганахъ; вопросъ о происхожденіи ихъ не опредѣленъ былъ до настоящаго времени. На основаніи нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ проф. Н. И. Веселовскій предполагаетъ, что ставились эти „бабы“ или „мамаи“, какъ называютъ ихъ въ Крыму, первоначально турками.

—

О реставраціяхъ. Съ ноября прошлаго года художникъ А. А. Карелинъ предпринялъ въ Археологическомъ институтѣ рядъ рефератовъ объ основахъ реставраціи вообще и, въ частности, о реставраціи рукописей, монетъ, иконъ, картинъ, гравюръ, фресокъ, камней, тканей, дерева и памятниковъ зодчества, причемъ онъ поднимаетъ совершенно новый и важный вопросъ о примѣненіи къ реставраціоннымъ пріемамъ точныхъ научныхъ данныхъ, выработанныхъ въ послѣднее время фотографіей. До сихъ поръ вопросъ о реставраціи въ искусствѣ, археологіи и художественной промышленности составлялъ больное мѣсто, такъ какъ не только въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ кафедры по этому предмету, но и въ литературѣ не имѣется ни одного сочиненія, указывающаго на научныя основы реставраціи, и примитивные способы реставраціи все еще составляютъ какъ бы профессіональную тайну немногихъ лицъ, а между тѣмъ реставрировать предметы искусства и древности приходится очень часто. Масса художественныхъ произведеній была испорчена благодаря неумѣлой реставраціи... Для насъ, въ виду интереса, пробудившагося среди публики и спеціалистовъ къ памятникамъ древнерусскаго искусства—вопросъ, поднятый г. Карелинымъ, получаетъ особенное значеніе: достаточно вспомнить теперешнюю реставрацію

Новгородскаго Софійскаго собора или произведенную недавно реставрацію собора св. Софіи въ Кіевѣ, гдѣ, между прочимъ, реставраторы умудрились изъ фигуръ четырехъ русскихъ князей сдѣлать изображенія святыхъ Вѣры, Надежды, Любви и Софіи! Кромѣ того, сколько рукописей и монетъ, съ почти совершенно изгладившимися начертаніями, лежатъ теперь непрочтенными, а сколько ихъ было уничтожено за безполезностью,—между тѣмъ, способы научной реставраціи, предлагаемые г. Карелинымъ, даютъ возможность прочесть даже самую безнадежную рукопись, буквы которой для человѣческаго глаза совершенно незамѣтны. Главнѣйшія основы новыхъ пріемовъ реставраціи: 1) фотографія, 2) законы линейныхъ и цвѣтовыхъ иллюзій, 3) теорія просвѣчиванія красокъ и 4) микроскопическое изслѣдованіе. Важная особенность этихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, что не требуется производить надъ реставрируемыми предметами такихъ манипуляцій, какъ: подскабливаніе, подчистка и химическія реакціи, которыя обрекаютъ ихъ часто на вѣрную гибель; только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ подобнымъ манипуляціямъ. Предметомъ прочитанныхъ г. Карелинымъ докладовъ была реставрація рукописей. («Иск. и худож. пром.»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вслѣдствіе ходатайства Полтавскаго общества сельскаго хозяйства, г. министромъ земледѣлія 12 февраля разрѣшено Обществу созвать въ г. Полтавѣ, въ текущемъ году, съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съѣздъ будетъ происходить въ текущемъ году съ 7 по 17 сентября. За всякаго рода справками по дѣлу съѣзда обращаться въ Полтавское общество сельскаго хозяйства.

ПОЛОЖЕНІЕ

о съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности въ г. Полтавѣ.

1. Съѣздъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ въ текущемъ 1900 году, для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

2. Всѣ распоряженія по устройству съѣзда и распредѣленіе занятій его лежатъ на комитетѣ съѣзда, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ г. президента Полтавскаго общества с. х., изъ членовъ правленія Общества и лицъ, избранныхъ Обществомъ. Доклады по вопросамъ, входящимъ въ программу съѣзда, доставляются въ комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія и напечатанія.

3. Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіяся кустарными промыслами, попечителя, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащія въ правительственныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о кустарной промышленности.

Примѣчаніе. Комитету съѣзда предоставляется право принимать къ участію въ съѣздѣ, сверхъ указанныхъ въ настоящемъ пунктѣ лицъ, и тѣхъ, участіе которыхъ въ съѣздѣ комитетомъ признано будетъ полезнымъ.

4. Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ подаются въ комитетъ не позже перваго дня съѣзда.

5. Лица, изъявившія желаніе участвовать въ съѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

6. Съѣздъ открывается г. президентомъ Полтавскаго с. х. общ., который предсѣдательствуетъ также и въ общихъ собраніяхъ. На первомъ засѣданіи съѣзда избираются: товарищъ предсѣдателя и секретарь. Если бы по обстоятельствамъ дѣла оказалось необходимымъ распредѣлить занятія съѣзда на секціи, то предсѣдатели и секретари секціонныхъ засѣданій избираются предъ началомъ каждаго засѣданія.

Примѣчаніе. Допущеніе публичности занятій съѣзда предоставляется предсѣдателю общихъ собраній.

7. Занятія съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по вопросамъ, входящимъ въ его программу, и въ постановленіи по нимъ заключеній.

8. Состоявшіяся на съѣздѣ постановленія передаются правленію Полтавскаго общества с. х., на которое возлагаются всѣ дальнѣйшія дѣйствія по осуществленію высказанныхъ на съѣздѣ предположеній.

9. Комитетомъ съѣзда издаются дневники съѣзда, которые безплатно раздаются членамъ съѣзда и представляются также въ отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики М. З. и Г. И. Дневники печатаются съ разрѣшенія Полтавскаго общества с. х.

10. Труды съѣзда, по закрытіи его, печатаются, если правленіе Общества будетъ располагать необходимыми для этого средствами, и выдаются членамъ съѣзда за опредѣленную плату. Въ случаѣ отпечатанія трудовъ съѣзда, необходимое количество экземпляровъ ихъ представляется въ отдѣлъ сельской экономіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

ПРОГРАММА

вопросовъ, подлежащихъ обсужденію областного съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

1. Значеніе кустарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.
2. Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.
3. Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые.
4. Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.
5. Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Техническія улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.
6. Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ раіонѣ.
7. Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.
8. Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго раіона.
9. Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.
10. Значеніе и возможность примѣненія кооперації въ области кустарныхъ производствъ.

Вышла Майская (пятая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I) Ночь въ Кучукъ Узени. Разсказъ—В. І. Дмитріевой. II) Весна. Романъ 90-хъ годовъ. Пера Гальстрема. Переводъ со шведскаго—О. А. III) Стихотвореніе. Юрія Свѣтогора. IV) Аркашинъ мірокъ. Повѣсть—Ю. Левицкой-Пащенко. V) Подъ липами. Ро-

манъ Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм. Н. К. Продолженіе. VI) Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII вѣка.—В. И. Семевскаго. Окончаніе. VII) Опытъ оздоровленія деревни. П. Г. Гинзена. Окончаніе. VIII) Пересмотръ положенія о крестьянахъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. IX) Предложеніе Россіи объ ограниченіи вооруженій.—Гр. Л. А. Камаровскаго. X) М. С. Карелинъ, какъ историкъ гуманизма.—Н. И. Карѣева. XI) Анни Виванти. Статья Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.—В. С. XII) Ученая индустрія.—В. В. Шарвина. XIII) Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ.—В. В. XIV) Нѣсколько замѣчаній о книгѣ И. Х. Озерова: «Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи».—В. Гольцева. XV) Московское общество грамотности за первые три года его существованія. Эна. XVI) Очерки санитарной статистики.—П. И. Куркина. XVII) Въ защиту Гауптмана. По поводу переводовъ г. Бальмонта („Ганнеля и Потонувшій колоколъ").—Макс. Волошина. XVIII) Недавнее и врядъ-ли прошлое московской городской школы.—Стараго учителя. XIX) Алчущія руки.—Ив. Иванова. Продолженіе. XX) Письма о современномъ искусствѣ.—Я. А—ина. XXI) Внутреннее обозрѣніе. XXII) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XXIII) Библіографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс.—12 руб., 9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.; За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лаврова*.

всякомъ случаѣ Лазаря Горленка по скопидомству“ [1]) нельзя равнять съ сыномъ его Дмитріемъ, который по своему характеру былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа.

На мѣсто убитаго Горленка полковникомъ былъ назначенъ малозамѣтный Иченскій сотникъ **Иванъ Стороженко**. По семейному преданію, [2]) это былъ правобережный выходецъ, осѣвшійся въ Прилуцкомъ селѣ Ржавцѣ и, вѣроятно, тутъ гдѣ нибудь женившійся, причемъ, съ помощью новой родни, Стороженко могъ получить и Иченское сотничество. Трудно угадать причину, по которой Мазепа въ преемники Горленку выбралъ малозамѣтнаго сотника, особенно, когда незадолго передъ тѣмъ свободные полковничьи уряды были замѣщены такими видными людьми, какъ Лизогубъ, Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ, Солонина, Степанъ Забѣла.... [3]) Казалось бы, что новопоставленный гетманъ и засимъ долженъ былъ искать на полковничьи уряды людей видныхъ и извѣстныхъ своею службою, а не безродныхъ какихъ то сотниковъ... Угадывая причину этого выбора, можно остановиться на *симоніи*, въ виду понесенныхъ Мазепою на Коломакѣ расходовъ... Есть свѣдѣнія, что выбранный Мазепою Стороженко былъ „скопидомъ“ [4]), а при этой чертѣ характера онъ, конечно, могъ быть богатъ...

Стороженко пробылъ на полковничествѣ до своей смерти въ февралѣ 1692 г., т. е. болѣе четырехъ лѣтъ [5]). Въ 1690 г. Сто-

---

Ефросиніи) такъ какъ Лазарь во время своей женитьбы (второй) на послѣдней, былъ „худымъ пахолкомъ“... Достовѣрность этого показанія находится въ зависимости отъ времени, когда Г—ко женился во второй разъ.

[1]) У Де-Пуле, 67.

[2]) Кіевск. Стар., 1890 г., апрѣль, 169.

[3]) Тамъ-же, 1898 г., мартъ, 479.

[4]) Тамъ-же, 1890 г., апр., 169.

[5]) Хотя на портретѣ Стороженка, «полковника Прилуцкаго», (снимокъ его приложенъ къ апрѣльск. кн. Кіевск. Стар., за 1890 г.) годъ смерти его показанъ въ февралѣ 1693 г., но это ошибка, такъ какъ мы имѣемъ подлинный «листъ» на с. Щуровку Ив. Носу, выданный *полковникомъ Прилуцкимъ* Дмитріемъ Горленкомъ 19 іюля 1692 г. Или м. б. Ст—ко назывался «полковникомъ» и послѣ отставки...

роженко получилъ отъ Мазепы универсалъ на с. Ржавецъ, гдѣ уже и передъ тѣмъ онъ „скупалъ грунта“. Сохранившійся Стороженка портретъ указываетъ какъ на его достатки, такъ и на извѣстную уже его цивилизацію, вѣроятно принесенную имъ съ праваго берега Днѣпра. Полковникъ Стороженко оставилъ одного сына Григорія, который былъ потомъ Иченскимъ сотникомъ.

Послѣ Стороженка Прилуцкимъ полковникомъ былъ назначенъ **Дмитрій Лазаревичъ Горленко**. Мы уже видѣли, что этотъ сынъ Лазаря былъ женатъ на дочери одного изъ братьевъ гетманши Самойловичъ, Захара Голуба. Это родство Горленка должно было, повидимому, отдалить его отъ Мазепы, такъ какъ родня Самойловича вообще подверглась преслѣдованію отъ его преемника. Ставъ гетманомъ, Мазепа немедленно лишилъ генеральнаго уряда младшаго брата бывшей гетманши—Константина Голуба, но къ старшему ея брату—Захару Голубу Мазепа былъ милостивъ: уже въ сентябрѣ 1687 г. былъ выданъ этому Голубу слѣдующій универсалъ: „маючи мы въ респектѣ нашемъ *невинность* п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими владѣлъ свободно“ [1])... Въ этой милости слѣдуетъ видѣть благорасположеніе Мазепы къ оставшейся послѣ Лазаря Горленка семьѣ. Вскорѣ затѣмъ Мазепа особенно приблизилъ къ себѣ младшаго Лазареваго сына—Дмитрія. До 1692 г. Дмитрій Горленко не занималъ никакого уряда, а въ этомъ году получилъ прямо полковничій перначъ. Затѣмъ, особое благорасположеніе гетмана къ Горленку выразилось въ щедромъ надѣленіи его маетностями: въ 1697 г. даны были Горленку сразу три села: Сергѣевка, Ковтуновка и Яблоновка, въ 1699 г.—с. Бѣлошапки, въ 1701 г.—с. Ярошовка, въ 1703 г.—Мамаевка, въ 1705 г.—Калюжинцы и Поноры, въ 1706 г.—с. Вечорки, неизвѣстно когда—Хаенки и Ряски, да самолично взялъ Г—ко въ свою „державу“ с.с. Мал. Дѣвичку и Моклячки [2]). Такимъ

[1]) Кіевск. Стар., 1885 г., май, 4.

[2]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцк. полка, въ XI-й кн. Чтеній въ Общ. Нестора-лѣт., и подлинные универсалы на Мамаевку и Поноры—въ собр. В. В. Тарновскаго.

образомъ, Дмитрій Горленко, пользуясь благорасположеніемъ гетмана, очень скоро сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ полковниковъ въ гетманщинѣ. На чемъ же основывалось это благорасположеніе Мазепы?—Дмитрій Горленко былъ однимъ изъ очень малаго числа его любимцевъ, которому, по отзыву современника, со стороны гетмана, ни въ чемъ не было отказа. Преемникъ Дмитрія по уряду—извѣстный Носъ, описывая отношенія послѣдняго къ Мазепѣ, говоритъ въ письмѣ къ Скоропадскому слѣдующее: Дмитрій Горленко „здобячи свои домы и распространяючися оными", гдѣ было какое годное къ пользѣ людской въ нашемъ полку мѣсто, все онъ своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такимъ способомъ, что одному заплатитъ, а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; на свободныхъ степяхъ, которыя принадлежали прежде на урядъ полковниковъ Прилуцкихъ, Горленко настроилъ хуторовъ. И такое стѣсненіе сдѣлалъ онъ въ полку, что куда не глянешь—все его хутора! И все-будто бы купленные, а купчія беретъ хочь и не рады продавать. Будучи многомогущимъ властелиномъ, Горленко что хотѣлъ, то и забиралъ. Не стѣснялся онъ ни въ чемъ, имѣя своего протектора и отца въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который „не видяй обиды людской", выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунта и маетности, *но выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну" и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, если бы только онъ, Горленко, попросилъ у Мазепы такого универсала*! Ни въ чемъ ему отказа не было!—Да и безъ такого универсала, Горленко распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными: ибо защищая своихъ крестьянъ, которыхъ у него было *болѣе тысячи*, отъ работъ, онъ выгонялъ на свои полевыя работы разныхъ полчанъ, которые и должны были работать ему цѣлое лѣто. Всякій изъ насъ, кто только помнитъ „лядскихъ пановъ", долженъ признать, что Прилуцкіе полчане терпѣли гораздо большую му́ку, работая на полковника, чѣмъ крестьяне „за пановъ лядскихъ". „Не мордовали такъ паны лядскіе своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями, какъ полковникъ Дмитрій мучилъ мужиковъ и козаковъ..."

Письмо это писано Носомъ къ Скоропадскому по поводу милостей, оказанныхъ сыну Дмитрія Горленка—Андрею, вслѣдъ

за его возвращеніемъ (весною 1709 г.) отъ Мазепы къ царю, о которыхъ говорится ниже. Въ этомъ письмѣ Носъ сообщалъ гетману то, что, повидимому, было извѣстно не только Прилуцкому полку, но и всей гетманщинѣ. Если и есть преувеличенія въ этомъ сообщеніи, то въ общемъ оно должно рисовать картину вѣрную; уже одно количество данныхъ Мазепою Г—ку маетностей указываетъ, что это былъ „подуфалый сынъ" гетмана, которому послѣдній не отказывалъ въ его просьбахъ. Но—повторяемъ—гдѣ-же причина этого особаго расположенія Мазепы къ Дмитрію Г—ку, которое выражается не въ какой-нибудь короткій срокъ, а продолжается во все (1692—708) полковничество Г—ка?—Объ отношеніяхъ этого полковника къ Мазепѣ, кромѣ приведенныхъ свѣдѣній, имѣется еще одно извѣстіе Орлика, въ извѣстномъ его письмѣ къ Яворскому (Основа, окт., 1862 г.); это извѣстіе относится къ позднѣйшему времени, когда у Мазепы, повидимому, уже обозначился планъ его замысла. Въ это время у него были уже и конфиденты по этому замыслу, при чемъ между послѣдними, по словамъ Орлика, Апостолъ и Горленко занимали главное мѣсто; „паче иныхъ" эти два полковника, говоритъ Орликъ, „до Мазепы дерзновеніе имѣти", при чемъ однажды Г—ко, обращаясь къ Мезепѣ, произнесъ будто бы такую тираду: „якъ мы за душу Хмелницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядского свободилъ, такъ, противнымъ способомъ, и мы, и дѣти наши, во вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволи зоставишъ!"—Почти съ такимъ же восклицаніемъ, по словамъ Орлика, обратился тогда же къ Мазепѣ и Апостолъ: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Богъ на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!". Слѣдуетъ думать, что въ этихъ словахъ двухъ самыхъ близкихъ къ Мазепѣ полковниковъ—слышится не *поддакиванье* прислужниковъ своему властелину, а самостоятельное единомысліе дружинниковъ съ ихъ предводителемъ. Но дѣло въ томъ, что Апостолъ и Горленко—это были совсѣмъ различные люди. Если Горленко, по своей природѣ, былъ стяжатель, и стяжатель настойчивый, то объ Апостолѣ, по сохранившимся свѣдѣніямъ,

нужно заключать совсѣмъ противное... Однако-жъ оба они одинаково мыслили въ своихъ политическихъ гаданіяхъ съ своимъ гетманомъ и за это единомыслiе, полагать нужно, и были ему любезны и были съ нимъ смѣлы—до *дерзновенія*... Но Мазепа цѣнилъ гораздо больше Г—ка, чѣмъ Апостола, чему причиною, вѣроятно, было то, что Г—ко будучи по своей природѣ стяжателемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ обладать и сильною волею, которой у Апостола, при его добродушіи, могло и вовсе не быть... Очень могло случиться, что за эту волю, за этотъ *характеръ* Мазепа и цѣнилъ, и приближалъ къ себѣ Г—ка. Такъ, впрочемъ, можно лишь догадываться, такъ какъ слишкомъ бѣдны наши свѣдѣнія о личныхъ свойствахъ гетманскихъ совѣтниковъ втор. полов. XVII вѣка. Но о Горленкѣ несомнѣнно знаемъ, что это былъ настойчивый стяжатель, который заручившись благорасположеніемъ гетмана, безбоязненно угнеталъ своихъ полчанъ и собиралъ богатства. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельства Носа, у насъ есть и другое вѣское свидѣтельство—объ открытомъ присвоеніи Горленкомъ городскихъ доходовъ Прилуки. [1]) Изыскивая способы къ увеличенію своихъ стяжаній, Г—ко придумалъ, между прочимъ, совсѣмъ новую статью доходовъ. Извѣстно, что крестьянство нѣкоторыхъ селъ на Украинѣ подчинялось („прислушало“) сотеннымъ ратушамъ, исполняя при этомъ общественныя повинности (подводную, квартирную и проч). Вотъ, Г—ко и придумалъ освобождать въ такихъ селахъ *богатыхъ* крестьянъ отъ этихъ повинностей за плату въ его пользу чинша, размѣръ котораго опредѣлялся погодно. Такимъ образомъ явились при Г—кѣ въ полку—„полковничьи чиншевики“. Что эта статья дохода измышлена была Г—комъ, это доказывается указаніемъ послѣдующаго Прилуцкаго полковн. Игната Галагана. [2]) Полковничьи чиншевики продолжали существовать и при преемникѣ Г—ка — Носѣ, и позже. Въ 1713 г., въ Прилуцкомъ полку, показано было до 30-ти дворовъ „посполитыхъ людей, якіе такъ жадныхъ тяглостей, яко и мѣсячного

[1]) См. ниже—описаніе г. Прилуки.

[2]) См. ниже—о дѣятельности Игн. Галагана.

датку не выстачаючи, чинш полковникови даютъ". [1]) Вѣроятно, при Горленкѣ ихъ было больше...

Какъ извѣстно, Дмитрій Г—ко перешелъ съ Мазепою къ шведамъ въ числѣ лишь незначительнаго числа полковниковъ, да и изъ нихъ нѣкоторые скоро потомъ вернулись къ царю. Вѣрными Мазепиному замыслу остались только два полковника: Зеленскій (Лубенскій) и Горленко. Послѣ бѣгства Мазепы въ Бендеры, Г—ко оставался въ Турціи до 1715 г.; только послѣ смерти Мазепы Горленко сталъ дѣлать попытки къ возвращенію на родину, при чемъ видимо надѣялся на прощеніе за свои вины, хотябы и неполное. Удача сына его Андрея, при возвращеніи „отъ измѣнничьей стороны" къ царю, окрыляла надеждою и отца.

У Дмитрія Горленка было два сына; оба они учились въ Кіевѣ, въ „латинскихъ школахъ"; по окончаніи ученія, младшій сынъ постригся въ лаврѣ монахомъ, а старшій Андрей вернулся къ отцу, женился здѣсь на одной изъ дочерей Миргородскаго полковника Апостола и сталъ служить „подъ бунчукомъ." Гетманское благорасположеніе къ отцу отражалось и на сынѣ: въ 1707 г. этому сыну Мазепа далъ населенную маетность (село Вел.-Дѣвицу), не смотря на то, что никакихъ „службъ" за молодымъ Г—комъ не было и быть не могло.

Будучи тѣсно связанъ узами родства и свойства съ двумя ближайшими наперстниками Мазепы, Андрей Г—ко перешелъ вмѣстѣ съ ними къ шведамъ. Но тесть Г—ка скоро распозналъ химеру Мазепинаго замысла и очень ловко устроилъ свое возвращеніе къ царю. [2]) Вслѣдъ за Апостоломъ вернулся къ царю и зять его, разсказывавшій объ этомъ возвращеніи слѣдующее: „Хотя я, нижайшій, и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись въ неволѣ при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ, въ сторонѣ противной его императ. величества, однако устороживши измѣнника Мазепы хитрость и измѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только съ женою, зъ тоей непріятельской стороны увойшолъ, на масля-

---

[1]) Ревизія Прилуцк. полка 1713 г., въ б—кѣ Кіевск. Археогр. Коммиссіи, № 392.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., іюль-авг., 101.

ницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику Миргородскому, въ мѣстечко Голтву, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его имп. величества; и я не могучи въ пути достигнуть, пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его в—ва и пріятъ милостиво, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшого князя (Меншикова) письмо, по именному указу его величества, до гетмана Скоропадского." [1]) А гетману Меншиковъ написалъ: „которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самого маетности—всѣ отдать ему". Эту несказанную милость царя къ сыну Димитрія Г—ка слѣдуетъ объяснить желаніемъ приласкать Апостола, пользовавшагося общимъ расположеніемъ на Украинѣ и, конечно, имѣвшаго въ это время больше значенія, чѣмъ новопоставленный преемникъ Мазепы... Исполняя распоряженіе Меншикова, Скоропадскій выдалъ слѣд. универсалъ: „Хочай за сообщеніе полковника Прилуцкого Дмитрія Г—ка къ непріятельской сторонѣ—отдалилисмо маетности его отъ него, однако, когда сынъ его, мененного полковника, п. Андрей Г—ко отъ сторони измѣнничои отторгнувшися и оставивши отца своего, повернулся къ своимъ дѣбрамъ, гдѣ освѣдчивши вѣрность свою, обѣщался и умрети за достоинство монарше, щире и постоянно застановляючись противко непріятелской сторони, того ради утверждаемъ ему села и грунти." [2]) Извѣстіе о царской милости къ Андрею Г—ку произвело въ средѣ Прилуцкой старшины большое смятеніе. Въ этотъ моментъ Носъ, только что ставшій Прилуцкимъ полковникомъ, и обрисовалъ личность своего предшественника въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше. Прилуцкая старшина не допускала мысли, чтобы маетности измѣнившаго царю полковника отданы были его сыну, и притомъ сыну, который тоже присоединялся къ „измѣнничьей сторонѣ". Особенно волновался Носъ, писавшій къ гетману: „извѣщаю, что если п. Андрей съ прошлою властью до своего повернется дому, то не только я съ своего полковницкого уряду, але и всѣ мѣщане (горожане) наши знач-

[1]) Вѣстн. Европы, 1872 г., май, 69.

[2]) Тамъ-же.

ніе, и наиподлѣйшіе люди—съ жилищъ своихъ уступити мусятъ...“ Сообщая затѣмъ, что Андрей Г—ко, смотря на отца, и самъ не меньше угнеталъ Прилуцкихъ полчанъ („да и самъ п. Андрей не едныхъ людей боемъ своимъ припровадилъ до калѣцства и смерти“),—Носъ продолжаетъ: „И какого ждать намъ сосѣда изъ п. Андрея, который склонялъ генерала Крейца (шведа), чтобы всѣхъ людей въ Прилукѣ вырубить, на томъ основаніи, что, кромѣ ихъ Горленковскаго дома, больше нѣтъ въ городѣ пріятелей шведамъ. ...Мы всѣ хочемъ просить ясневельможность вашу, чтобы маетности бывшого полковника были возвращены обѣднѣвшему и разоренному нашему полку; „а до того и мнѣ, сего неспокойного часу, мешкаючи вотще на полковничомъ урядѣ и подручнымъ моимъ новопоставленнымъ, безъ якой колвекъ награды, не будетъ охоты до услугъ и праць войвойсковыхъ ложеня, ежели п. Андрей свои и отцовскія посядетъ маетности [1])“.

Разумѣется, Скоропадскій не могъ измѣнить приказаній, данныхъ свыше. По универсалу 29 мая 1709 г. Андрей Г—ко получилъ: Дубовый Гай, Сергіевку, Бѣлошапки, Яблоновицу и тѣ хутора, которые устроилъ отецъ ея на „купленныхъ грунтахъ“. Но Носъ не хотѣлъ помириться съ возстановленіемъ земельныхъ богатствъ Горленковъ, разумѣется надѣясь захватить изъ числа ихъ хорошую долю для себя лично. Увидѣвъ безсиліе гетмана, новый полковникъ пробовалъ лично расправиться съ Г—комъ, который впослѣдствіи разсказывалъ, какъ преслѣдовалъ его Носъ: „въ 1710 г., небожчикъ (покойный) полковникъ Прилуцкій Иванъ Носъ, *по своей на меня тогда злобѣ и завзятости*, ругалъ меня, въ дому Михайла Огроновича, какъ самъ хотѣлъ, а потомъ билъ и пробилъ голову; за то безчестье и побои, жаловался я гетману и, по его приказанію, былъ сдѣланъ розыскъ, и Носъ былъ обвиненъ: и приказалъ было гетманъ Носу „погодить“ (удовлетворить) меня и возвратить мнѣ проторы и убытки, счетомъ сто червонцевъ; но отдалъ мнѣ Носъ только 57 червонцевъ“... [2]) Вообще, послѣ такихъ нео-

[1]) Русск. Арх. 1875 г., II, 253.

[2]) Интересно, что присужденные съ Носа Андрею Г—ку сто червонцевъ слагались изъ тѣхъ взятокъ, которыя послѣдній долженъ

жиданныхъ милостей, какія получилъ Г—ко послѣ своего возвращенія отъ Мазепы, ему потомъ пришлось испытать большія бѣды. Кромѣ полученныхъ оскорбленій отъ Носа, Андрей Г—ко „явился въ немалой причинѣ и подозрѣніи“ за сношенія съ своимъ отцомъ, остававшимся съ Карломъ XII въ Бендерахъ, и вытребованъ былъ въ Москву, гдѣ обѣщали ему впрочемъ жизнь „безъ утѣсненія“ [1]). Возвращенныя маетности остались безъ защиты, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться его враги. Въ это время гетманша Скоропадская устраивала Гамалѣевскій монастырь (въ Глуховск. у.), который желала надѣлить, по тогдашнему обычаю, и маетностями. Явились совѣтники, въ числѣ которыхъ могъ быть и Носъ, и посовѣтовали гетманшѣ воспользоваться для этого маетностями отсутствующаго Андрея Г—ка и надѣлить новый м—рь именно этими маетностями. Для бо́льшей прочности этого дѣла, употреблена была особая хитрость. Въ универсалѣ Скоропадскаго (1 дек. 1713 г.) объ этомъ надѣленіи монастыря маетностями говорилось слѣдующее: „Давно уже малжонка (жена) моя п. Анастасія Марковна, за нашимъ совѣтомъ и согласіемъ, положила въ своемъ намѣреніи обѣтъ создать своимъ коштомъ дѣвичій м—рь... А нынѣ, желая обѣтъ

былъ раздать въ Глуховѣ за судъ его съ Носомъ, при чемъ дано было Г—комъ: самому Скоропадскому 30 червонц., двумъ бунчук. товарищамъ, Тарновскому и Полуницкому, (вѣроятно, производившимъ «розыскъ») по 30 червонц., генер. писарю Семену Савичу—4 червонца, гетманскому шурину Андрею Марковичу 6 червонц. Изъ присужденныхъ Г—ку съ Носа ста червонц. «проторовъ и убытковъ», 57 червонц. были взысканы уже послѣ смерти Носа, который вѣроятно не подчинился рѣшенію гетманскаго суда. Сохранилась записка Скоропадскаго, писанная въ 1716 г., къ вдовѣ Носа, въ которой гетманъ грозно приказываетъ послѣдней «нагородить» Г—ка,—«крайне сей нашъ листъ, пишучи до вашмости, пилно желаемъ и приказуемъ, абы вытъ теперь помянутіе червоніе ему п. Г—ку отдала. Коли-жъ, если не отдаси, то зъ болшою будетъ вити турбаціею, когда повелимо оному (т. е. Г—ку) за тое грунтъ якій витинъ взяти въ арештъ». Но и такія угрозы не дѣйствовали, такъ какъ Г—ко и въ 1729 г. повторялъ, что кромѣ 57 червонц. онъ больше съ вдовы Носа не получалъ. См. Русск. Арх. 1875 г., II, 254.

[1]) Матеріалы для Отечеств. Исторіи, Судьенка, II, 165.

тотъ свой привести въ исполненіе... млины и прочіе грунта м—рю тому покупала на собственныя деньги, а также отдала и *собственный свой отческій хуторъ Дубогаевскій съ людьми, тамъ-же на купленныхъ грунтахъ поселенными, съ приселками къ тому хутору принадлежащими, какъ то: Яблоновцемъ, Бѣлошапками, Дейманівкою, Сергіевкою* и двумя Дѣвичками, и просила насъ тѣ грунта на обитель подтвердить"...[1]) Такимъ образомъ, скрывая то обстоятельство, что на монастырь отбираются чужія маетности, Скоропадскіе называютъ ихъ здѣсь „приселками" собственнаго Настасьи Марковны Дубогаевскаго хутора, который въ дѣйствительности былъ не хуторъ, а тоже село—Дубовый Гай, принадлежавшее вмѣстѣ съ Сергіевкою, Бѣлошапками и Яблоновицею, Андрею Г—ку. Названы были эти маетности *приселками* гетманши для того, чтобы легче было монастырю получить на нихъ царскую грамоту, которая уже безповоротно должна была закрѣпить ихъ за монастыремъ. Обыкновенно, при выдачѣ такихъ грамотъ коллегія иностранныхъ дѣлъ наводила справки о свободности жалуемыхъ маетностей; но здѣсь никакихъ селъ названо не было, а указывались лишь „приселки", принадлежавшаго гетманшѣ хутора. Выдача грамоты зависѣла отъ Головкина, который получивъ на Украинѣ въ 1709 г. Роменское мѣст. Константиновъ съ селами, иначе Скоропадскаго и не называлъ, какъ своимъ „благодѣтелемъ", а потому гетманскій универсалъ на „Дубогаевскій хуторъ съ его „приселками"— дословно былъ подтвержденъ царскою грамотою черезъ два мѣсяца послѣ его выдачи (25 янв. 1714 г.) Тогда-же гетманъ постарался перевести въ другое владѣніе и укрѣпленную за Горленкомъ царскою грамотою Ольшану: въ 1713 г. село это было отдано гетманомъ Шереметеву, отъ котораго оно возвратиться Горленкамъ конечно уже не могло... Такимъ образомъ Андрею

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 351. Впрочемъ, въ числѣ земель отданныхъ Гамалѣевскому м—рю, по универсалу 1713 г., была часть и скупленная гетманшею Скоропадскою въ с. Дубовомъ-Гаю, Сергіевкѣ и Бѣлошапкахъ. Наибольшее количество земель скуплено было здѣсь Скоропадскою въ 1714 г., т. е. уже послѣ выдачи м—рю универсала. Купчія на эту «скуплю» мы видѣли у Н. П. Василенка.

Г—ку преграждены были пути къ возвращенію отцовскихъ маетностей...

Поправились дѣла молодого Г—ка только въ 1727 г., когда гетманомъ сталъ его тесть, поспѣшившій тогда-же надѣлить зятя, взамѣнъ потерянныхъ, новыми маетностями [1]).

Старый Горленко, Дмитрій, оставался въ „Волощинѣ“ до 1715 г. Хлопоталъ онъ и раньше о возвращеніи на родину, причемъ у него были и сильные предстатели, но не смогли и они выхлопотать у царя Г—ку свободнаго возвращенія на Украину.—„О полковникѣ бывшемъ Прилуцкомъ Горленкѣ съ его компаніею—инако не возмогли у его ц. величества исходатайствовать кромѣ того, что изволилъ указать имъ (Горленку и его „компанія“) нынѣ жити въ Москвѣ, а не въ Украинѣ“. Такъ писалъ Шафировъ къ какому то сіятельному предстателю за Горленка, при чемъ добавлялъ: „но въ томъ, ваше с—во, можете ихъ вѣрно ассекуровать, что оные всесовершенно и весьма отнюдь ни въ чемъ истязаны не будутъ и останутся въ здравіяхъ ихъ цѣлы; такожъ и съ Москвы никуда не пошлются, но будутъ имѣть пребываніе въ оной, и ѣхали-бъ безъ всякаго сумнительства. И тако, могутъ оные пребываніе свое имѣть свободно. Но что оный Г—ко упоминался о маетностяхъ своихъ, чтобы паки были ему возвращены, на то его величество нынѣ не соизволилъ; однакожъ и изъ оныхъ могутъ впредь на пропитаніе что получить, а нынѣ всего сдѣлать невозможно“ [2]). При такихъ обѣщаніяхъ вернулся Дмитрій Г—ко на родину въ 1715 г.—Тяжелыя воспоминанія должны были наполнить душу когда-то властнаго полковника, а теперь—стараго и бѣднаго „знатного товариша войскового“, какъ стала Г—ка съ этого

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г. II, 256. Вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы, Андрей Г—ко началъ было процессъ съ гетманшею Скоропадскою за отнятыя на Гамалѣевскій м—рь маетности, но выиграть этого дѣла не могъ. См. Вѣстн. Евр. 1872 г., май, стр. 84., гдѣ Де-Пуле говоритъ, что будто-бы процессъ этотъ кончился полнымъ торжествомъ Андрея Горленка, хотя изъ имъ-же приведенныхъ фактовъ ясно видно, что процессъ кончился «полнымъ торжествомъ» Скоропадской...

[2]) Вѣстн. Евр. 1872 г., май, 71.

времени именовать гетманская канцелярія... Естественно было Г—ку подъ этими впечатлѣніями заболѣть горячкою, которая впрочемъ дала ему возможность задержаться на Украинѣ лишніе мѣсяцы... Гетманъ справлялся о болѣзни Г—ка и торопилъ его ѣхать въ Москву. Вотъ любопытное письмо Скоропадскаго, писанное къ Г—ку по этому поводу.—„Мой ласкавій пріятелю п. Горленку! Повернувшійся зъ Прилуки, посиланній до вашей м—ти капитанъ учинилъ намъ такую реляцію, же в. м., слава Богу, одъ болѣзни горячки получилъ ослабу, только на ногу болѣзнуешъ, для которой любо зъ трудностю в. м. зъ мѣстца заразъ рушитися. Однакъ пилно жадаемъ, абысь в. м., разсуждаючи умедленное монаршого ц. пресв. величества указу исполненіе, не наволѣкъ на себе въ томъ гнѣву и на насъ пороку. И якъ возможно, положивши въ далшой своего здоровя поправѣ надежду на Господа Бога, немедленно пріѣзжай къ намъ въ Глуховъ для отъѣзду къ Москвѣ“ [1]). Письмо это Скоропадскій писалъ въ томъ-же 1715 г.; въ этомъ же, видимо, году Г—ко отправился въ свою безсрочную ссылку „на Москву“. Прожилъ Г—ко въ этой ссылкѣ до 1731 г., когда, наконецъ, ему разрѣшено было вернуться въ родную Прилуччину, гдѣ оставалась, во все время ссылки, его жена [2]). Жена его жила здѣсь въ х. Чернявщинѣ, владѣя нѣсколькими другими хуторами и водяными мельницами. Отсюда она снабжала своего мужа-поселенца разнымъ, „провіантомъ“, при чемъ нерѣдко должна была дѣлать займы, при чемъ задолжала напр. Густынскому м—рю 3550 золотыхъ [3]).

Вернувшись на родину, Г—ко поспѣшилъ написать (въ августѣ 1731 г.) завѣщаніе и, повидимому, очень скоро послѣ этого умеръ. Въ завѣщаніи Г—ка читаемъ: „Будучи не такъ глубокою многихъ лѣтъ старостію, яко тяжкимъ многихъ тру-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 73.

[2]) При отпускѣ Г—ка изъ Москвы, съ него взято было любопытное обязательство («реверсъ»), что онъ живя въ Малой Россіи, «никакого уряду себѣ искать и принимать не будетъ» и «съ измѣнниками изъ малороссіянъ, съ Орликомъ и другими, и съ запорожцы, никакихъ сообщеній чинить не будетъ». Русск. Арх. 1875 г., II, 251.

[3]) Вѣстн. Евр. 1872, май, 86.

довъ и клопотовъ претрудненній бременемъ, и желаючи того да смерть, аки тать, спящи ми сномъ небреженія, не подкопаетъ храмини тѣла моего и не похититъ внезапу сокровища живота моего, бодрость мою и безсонное бдѣніе симъ требующому вѣдать предъявляю"... Небольшое имѣніе, которое оставалось у Г-ка въ это время, онъ подѣлилъ такъ: „первородному" сыну Андрею завѣщалъ тѣ грунта, „якіе отъ раздачи разнымъ особамъ остались", а тѣ земли, „до которыхъ сподъ арешту Московского милостивымъ указомъ въ домъ свой былъ отпущенъ", онъ оставляетъ женѣ, особенно заботясь—какъ-бы лучше обезпечить ей покойную старость, при чемъ поручалъ ее „заступленію" генер. обознаго Якова Лизозуба, яко коллегіата" своего, Прилуцкаго протопопа Лисаневича и родичей: Акима Горленка и Павла Раковича, которыхъ просилъ: „дабы доколь панѣ малжонка моя въ живыхъ обрѣтатимется, отъ ненавидящихъ и обидящихъ ея имѣли свое заступленіе". „На поминъ души" своей Г—ко оставлялъ немного, потому что самъ имѣлъ мало,—всего только 1480 „золотыхъ" (около 300 рубл.); изъ нихъ 1000 зол. на Печерскую лавру, по 100 зол. на монастыри Густынскій и Ладинскій, 100 зол. на Прилуцкія церкви, 50 зол.—нищимъ, 30 зол.—духовному отцу и 100 зол. на погребеніе. Похоронить себя Г—ко завѣщалъ „въ обители святой Густынской, при гробахъ родителей".

Повидимому, Дмитрію Г—ку пришлось испытать всякаго горя болѣе чѣмъ кому нибудь другому изъ мазепинцевъ и, главнымъ образомъ, потому что „фортуна" ужъ очень благоволила къ нему раньше. Наживъ огромное по тогдашнему богатство въ короткое время, Г—ко растерялъ его не за „измѣну", а по ухищреніямъ своихъ же бывшихъ „коллегіатовъ", которые не могли забыть его прежней силы и мстили ему за эту силу.

Преемникомъ Димитрія Горленка былъ **Иванъ Носъ**, отецъ котораго въ 1678 г. былъ городовымъ атаманомъ въ м. Носовкѣ, Кіевскаго полка. Иванъ Носъ, по преданію, провелъ молодость въ Запорожьи, оставивъ которое и выйдя въ „города", Носъ пристроился въ Прилуцкомъ полку; пристроился онъ тутъ, женившись на вдовѣ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, Настасьѣ. родной сестрѣ Семена Раковича, который былъ—и

Прилуцкимъ полковымъ писаремъ, и зятемъ Лазаря Горленка. Это родство и свойство, конечно, и дали бывшему запорожцу возможность выдвинуться въ первые ряды полковой старшины. Впрочемъ, природная ловкость Носа тутъ тоже очень ему помогала. Сначала (въ 1672 г.) встрѣчаемъ Носа на незначительномъ урядѣ городового атамана; затѣмъ, въ 1676 г., онъ, не занимая уже этого уряда, тѣмъ не менѣе, оставался настолько замѣтнымъ человѣкомъ, что обозначается на „урядовыхъ“ актахъ въ числѣ „зацныхъ“ лицъ [1]). А менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, въ апрѣлѣ 1677 г., Носа видимъ *полковымъ обознымъ* [2])... Такое необычное повышеніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Носъ могъ принимать близкое участіе въ дѣлѣ низложенія Горленка, при чемъ урядъ обознаго могъ быть ему наградою за это участіе... Способность Носа къ интригѣ и умѣніе пользоваться обстоятельствами—видны и изъ его участія въ томъ событіи на Коломакѣ, послѣдствіемъ котораго было низложеніе Самойловича и поставленіе Мазепы. Въ это время Носъ почему то былъ уже только полковымъ есауломъ. Участіе Носа въ веденной Мазепой на Коломакѣ интригѣ видно изъ того, что черезъ мѣсяцъ послѣ полученія булавы, новый гетманъ выдаетъ Носу универсалъ на Голубовку. Это былъ фактъ необычный, потому что маетность давалась незначительному уряднику тогда, когда еще и полковники рѣдко получали такія маетности; кромѣ того, маетность давалась Носу Мазепою въ первый мѣсяцъ его гетманства, когда онъ далъ ихъ не болѣе десяти—или тѣмъ, кто ему помогалъ на Коломакѣ, или тѣмъ—кого ему нужно было немедленно приласкать [3]). Несомнѣнно,

---

[1]) Въ актѣ 23 мая 1676 г. читаемъ: «Передо мною Лазаремъ Горленкомъ, полк. е. ц. пр. вел. В. Запор. Прил., при бытности при мнѣ Івана Маценка, судіи п. Прил., Семена Висоцкого, атамана городового Прил., *Івана Носа, козака, товариша нашего войскового*, и иншихъ не мало при томъ будучихъ»...

[2]) «Предо мною Іваномъ Маценкомъ, полковникомъ Войска е. ц. пр. вел. Запор., Прил., при бытности Василя Себестияновича, судіи, Хведора Молчана, асаула, *Івана Носа, обозного*, рейментаровъ полку Прилуцкого...» Актъ 14 апрѣля 1677 года. Оба акта въ нашей б—кѣ, *въ сборникѣ бумагъ Якубовичей*.

[3]) См. Кіев. Стар. 1898 г., мартъ, 484. Особымъ вниманіемъ, оказаннымъ въ это время Мазепою Носу, слѣдуетъ объяснить и гетманскій универсалъ, выданный тогда же вдовѣ Семена Раковича, на

что Носъ на Коломакѣ—чѣмъ нибудь особенно прислужился Мазепѣ, чѣмъ и заслужилъ такую большую награду... Но очень скоро послѣ этого Носъ почему то потерялъ свое есаульство и снова обратился въ рядового войсковаго товарища. Но, какъ видно, Носъ успѣлъ очень скоро снова выслужиться передъ Дмитріемъ Горленкомъ, который, получивъ Прилуцкое полковничество въ 1692 г., въ томъ же году лично даетъ Носу новую маетность... Въ „листѣ“ Горленка читаемъ: „ознаймуемъ нашимъ писанемъ, ижъ респектуючи мы на давніе услуги въ Войску Запорозскомъ роненние пана Ивана Яремовича Носа, *значного товариша войскового*, надаемъ оному селце Щуровку, въ ключи Иваницкомъ найдуючеся, позволяючи зъ оного селця всякими приходячими пожитками корыстовати, до якого абы уже войтъ Иваницкій болше жадного не мѣлъ дѣла, пилно варуемъ того. Тако жъ войтъ зъ мещанами вышменованного селца Щуровки, абы належитое ему пречоному пану Носовѣ отдавалъ послушенство, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ“ [1]). Этотъ полковничій „листъ“ останавливаетъ на себѣ еще бо́льшее вниманіе, чѣмъ гетманскій универсалъ 1687 г. на Голубовку: далъ его полковникъ тогда, когда такихъ „надачъ“ полковники еще не производили и далъ лицу, не занимающему никакого уряда, а только—войсковому товарищу. Можно думать, что и „надача“ Щуровки была наградою за какую нибудь особую услугу Носа; быть можетъ Горленко благодарилъ Носа за помощь въ полученіи полковничества, которое было Горленку дано послѣ смѣ-

---

сестрѣ котораго былъ женатъ Носъ. *Тамъ же.* Въ генер. слѣдствіи о маетн. Прилуцк. полка (Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. XI) говорится, что Голубовка была отдана Ив. Носу еще въ 1679 г., тогдашнимъ Прилуцкимъ полковникомъ Черняевскимъ... Мож. быть Черняевскій и позволялъ Носу «до ласки» пользоваться Голубовкою (фактъ мало вѣроятный), но универсалъ на это село Носъ получилъ отъ Мазепы 25 августа 1687 г., какъ это видно и изъ подтвердительной царской грамоты на Голубовку, выданной Носу въ 1692 г.

[1]) Подлинникъ въ нашей б—кѣ. Интересно въ этомъ «листѣ» названіе Носа, кромѣ его прозвища, еще и отцевскимъ именемъ, чего въ Старой Малороссіи, а особенно въ XVII в., не водилось. Быть можетъ, Яремовичемъ Носа называли «поуличному», почему полковникъ нашелъ нужнымъ упомянуть и объ этомъ его прозвищѣ.

щенія Стороженка... Засимъ, Носъ скоро опять получилъ полковой урядъ и уже высшій—урядъ судьи; на этомъ урядѣ видимъ его въ 1695 г., когда данъ былъ ему Мазепою подтвердительный на Щуровку универсалъ:—„просилъ насъ п. Иванъ Носъ, судія полковой Прилуцкій, о надане и потвержене села Щуровки, а показывалъ намъ и листъ п. полковника Прилуцкого на тое селце себѣ данний. Теды мы, респектуючи на его услуги здавна въ Войску Запорожскомъ роненіе, выдаемъ ему сей нашъ потвержателний унѣверсалъ, позволяючи онимъ селцемъ владѣти и всякія повинности зъ тяглыхъ людей тамошныхъ отбирати...“ По всему видно, что Носъ умѣлъ прислуживаться у властныхъ людей и заслуживать у нихъ особыя милости. Очень близкія отношенія съумѣлъ Носъ установить съ своимъ полковникомъ, какъ это видно изъ интереснаго его письма къ Г—ку о женитьбѣ „первороднаго“ сына послѣдняго, уже знакомаго намъ Андрея Г—ка. Повидимому, Носъ былъ распорядителемъ „весельной компаніи“, сопровождавшей жениха въ м. Сорочинцы, гдѣ происходило его вѣнчанье съ дочерью Апостола, тогда Миргородскаго полковника. Объ этомъ „поѣздѣ“ Носъ писалъ отцу жениха изъ Сорочинецъ: „послѣ ночлега въ м. Хомутцѣ, выслушавъ тамъ обѣдню и затѣмъ позавтракавъ, двинулись мы дальше и поспѣли въ Сорочинцы на поздній обѣдъ; тутъ „по обыкновенію веселную трактуючи церемонію и подарки роздавши, южъ щасливе дня нынѣшнего (8 сент. 1700 г.), предъ престоломъ Божіимъ, доживотнымъ между его милостью п. сыномъ вм. м. панства и между еи мил. п. цоркою его мл. п. полковника Миргородского, неразрѣшимымъ шлюбу (брака) союзомъ, (*закончили?*) при бытности тихъ тамъ годныхъ особъ, которыхъ имя и число посылаемій отъ насъ вм. м. пану изъявитъ реестръ...“ Послѣ свадьбы „молодые“ отправлялись въ Прилуку, а съ ними собирались туда-же ѣхать и Сорочинскіе гости. О количествѣ послѣднихъ Носу поручено было заблаговременно извѣстить Прилуцкихъ хозяевъ, но порученіе это исполнить было не легко: „якіе зась зъ его мил. п. полковникомъ Миргородскимъ маютъ до дому вм. м. панства, быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и вм. м. пану доносити трудно“. Но къ этому Носъ добавилъ, что „можетъ быть п. сотникъ нашъ полковой (тоже, значитъ

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 69-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1900 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЬСКИХЪ И ЮЖНО-РУССКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТЕЧЕНІЙ ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВѢКА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ НАПРАВЛЕНІЕМЪ ТОГДАШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. **П. Гаврилова** . . . . . 1—15

II. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1852—1861). **М. Чалаго** . . . . . 16—50

III. ПЕРЕДЪ ВОЛЕЮ. Драма въ 5 діяхъ. **М. Кропивницького.** 51—126

IV. ПО ПОВОДУ ОДНОГО НАУЧНАГО ОТКРЫТІЯ. **Проф. И. В. Лучицкаго** . . . . . 127—138

V. КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ. **Н. Бѣляшевскаго** . . . . . 139—148

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) За что былъ оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ держаніемъ на пушкѣ. **Ал. Андр.**; б) Къ біографіи А. П. Стороженка. **А. С.**; в) Портретная икона Чацкихъ въ м. Боремлѣ. **О. Л.**; г) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; д) Приворотныя средства. Сообщ. **А. Хатемкинъ**; е) Свое-

образныя молитвы. Сообщ. **А. Хатемкинъ**; ж) О пѣсняхъ про волю. **М. И. Корниловича**; з) Подписка на памятникъ Котляревскому въ Полтавѣ . . . . . 1—12

Текущія извѣстія . . . . . 12—17

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. **В. Б.** б) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Александра I (съ 1810 г. по 19 ноября 1825 г.). **Н. С.**; в) Очерки Малороссіи. „Приходская библіотека", изд. подъ ред. И. Шемякина. **И.**; г) Брошюры Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. **С. Н.**; д) Береженого Богъ береже. Оповидання селянына про скотську чуму; е) Обозрѣніе епархіальныхъ вѣдомостей южныхъ епархій 1899 г.; ж) Труды Кіевской Духовной Академіи 1899 года; з) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . 18—5

Археологическая лѣтопись . . . . . 57—67

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 7-й и 8-й.

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (Библіографическія справки). **Вл. Каллаша** . . . . . 149—159

II. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. *(Продолженіе)*. **В. Милорадовича** . . 160—173

III. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЬСКИХЪ И ЮЖНО-РУССКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТЕЧЕНІЙ ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВѢКА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ НАПРАВЛЕНІЕМЪ ТОГДАШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (*Окончаніе*). **П. Гаврилова** . . . . . 174—190

IV. НА ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫНЪ. Комедія у 5 діяхъ. **Л. Яновской.** 191—258

V. ПОХОДЪ КОЗАКОВЪ ВЪ СѢВЕРНУЮ РОССІЮ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА. **В. Д.** . . . . . 259—269

VI. ВЫБОРНОЕ НАЧАЛО ВЪ СРЕДѢ ВОЛЫНСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **В. Храневича.** . . . . . 270—273
VII. ЗЛОДІЙ. Повисть. **В. Чыгрынця** . . . . . 274—278

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) „Опасная болѣзнь“ въ Переяславскомъ полку въ 1750 году; б) Гвардіи капралъ Думитрашко въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ; в) Смѣна доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ; г) Предполагавшееся въ 1860 году изданіе украинскихъ сборниковъ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; е) Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. Сообщ. **В. Милорадовичъ** . . . . . 57—86
Текущія извѣстія . . . . . 87—94
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. **В. Дурдуковскаго**; б) «Етнографічний збірник». Видае етнографічна комісия наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI и VII. **В. Д.**; в) Окрестности Кіева «Пустыни». Сборникъ автотипій съ фотографій Н. Бобира. **А. С—ча**; г) «Часопись Правнича». Розвідки правничі секціі исторично-фільозофичної наукового Товариства ім. Шевченка. **В. Д.**; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 95—115
Археологическая лѣтопись . . . . . 116—132
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 1—16

Книга третья—іюнь,

ОТДѢЛЪ I.

I. ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ В. Я. ГРЕЧУЛЕВИЧА. (По поводу тридцатилѣтія со дня его смерти. **А. Лотоцкаго** . . 279—287
II. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (Попечительство Н. И. Пирогова). **М. Чалаго** . . . . . 288—309
III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ У., ПОЛТ. Г. (*Продолженіе*). **В. Милорадовича** . . . . . 310—332

IV. СТАРЕ И НОВЕ. (Оповиданя). Гл. I—VII. **В. Левенко.** 333—377
V. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА XVI И XVII СТ. ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ (со снимкомъ надгробія кн. Острожскаго). **Ст. Яремича** . . . . . 378—390
VI. КЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. Сообщ. **Н. С.** . . . 391—397
VII. ХВЕСЬ, ПРЕСЛАВНЫЙ ГАЙДАМАКА. Стих. **Б. Гринченка.** 398—402

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепина церковь въ с. Деггяровкѣ. **С. Рлицкаго;** б) Какъ звали гетмана Бородавку? в) Погибшіе матеріалы **М. Васильева;** г) Т. Шевченко въ легендѣ. **М. К. Васильева;** д) Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ? **А. Цыссъ;** е) Бердичевскія подземелья. Сообщ. **А. Мёрдеръ;** ж) Людвикъ Житинскій. (Некрологъ). **В. Антоновичъ;** з) Е. И. Борисовъ. (Некрологъ); и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ . . . . . 133—149
Текущія извѣстія . . . . . 149—154
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Изъ украинской старины. Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. **Ш. Л.;** б) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 г. **В. Н—ня;** в) С. Гамченко. Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга", близъ с. Студенца, Житомирск. у., Волын. г. **Н. Б;** г) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки. **Н. Б.;** д) И. Мыронъ. Абу-Каземови капци. **С. Р;** е) Galicia w obrazach. **Н. Ш.;** ж) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журн. статьяхъ. . . . . 155—187
Археологическая лѣтопись. . . . . 188—206
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 2-й. . . . 17—32